

orientalis

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Востоковедение

2020

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 12.10.2020г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №___ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Верстка и допечатная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р., к-н. ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: **Зайнуллин Г.Г.**, д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Хабибуллина Э.К., к.филол.наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куок Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 issues per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of. 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 12.10.2020г. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №___ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzyanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: **Zaynullin G.G.**,

Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Khabibullina E.K., Candidat of Philological Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quang Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Котельникова Н.Н. ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА – 4

Ишутина Ю.А., Кошкарёв О.И. СПЕЦИФИКА НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ НАУКОМЕТРИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА – 10

Урывская Т.А., Тахтарова С.С. ТИПОЛОГИЯ БУКВЕННЫХ СЛОВ КИТАЙСКИХ ЦИФРОВЫХ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ – 22

Колпачкова Е.Н. ХОРОШИЙ ПЕДАГОГ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОРОШИМ УЧЁНЫМ: К ВЫХОДУ «ГРАММАТИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА» СИН ФУИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ – 26

ИСТОРИЯ

Наземцева Е.Н. ПОЛИТИКА ЯПОНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КИТАЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – 38

Макеева С.Б. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КИТАЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАЙОНИРОВАНИЯ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (XX - Н. XXI) – 49

Дацышен В.Г. СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЕВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В 1980-1990 ГГ. – 55

Верченко А.Л. 88-Я БРИГАДА И СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЕДИНСТВО ЦЕЛЕЙ И ОБЩАЯ ПОБЕДА – 62

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Арутюнян А.А. КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» И ТУРЕЦКИЙ СРЕДНИЙ КОРИДОР – 76

Эпштейн В.А., Чистякова Е.В. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА КНР КАК ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА – 92

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Сячин В.Г., Эпштейн В.А. МОРСКИЕ ПОРТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ КНР – 99

Богаевская В.В. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ «ОДНА СЕМЬЯ – ОДИН РЕБЁНОК» В КНР – 114

Акимова В.Г., Мартынов Д.Е. АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР И ИНТЕРЕСЫ РФ – 123

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. РЕЦЕНЗИЯ: MAISSEN T., MITTLER B. WHY CHINA DID NOT HAVE A RENAISSANCE – AND WHAT THAT MATTERS: AN INTERDISCIPLINARY DIALOGUE – 132

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Kotelnikova N.N. EXPRESSION OF TRADITIONAL CULTURAL VALUES IN URBAN SOCIAL ADVERTISING RELATED TO THE CONCEPT OF “CHINESE DREAM” – 4

Ishutina Y.A., Koshkarev O.I. SPECIFICITY OF NEOLOGISTS IN THE SPHERE OF SCIENCE METRY OF THE MODERN CHINESE – 10

Uryvskaya T.A., Takhtarova S.S. TYPOLOGY OF LETTERED WORDS OF CHINESE DIGITAL MEDIA-TEXTS – 22

Kolpachkova E.N. A GOOD TEACHER SHOULD BE A GOOD SCIENTIST: INTRODUCING THE RUSSIAN TRANSLATION OF “MODERN CHINESE GRAMMAR” BY XING FUI – 26

HISTORY

Nazemtseva E.N. JAPANESE OCCUPATIONAL AUTHORITIES' POLICY REGARDING THE RUSSIAN EMIGRATION IN THE OCCUPIED TERRITORIES OF CHINA DURING THE SECOND WORLD WAR – 38

Makeeva S.B. CHINA'S HISTORICAL EXPERIENCE ON THE USE OF ZONING IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES (XX-BEGINNING OF XXI) – 49

Datsyshen V.G. FORMATION OF MODERN CHINESE STUDIES EDUCATION IN THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA IN THE 1980-1990S. – 55

Verchenko A.L. 88TH BRIGADE AND SOVIET-CHINESE INTERACTION: UNITY OF PURPOSES AND COMMON VICTORY – 62

INTERNATIONAL RELATIONS

Harutyunyan A.A. CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE AND TURKEY'S MIDDLE CORRIDOR – 76

Epshteyn V.A., Chistyakova E.V. PRC SOCIAL CREDIT SYSTEM AS A FIELD OF APPLICATION ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES – 92

YOUNG SCIENTISTS

Syachin V.G., Epshteyn V.A. SEAPORT COMPLEXES AS A KEY POINT IN THE FUNCTIONING OF THE TRANSPORT SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA – 99

Bogayevskaya V.V. THE SOCIAL IMPACT OF CHINA'S ONE-CHILD POLICY – 114

Akimova V.G., Martynov D.E. CHINA'S ARCTIC POLICY AND INTERESTS OF RUSSIA – 123

REVIEW

Martynov D., Martynova Y. REVIEW: MAISSEN T., MITTLER B. WHY CHINA DID NOT HAVE A RENAISSANCE – AND WHAT THAT MATTERS: AN INTERDISCIPLINARY DIALOGUE – 132

Сегодня Вы держите в руках уже девятый номер журнала «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES». Мы считаем, что стоит поздравить читателей, авторов и создателей нашего журнала – мы продемонстрировали наши намерения на долгую и плодотворную работу. Становится традицией готовить специальный тематический номер журнала, приуроченный ко Дню образования Китайской Народной Республики. Этот выпуск наполнен научно-исследовательскими материалами, подготовленными участниками XIII международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура», которая проходит в эти дни в Институте международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

В этом году конференция посвящена таким важным историческим событиям как: 75-летие победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 75-летие победы в Войне сопротивления китайского народа японской агрессии 1931-1945 гг. Кроме того, в 2020 году отмечается 220-летие выдающегося востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского. Каждая из этих важных тем будет представлена на Круглых столах: «Вклад российских китаеведов в развитие мировой синологии: прошлое

и настоящее российской синологии» и «75-летие победы в Войне сопротивления китайского народа японской агрессии 1931-1945 гг.».

Необходимо отметить и значимость современных российско-китайских отношений. «Китайский народ никогда не забудет драгоценную помощь, оказанную Новому Китаю советским народом в самые трудные времена. За 71 год китайско-российские отношения прошли через множество меняющихся испытаний и стали более зрелыми и стабильными. Китайско-российская дружба подобна рекам Волге и Янцзы, которые имеют длинную историю и никогда не иссохнут», — заявил генконсул КНР в Казани У Инцин в одном из своих недавних интервью. Сейчас китайско-российские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху, продолжают поддерживать высокий уровень развития. Заявленный в 2020 году Год научно-технического и инновационного сотрудничества между Россией и Китаем этому подтверждение.

Публикуемые в очередном выпуске журнала «Современные востоковедческие исследования» научные статьи весьма разнообразны по тематике, но их объединяет одна общая тема – «Китай». Авторы статей и исследований раскрывают ее под разным углом, иногда оставляя повод для научной дискуссии. Именно этим доказывая, что Китай велик и многогранен, а изучать и исследовать его можно всю жизнь.

**С уважением, выпускающий редактор журнала
«Современные востоковедческие исследования»**

Мухаметзянов Рустем Равилевич

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ СЕРИИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»)***EXPRESSION OF TRADITIONAL CULTURAL VALUES IN URBAN SOCIAL ADVERTISING RELATED TO THE CONCEPT OF "CHINESE DREAM"**

Котельникова Надежда Николаевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

kotelnikova_n_n@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается наружная социальная реклама серии «Китайская мечта» в качестве транслятора традиционных культурных ценностей. Определены ценностные ориентиры, на формирование которых делает акцент руководство страны в рамках реализации новой национальной идеи.

Ключевые слова: *медиаурбанистика, Китай, социальная реклама, «китайская мечта», традиционные культурные ценности.*

Для цитирования: *Котельникова Н.Н. Традиционные культурные ценности в медиаурбанистическом пространстве современного китайского города (на материале социальной рекламы серии «Китайская мечта»). Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5). 4-11*

ABSTRACT

The article examines the outdoor social advertising related to the concept of "Chinese dream" as a translator of traditional cultural values. The study shows the formation of which spiritual and moral values is emphasized by the country's leadership on the way of the implementation of the new national idea.

Keywords and phrases: *urban communication studies, China, social advertising, "Chinese dream", traditional cultural values.*

For citation: *Kotelnikova N.N. Expression of traditional cultural values in urban social advertising related to the concept of "Chinese dream". Modern oriental studies. 2020; 2(5). 4-11*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

Современный город как сложное информационно-коммуникативное пространство, постоянно преобразующийся социально-культурный феномен является объектом изысканий ученых целого ряда социально-гуманитарных наук и научных направлений, одним из которых является медиаурбанистика. Медиаурбанистика – новое многоплановое исследовательское направление, находящееся на стыке урбанистики и теории коммуникации, цель которого – «исследовать различные формы урбанистического дискурса и закономерности их реализации в ландшафте большого города как экзистенциального пространства» [5, с. 129]. В медиаурбанистике город трактуется как сложная коммуникативная система, в составе которой представлены различные формы коммуникации, включая городскую эпиграфику, урбанонимы, нарративы о прошлом и настоящем города, традиционные и новые коммуникативные практики [6, с. 27].

Рассматривая медиаурбанистический дискурс в рамках проекта РФФИ «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР», мы значительное внимание уделяем социальной составляющей коммуникации и ее влиянию на формирование и развитие городского сообщества. Особое место в структуре городской коммуникации занимают социальные рекламные тексты, с помощью которых происходит вовлечение горожан в социальные процессы, пропагандируются общественно значимые идеи, ценности и определенные нормы поведения в обществе. Как справедливо отмечает М. В. Терских, «влияние рекламы на массовое сознание возрастает

с каждым годом, и социальная реклама в настоящее время выступает как инструмент формирования мировоззрения человека» [11, с. 213]. Значимую роль в формировании системы ценностей общества, культурных норм и стандартов играет наружная социальная реклама, поскольку она является не только органичной частью городского информационного пространства, но и одним из основных визуальных факторов, определяющих облик города, а визуальная среда окружающего пространства неизбежно влияет на сознание людей.

Материалом настоящего исследования послужила наружная социальная реклама серии «Китайская мечта» (中国梦), являющаяся в настоящее время неотъемлемой частью медиаурбанистического пространства любого китайского мегаполиса, которую мы рассматриваем в качестве транслятора традиционных культурных ценностей. Под традиционными культурными ценностями мы вслед за В. Н. Агаповой понимаем «лежащие в основе культурной идентичности, разделяемые на индивидуальном и коллективном уровне, а также отличающиеся образцовостью и наследованием духовные и материальные явления» [2, с. 12]. Основой традиционных культурных ценностей являются объединяющие духовные, нравственные и эстетические идеалы, «которые, являясь смыслообразующими идеями, находят предметно-прикладное воплощение в языке, национальных традициях и обычаях, фольклоре, художественных промыслах и ремеслах, произведениях культуры и искусства» [3, с. 117].

Концепция «Китайская мечта», о которой впервые заявил лидер нового, пятого поколения китайских руководителей Председатель КНР Си Цзиньпин 29 ноября 2012 г., вошла в общественную жизнь Китая как национальная идея о великом возрождении китайской нации. По словам Си Цзиньпина, «китайская мечта – это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь» [4]. Китайская мечта заняла приоритетное место в идейно-пропагандистской работе внутри Китая и за его пределами, выступая в качестве инструмента сплочения китайского общества и формирования позитивного образа страны за рубежом [7, с. 40].

Китайское руководство превратило идею осуществления «китайской мечты» в ключевую характеристику своей политики. Неудивительно, что «китайская мечта» стала одной из наиболее популярных тем политического медиа-контента КНР: она освещается в сюжетах CCTV-1, репортажах «Жэньминь жибао», «China Daily», агентства «Синьхуа», Международного радио Китая [10]. Идея осуществления «китайской мечты» активно пропагандируется в обществе, в том числе и посредством наружной социальной рекламы, которая преимущественно представлена в виде крупногабаритных плакатов. Вдоль тротуаров, на остановках общественного транспорта, на площадях, в парках и других местах отдыха горожан можно уви-

деть плакаты с текстом следующего содержания: 中国梦 就是咱的好日子 (Китайская мечта – это наши хорошие дни); 奔梦路上 喜事多 (На пути стремления к мечте много радостных событий); 中国圆梦 家家有福 (Китай осуществляет мечту. Счастье в каждый дом); 抬头望远, 梦在前头 (Подними голову, смотри вдаль, впереди мечта).

Пропаганда «китайской мечты» подразумевает активизацию идейно-воспитательной работы, формирование «социалистических сердцевинных ценностных воззрений» (社会主义核心价值观). По структуре «ценностные воззрения» относятся к трем различным уровням: уровень государства, уровень общества и уровень индивида. На уровне индивида эти ценности не носят ярко выраженного социалистического характера. Китайский лидер Си Цзиньпин указывает, что воспитание социалистических ценностных воззрений обязательно должно опираться на лучшие традиции китайской культуры, в которых запечатлены глубинные духовные устремления китайской нации. Сущностью же китайской культуры называется китайская традиционная добродетель, которая представляет собой богатый идеологический и этический ресурс. Призывы не отказываться от традиции были выражены в запоминающейся афористичной манере: «Лишь не забывая изначальное, можно открыть будущее» (不忘本来, 才能开创未来) [7, с. 51-52].

Традиционные ценностные воззрения и моральные нормы, которые необходимо выявить и развить у китайских граждан на пути к национальному возрождению, получили свое

отражение в целой серии наружной социальной рекламы, посвященной «китайской мечте». Плакаты этой серии учат китайцев: 讲诚信, 有良心 (Быть честным и добросовестным); 助人为乐 (С радостью помогать другим); 利人多福 (В бескорыстной заботе о других много счастья); 俭以养德 (Бережливость воспитывает высокие душевные качества); 谦让不是软弱 (Скромная уступчивость – это не слабость); 宽容, 忍让, 和善 代表你内心的强大 (В мягкости (терпимости), уступчивости, дружелюбии проявляется твоя внутренняя сила). Два последних примера иллюстрируют стремление закрепить в сознании китайского общества традиционные представления о том, что мягкость и уступчивость могут являться главным средством достижения успеха в любых делах, гораздо более эффективным, чем сила и настойчивость. Постулат великого китайского мыслителя Лао Цзы о том, что мягкое и слабое одолевает твердое и сильное, словно вода, которая точит камень и сокрушает скалы, играл важную роль в формировании психологического восприятия мира и характера китайцев. Эти категории являются безусловными добродетелями с позиций даосского трактата «Дао дэ цзин» и воспринимаются в Китае абсолютно позитивно, что кажется совсем непривычным и даже парадоксальным для европейского мировосприятия.

Среди традиционных ценностей, пропагандируемых социальной рекламой серии «Китайская мечта», особое место занимает трудолюбие, поскольку каждый член общества должен осознавать свою ценность воплотителя мечты и трудиться для ее достижения.

По нашим наблюдениям, именно плакаты с призывами к упорному труду, встречаются чаще всего. Например: 中国梦 牛精神 (Китайская мечта. Дух быка (обр. в знач. трудяга, работяга)); 辛勤劳动 圆我梦想 (Усердный труд осуществит мою мечту); 一份勤劳, 一份收获 (Как будешь трудиться, такой урожай и получишь); 勤劳人 吉祥多 (У трудолюбивого человека много счастья); 一滴汗, 一粒粮 (Капля пота – рисовое зернышко).

Традиционные ценности, получившие отражение в социальной рекламе серии «Китайская мечта», несомненно, несут отпечаток идей конфуцианства, которое используется руководством страны для мобилизации патриотизма и энтузиазма нации. Председатель Си придает особое значение конфуцианскому учению как непреходящей духовной ценности многотысячелетней культуры Китая. Даже сложившуюся ныне систему ценностей он выражает в конфуцианских философских максимах: «народ – основа государства», «небо, земля и человек едины», «достигать согласия при наличии разногласий», «благородный муж думает о долге» и т.д. [8].

Главный акцент в социальной рекламе серии «Китайская мечта» сделан на конфуцианских положениях, центрируемых понятием Хэ (和) – «гармония». Сегодня в Китае говорится о необходимости построения гармоничного социалистического общества и при его построении китайские власти уделяют немало внимания категории Хэ, которая является одной из важнейших идеологем интерпретации

традиционной культуры Китая. Опора на категорию Хэ в современном управлении государством предполагает, что «гармоничное социалистическое общество и рыночная социалистическая экономика, демократическое управление на основе закона, передовая культура существуют параллельно и во взаимодействии, и, в то же время, взаимно включают в себя друг друга» [1, с. 116]. Напоминать гражданам о важности гармонии, как о традиционной ценности китайской нации призваны плакаты следующего содержания: 中国梦 和为贵 (Китайская мечта. Гармония как наивысшая ценность); 和·国运昌 (Гармония. Государство процветает). Посредством плакатов рассматриваемой нами серии пропагандируются и такие фундаментальные принципы конфуцианства как Жэнь (仁 – «гуманность/человеколюбие»), И (义 – «долг/справедливость»), Дэ (德 – «нравственность»), например: 中国梦 仁爱 (Китайская мечта. Любовь к людям); 君子喻于义 (Благородный человек думает о долге); 有德者前程远 (У нравственного человека впереди большой путь).

Считаем необходимым подробнее остановиться на социальной рекламе, напоминающей китайским гражданам о ценности исконно китайской нравственной категории Сяо (孝 – «сыновья почтительность»), например: 孝道·中国人的血脉 (Сыновья почтительность в крови у китайского человека); 人小 孝心大 (Человек мал, почитание родителей – велико); 老吾老以

及人之老 (Уважать стариков в своей семье и распространять это уважение на всех пожилых людей). Сыновья почтительность Сяо, также являясь одной из основополагающих категорий конфуцианского учения, многие века лежала в основе традиционной семейной системы в Китае. XXI в. привнес изменения в представление современного поколения о взаимоотношениях внутри семьи. Отношения между поколениями и семейная идеология современных китайских семей находятся под сильным влиянием перехода к рыночной экономике и глобализации. Всё более и более принимаются культурные ценности, которые подчеркивают рациональность, свободу и равенство. С экономическим развитием регионов и урбанизацией, а также с ростом образования снизился авторитет старших поколений, многие их знания и опыт неприменимы в современных условиях, изменилась ценность межпоколенных отношений, ушли в прошлое авторитарные отношения между родителями и детьми, становится меньше людей, разделяющих традиции «сыновней почтительности» [9, с. 296-297]. В этой связи государство активно проводит политику реанимирования традиционной сыновней почтительности, в том числе и с помощью рекламных технологий.

Нередко вербальная часть наружной социальной рекламы серии «Китайская мечта» представляет собой цитату из классического произведения древнекитайской литературы, например: 己欲立而立人, 己欲达而达人 ([Человеколюбивый человек – это тот, кто] стремясь укрепить себя, помогает в этом и другим, стремясь добиться лучшего осуществле-

ния дел, помогает в этом и другим) – цитата из основополагающего конфуцианского трактата «Лунь юй» (《论语·雍也》, V в. до н.э.); 二人同心, 其利断金 (Моральное единство – большая сила) – цитата из трактата «И цзин» (《周易·系辞上》, VI в. до н.э.); 天下难事,必做于易;天下大事,必作于细 (Преодоление трудного начинается с лёгкого; осуществление великого начинается с малого) – цитата из основополагающего трактата даосизма «Дао дэ цзин» (《道德经·第六十三章》, IV—III в. до н. э.). Использование подобных прецедентных текстов, посвященных моральным ценностям и соблюдению традиционных добродетелей, актуализирует историко-литературную и культурную память общества, подчеркивает ценность классической литературы, мудрость, в ней заключенную, и преемственность традиционных нравственных добродетелей из поколения в поколение.

Наружная социальная реклама серии «Китайская мечта» кроме вербального компонента содержит и визуальный, представляя собой поликодовый текст, в котором оба компонента образуют органическое смысловое единство. В качестве визуального компонента рекламы используются разнообразные национально-культурные символы с целью продемонстрировать богатство и многообразие китайской культуры и тем самым вызвать эмоциональный отклик у аудитории, пробудить чувство национальной гордости. Визуальный компонент, преимущественно, представляет собой изображения изделий традиционных народных промыслов: Тяньцзиньские глиняные статуэтки, Хэбэйские шаржи, Шаньсийские вырезки из

бумаги, Шэньсийские народные лубочные картинки, Гуаньдунские гравюры и другие образцы народного прикладного искусства. Эти народные промыслы существуют многие столетия и считаются нематериальным культурным наследием Китая, безусловной ценностью для государства и общества. Таким образом, социальная реклама Китая не только пропагандирует концепцию «Китайской мечты», но и популяризирует древние китайские промыслы, гармонично соединяя воедино многовековую культуру с современной идеологией [13, с. 51]. Кроме того, выбор незамысловатых изделий традиционного прикладного искусства в качестве графического оформления социальной рекламы рассматриваемой серии позволяет сделать идею китайской мечты ближе и понятнее простому народу разных регионов страны [14, с. 108]. Следует отметить, что сюжеты произведений народных промыслов, используемых в качестве визуального компонента рекламы этой серии, коррелируют (наглядно изображают, либо имеют ассоциативную или тематическую связь) с вербальным компонентом, в результате чего обе составляющих дополняют друг друга, неся целостный смысл.

Заслуживает внимания художественное оформление наружной социальной рекламы серии «Китайская мечта» и с точки зрения его композиционной организации, которая часто имитирует организацию художественных произведений, выполненных в стиле «вэньжэньхуа». Как отмечает Ци Бинь, «понятие «вэньжэньхуа» («живопись интеллектуалов») обозначает явление, выходящее за рамки какой-либо живописной школы и какого-либо исторического периода» [12, с. 10]. Произведения

«вэньжэньхуа» представляют собой синтетическое единство изображения, каллиграфии, поэзии и печати. Поэтому композиционная организация наружной рекламы серии «Китайская мечта», имитирующей произведение «вэньжэньхуа», включает поэтический компонент – преимущественно это строки из песни Сяо Лин «Наша китайская мечта» (晓玲 “我们的中国梦”), которая считается своеобразным гимном новой национальной идеи. Структурным компонентом, придающим композиции завершенность, играющим роль «финального аккорда» в традиционном китайском живописном произведении, является красная печать, заменяющая подпись автора. В композиции наружной рекламы этот компонент заменяет имитация оттиска печати с надписью «Китайская мечта». Таким образом, даже композиционная организация рекламных плакатов анализируемой тематики представляет собой отсылку к культурным ценностям – живописи «вэньжэньхуа», которая является «не только художественным явлением средневековой живописи Китая, но и вершиной интеллектуальных поисков во всем многообразии проявлений древнекитайской культуры» [12, с. 11].

Проведенное исследование текстов социальной рекламы серии «Китайская мечта» позволяет получить представление о том, на формирование каких ценностных ориентиров у китайских граждан делает акцент руководство страны в рамках реализации новой национальной идеи. Социальные плакаты рассматриваемой серии несомненно играют важную роль в формировании и укоренении исконно китайских духовно-нравственных идеалов, одобряе-

мых столетиями моделей поведения. Реклама, посвященная «китайской мечте», являясь органичной частью облика современного китайского города, насыщает его медиаурбанистическое пространство традиционностью. Этому, в значительной степени, способствует и художественное оформление плакатов, основой которого служат мотивы классического китайского искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н. А., Морозова В. С. Некоторые категории традиционной китайской культуры в современных интерпретациях: ценностный аспект // Вестник Читинского государственного университета. – 2007. – №2. – С. 114-120.
2. Агапова В. Н. Механизмы сохранения традиционных культурных ценностей современной русскоязычной диаспорой Лондона : автореф. дис. ... канд. культурологии (24.00.01). – Москва, 2018. – 26 с.
3. Двуреченская А. С., Яковлева Д. Е. Национальные и культурные ценности: сравнительный анализ понятий // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 113-117.
4. Куприянов Т. Китайская мечта. 04.04.2013 URL: www.chita.ru/review/48058/ (дата обращения 10.04.2020)
5. Леонтович О. А. «Город говорит с тобой»: научные подходы к анализу медиаурбанистического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 10-15.

- ческого университета. – 2019. – №8 (141). – С. 129 – 133.
6. Леонтович О. А. Лик современного города через призму медиаурбанистики // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы международной конференции. Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Изд-во «Канцлер», 2018. – С. 27 – 28.
7. Ломанов А. В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: Политика, экономика, культура: к 65-летию КНР. — М. : ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 40-56.
8. Лукьянов А. Е. Философские прообразы «Китайской мечты» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 4. – С. 50-59.
9. Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И.И. Елисеевой и Аньци Сюй. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 720 с.
10. Скрипкарь М. В. Аксиологическое содержание концепции "Китайская мечта" в политическом медиа-контенте КНР // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 7-6. – С. 1103-1105.
11. Терских М. В. Апелляция к концепту вреда в дискурсе социальной рекламы // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 213-222.
12. Ци Бинь. Основы творческого метода китайского художника Сюй Вэя (1521-1593) : автореф. дис. .... канд. искусствоведения (17.00.09) / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2007, 18 с.
13. 王晓云. 浅析中国梦公益广告中的传统艺术元素运用 // 新西部. – 2014. – №14. – 页108.
14. 张元.“中国梦我的梦”系列公益广告思想政治教育功能研究// 市场周刊. – 2015. – №4. – 页108-109.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kotelnikova Nadezhda, PhD in Pedagogy

Intercultural Communication and Translation
Department

Volgograd State Socio-Pedagogical University

kotelnikova_n_n@yahoo.com

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

**СПЕЦИФИКА НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ НАУКОМЕТРИИ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА****SPECIFICITY OF NEOLOGISTS IN THE SPHERE OF SCIENCOMETRY
OF THE MODERN CHINESE**

Ишутина Юлия Александровна,

Дальневосточный федеральный университет

Кошкарев Олег Игоревич,

Дальневосточное высшее общеобразовательное командное училище

ishutina.yua@dvfu.ru

АННОТАЦИЯ

Процессы модернизации и управляемой глобализации, в которые включено китайское общество, создают целый комплекс внеязыковых факторов, оказывающих заметное влияние на функционирование современного китайского языка. Возможность научно-исследовательской работы с иноязычной литературой позволяет китайским ученым не только шагнуть в ногу с мировой наукой, но и активно пополнять лексический строй китайского языка заимствованиями и внедрять неологизмы, что существенно обогащает научно-языковую картину мира китайцев. Формирование и динамичное развитие группы неологизмов в сфере наукометрии позволяют отражать номинации технических инноваций, особенностей организационной структуры наукометрических баз, обозначать неологизмы, связанные с новыми терминами и наукометрическими инструментами. Такой подход позволяет делать точное измерение результатов научного процесса с помощью принятых в мировом научном сообществе методов. Непрерывное пополнение наукометрической терминологии имеет непосредственную связь с динамичным развитием наукометрии как науки и способствует широкому примене-

ABSTRACT

The processes of modernization and controlled globalization, which include the Chinese society, create a whole complex of extra-linguistic factors that have a noticeable impact on the functioning of the modern Chinese language. The possibility of research work with foreign language literature allows Chinese scientists not only to keep pace with world science, but also to actively replenish the lexical structure of the Chinese language with borrowings and introduce neologisms, which significantly enriches the scientific and linguistic picture of the Chinese world. The formation and dynamic development of a group of neologisms in the field of scientometrics makes it possible to reflect the nominations of technical innovations, features of the organizational structure of scientometric bases, and denote neologisms associated with new terms and scientometric tools. This approach makes it possible to accurately measure the results of the scientific process using the methods accepted in the world scientific community. The continuous replenishment of scientometric terminology is directly related to the dynamic development of scientometrics as a science and contributes to the widespread use of its methods in practical activities related to the statistical processing of scientific information.

ния её методов в практической деятельности, связанной со статистической обработкой научной информации.

Ключевые слова: современный китайский язык, наукометрия, неологизмы, словообразование.

Для цитирования: Ишутина Ю.А., Кошкарёв О.И. Специфика неологизмов в сфере наукометрии современного китайского языка. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(5): 10-21

Глобализация охватывает все новые сферы жизни общества, стимулируя динамичное развитие науки. Политика реформ и открытости, которую последовательно осуществляет руководство КНР, открывает для китайских ученых возможность работы с иноязычными материалами, что способствует пополнению лексического состава, в частности, неологизмов в современном китайском языке (СКЯ). Изучение неологизмов СКЯ в сфере наукометрии является насущной задачей, решение которой позволяет не только следить за развитием языковых систем, но и обеспечивать точность двустороннего перевода явлений современного мира.

На сегодняшний день базы данных и их наукометрическое обеспечение представлены в стратегических направлениях науки, таких как разработка индексов для количественной и качественной оценки, формирование агрегаторов, выступающих в качестве системы взаимосвязанных и взаимодополняющих баз данных, организация процесса обмена научными идеями на транснациональном и мультязычном уровне. Стабильно развивается и обогаща-

Keywords and phrases: modern Chinese language, scientometrics, neologisms, word formation.

For citation: Ishutina Y.A., Koshkarev O.I. *Specificity of neologisms in the sphere of scientometry of the modern Chinese. Modern oriental studies.* 2020; 2(5): 10-21

ется лексическая составляющая китайского языка, появляются новые технологии и понятия, которые требуют наименования и поиска эквивалента в русском языке.

Актуальность исследования заключается в выявлении некоторых специфических характеристик группы неологизмов в сфере наукометрии СКЯ.

Фундаментальные работы по теории неологизмов принадлежат перу видных отечественных и китайских лингвистов: Н. В. Солнцева [1], А. А. Хаматовой [2], А.Л. Семенина [3], О. И. Ахмановой [4], А. В. Калинина [5], Н. З. Котеловой [6], Ян Шиюн, Ли Чэнцзюнь, Чжан Фучжоу [7].

Степень изученности проблемы неологизмов в наукометрической сфере китайского языка представлена в статье китайского ученого Чжао Вэя [7]. Кроме определения наукометрии (科学计量学 kēxué jì liàng xué) как «области научного знания, проводящего исследование науки количественными методами и изучающего эволюцию науки посредством многочисленных

измерений и статистической информации», автор представляет классификацию новой лексики, разделив ее на несколько групп: наименования индексов и наукометрических показателей; наименования агрегаторов; неологизмы, связанные с новыми терминами и наукометрическими инструментами.

Изучением особенностей перевода наукометрической лексики занимались Сун Яньхуэй, У Ишань и Чжао Жунин [7]. Ими были выделены специфика перевода, как-то: один и тот же термин может иметь различное значение в разных областях науки и техники; наукометрическая терминология включает заимствованные понятия у западных авторов; некоторые наукометрические термины при переводе могут обладать разными семантическими сферами употребления, то есть употребляться в широком или узком значении.

Объектом исследования является процесс возникновения неологизмов в современном китайском языке. Предмет изучения - неологизмы в сфере наукометрии. Цель данной работы – дать характеристику новой лексики СКЯ в сфере наукометрии.

Источниковой базой исследования послужили тексты на китайском языке «Закона об информационной безопасности КНР» [9], «Национальной стратегии кибербезопасности КНР» [10], а также материалы XII Региональной научно-практической конференции с международным участием «Современная библиотека в научно-образовательном пространстве университета: информационные ресурсы, технологии, проекты», прошедшей в Научной библиотеке ДВФУ в сентябре 2017 г [11].

Научная и практическая значимость исследования заключается в обращении к формирующейся группе неологизмов в сфере наукометрии СКЯ и введении в научный оборот наукометрических материалов на китайском языке, что позволяет эффективно решать проблемы поиска адекватного перевода.

В отечественной науке существуют несколько дефиниций неологизма. По нашему мнению, наиболее емким является определение Н. З. Котеловой: «Неологизмы – это слова, впервые образованные или заимствованные из других языков, так и слова, известные в языке и ранее, но употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка,...а также производные слова, которые существовали в языке потенциально» [6]. Под феноменом «неологизма», по мнению исследовательницы, могут рассматриваться 1) новообразованные слова, 2) заимствования, 3) ранее существовавшие слова, которые впоследствии получили широкое распространение, 4) производные слова, которые образовались по известным моделям на основе существующих слов.

Китайские исследователи оперируют различными определениями неологизма. В современном китайском языкознании общепринятыми считаются дефиниции, данные Ван Текунем и Яо Ханьминем.

Ван Текунь (王铁琨) определяет неологизмы как «слова и выражения, основанные на уже существующем языковом материале в соответствии со словообразовательными моделями китайского языка, призванные удовлетворить потребность в языковой номинации в связи с изменениями в жизни общества

и прогрессом в науке и культуре» [13]. Кроме того, к неологизмам относятся слова, заимствованные из других языков, диалектов китайского языка, древнекитайского языка, профессионального арго и жаргона, и слова, получившие новые значения и новые способы употребления.

По мнению Яо Ханьмина (姚汉铭) неологизмы включают три группы слов: слова, ранее не существовавшие в китайском языке; слова, существовавшие до основания КНР в 1949 г., но вышедшие из употребления в последующий исторический период и получившие повторное употребление в недавнее время; слова, существовавшие в китайском языке в течение долгого времени, но в последнее время получившие новые значения (или расширившие предыдущие), и частота их употребления стала достаточной для получения статуса неологизма [14].

Наполнение китайского языка неологизмами происходило на всем протяжении его истории. Активное проникновение в Китай и присутствие западных держав на первоначальном этапе модернизации (середина XIX века) стимулировало процесс заимствований и возникновения неологизмов. В период новейшей истории появление неологизмов в китайском языке в первую очередь связано с политическим курсом КПК, направленным на проведение реформ и открытости внешнему миру (1979 г). Предпосылками для активизации языковых процессов в изучаемой области, стали возникновение новых понятий и реалий, вызванных индустриализацией и урбанизацией, а также внутриязыковыми факторами, такими как «стремление к экономии, системности, выражению эмоцио-

нально-экспрессивных смыслов, стилистической дифференциации слов» [14].

Ключевым условием витальности неологизма является соответствие словообразовательным моделям китайского языка. Соблюдение нормы способствует эффективному восприятию неологизма носителями. Прозрачная семантика позволяет этой группе лексических единиц стать общеупотребительными. Большая часть неологизмов являются производными словами, это объясняется тем фактом, что намного проще использовать уже готовые словообразовательные модели или же элементы слов, чем обращаться к фонетической системе, которая не имеет внутренней мотивированности значения. Значительное количество неологизмов создаётся креативно мыслящими общественными деятелями, писателями, журналистами [3].

Таким образом, для нормального функционирования в корпусе СКЯ, неологизмы должны:

- отражать специфику современного этапа развития общества;
- четко передавать семантическое значение;
- функционировать в текстах научного и делового сообщества;
- соответствовать нормам словообразования китайского языка.

Вопросу словообразования неологизмов в СКЯ посвящены работы отечественных исследователей – А. Л. Семенас [3], Н. В. Солнцева [2], Е. В. Лавренюк [15], Ю. А. Семешко [16]. Исследователи представили научному сообществу различные дефиниции словообразовательных моделей. Для краткости изложения резюмируем их выводы, касающиеся способов образования неологизмов в китайском языке:

- Морфологический способ (形态构词 - xíngtài gòu cí);
- Лексико-синтаксический способ или контракция (缩略构词 - suō lüè gòu cí);
- Слова смешанного типа (数字字母构词 - shùzì zìmǔ gòu cí);
- Старые слова, получившие новую смысловую нагрузку (旧词新义 - jiùcí xīnyì);
- Стилистическое словообразование (修辞构词法 - xiūcí gòu cí fǎ).

Из общего числа (310) наукометрических терминов, полученных методом сплошной выборки, мы обнаружили, что наиболее эффективными способами словообразования являются:

1. Словосложение с атрибутивным типом связи (58 %);
2. Суффиксальный способ (22 %);
3. Морфемная контракция (20 %).

Количественное соотношение слогов в неологизмах составило: 163 трехсложные, 53 четырехсложные, 94 – двусложные.

Традиционно исследователями китайского языка выделяются 4 группы экстралингвистических факторов образования неологизмов: политический, экономический, социокультурный и технологический [15]. На наш взгляд, в случае с наукометрическими терминами имеет место совокупность всех перечисленных выше факторов. Наукометрия стала актуальной для китайского научного знания в ходе успешного и последовательного проведения политики «четырёх модернизаций», в том числе и модернизации науки. Кроме того, это стало возможным благодаря известной степени открытости глобальных источников информации для китайских исследователей.

Непрерывное пополнение наукометрической терминологии имеет непосредственную связь с динамичным развитием наукометрии как науки и все более широкого применения её методов в практической деятельности, связанной со статистической обработкой научной информации. Специфика возникновения и функционирования неологизмов в наукометрическом лексиконе заключается, помимо указанных, влиянием факторов широкого распространения и появления новых наукометрических методов и средств, а также тесно взаимосвязанных технологий, что влечет за собой необходимость их определения и описания, а также перевода на другие языки мира. Наукометрические неологизмы можно условно разделить на 3 группы:

1. Наименования технических инноваций в наукометрической сфере.

Активное внедрение наукометрии в анализ научной деятельности КНР привели к появлению целого ряда терминов, которые ранее были известны лишь узкому кругу специалистов, работавших с зарубежными публикациями.

Одним из таких примеров можно рассматривать H指数 – H zhǐshù – «индекс Хирша», краткое определение которого гласит: «Индекс Хирша представляет собой суммарное число ссылок на работы учёного. Критерий основан на учёте числа публикаций исследователя и числа цитирований этих публикаций» [17]. Другой пример неологизма -影响指数 - yǐngxiǎng zhǐshù – «импакт-фактор», обозначает численный показатель цитируемости статей, опубликованных в данном научном журнале.

文献电子数据库 – wénxiàn diànzǐ shùjùkù – «библиометрическая электронная база данных». Ранее этот термин был знаком лишь тем, кто непосредственно занимался архивированием документации. В эпоху инновационных технологий и процесса оцифровки бумажных источников данный термин получил распространение среди широких масс населения, которые сталкиваются с поиском информации в любых сферах деятельности. Именно благодаря цифровизации архивов население получило доступ к документам, которые ранее содержались в единственном, бумажном экземпляре. Начиная с 1995 года, после создания централизованных библиометрических электронных баз данных на основе фондов библиотек университетов КНР этот термин получил широкое распространение среди большинства слоев китайского общества [17].

信息共享空间 – xìnxī gòngxiǎng kōngjiān – термин «совместное информационное пространство» получил широкое распространение после того, как разрозненные базы данных университетских библиотек были объединены между собой в единую сеть. Подобное стало возможным после внедрения системы перекрестных ссылок и взаимного цитирования, что привело к эффективной кооперации в научной среде. Совместное информационное пространство не только включает в себя обращение к конкретным источникам, но и взаимодействие их авторов вне рамок формальных конференций, что и позволило данному термину выйти из узких научных кругов и стать неологизмом, распространенным среди всех пользователей КНР.

引文索引 – yǐnwén suǒyǐn – «индекс цитируемости». С внедрением наукометрических технологий цитирование приобрело системность, большую конкретность и формализованность. В частности, были сформулированы правила цитирования и соответствующего оформления цитат в научных работах для их лучшего перекрестного поиска и анализа. Расширение круга лиц, вовлеченных в научную деятельность и укрепление взаимодействия на международном уровне, привело к приобретению данным термином статуса неологизма [17].

2. Новые наименования в организационной структуре наукометрических баз данных.

Данная группа неологизмов отражает уровни организационной структуры баз данных и их вспомогательных защитных компонентов. Например, 关键信息基础设施 - guānjiàn xìnxī jīchǔ shèshī – «ключевая информационная инфраструктура» – это информационно-управляющая или информационно-телекоммуникационная система, которая осуществляет управление критически важным объектом (процессом), или информационное обеспечение управления таким объектом (процессом), или официальное информирование граждан, и в результате деструктивных информационных воздействий на которую может сложиться чрезвычайная ситуация, или будут нарушены выполняемые системой функции управления со значительными негативными последствиями» [18].

Другим примером выступает 中国知网 (中国知识基础设施工程) – Zhōngguó zhī wǎng – «CNKI» (China National Knowledge Infrastructure).

Государственная база знаний КНР была запущена в июне 1996 года и стала китайским аналогом западных библиографических научных баз данных (Scopus, Web of Science) [18]. Научно-метрическая система, на которой основывается работа CNKI, определяет работы с наибольшим индексом цитирования и числа посещений (скачиваний) и формирует рейтинг по темам и направлениям.

Эффективно и доступно отражены названия ведущих агрегаторов, таких как Scopus (斯高帕斯数据库 Sī gāo pà sī shùjùkù), Web of Science (科学网 Kēxuéwǎng), а также РИНЦ (俄罗斯科学引文索引 (Eluósī kēxué yǐn wén sù yǐn) и т.д.

3. Наименования новых методов наукометрии.

Пристальное внимание ученых, занимающихся структурированием работ в наукометрических базах данных, к научному цитированию объясняется тем, что этот процесс — практически единственный «видимый» след научной коммуникации и механизма рождения нового знания, предоставляющий, таким образом, исследователю объективные показатели, позволяющие изучать данный механизм. Оперативная публикация актуальной информации имеет решающее значение в современной науке: результаты исследований должны быть опубликованы своевременно, иначе информация в стремительно изменяющемся мире устаревает. В этой связи небезынтересны такие термины как:

灵活性指数 línghuó xìng zhǐshù – «индекс оперативности» (immediacy index), вычисляется как отношение числа полученных журналом в календарном году ссылок на статьи, вышед-

ших в том же самом году, к суммарному числу статей, вышедших за указанный срок в журнале. Индекс оперативности показывает, насколько быстро становятся известны в научном мире статьи, опубликованные в журнале: они должны быть процитированы в том же календарном году [19].

论文陈旧 lùnwén chénhuà – «старение» статей, при наукометрическом анализе журналов, исследовательских групп и институтов важно не только подсчитывать суммарные показатели цитирования, но также и определять хронологическую структуру библиографических ссылок. Так, например, журнал, цитирующий в основном классические источники многолетней давности, отличается от издания, стремящегося знакомить своих читателей с самой современной литературой по рассматриваемому вопросу.

В силу ограниченности журнальной статьи мы не имеем возможности привести наиболее полный список исследованных наукометрических терминов в СКЯ. Тем не менее, проделанная работа позволяет судить о том, что наукометрия как область знания, занимающаяся измерением и фиксированием процессов и явлений мировой науки, становится неотъемлемой частью научной жизни в Большом Китае. Активизация процессов появления неологизмов в наукометрической сфере обусловлена возникновением организационных и структурных изменений, появлением новых методов в обработке и систематизации данных, разработкой современных технологий. Решающим фактором на наш взгляд, становится модернизация и контролируемая глобализация китайского общества. Современный китайский язык

активно заимствует новую лексику из иноязычных источников, в основном англоязычных. Наблюдается процесс переосмысления терминов и оформление их согласно словообразовательным моделям, причем наиболее эффективным становится способ словосложения с атрибутивным типом связи. Терминологическая система наукометрии постоянно пополняется все новыми лексическими единицами и приобретает отчетливую структуру, в которой можно выделить группы наименований технических инноваций, наименования в организационной структуре наукометрических баз данных и рабочих методов наукометрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцева Н.В. Некоторые вопросы неологизмов // Китайское языкознание. Изолирующие языки: Материалы XI международной конференции, 25-26 июня 2002, Москва. – Москва: Институт языкознания, 2002. С.231-234.
2. Хаматова А.А. Тенденции развития лексики китайского в начале XXI века // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 4 (21), С. 9-13.
3. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. – Москва: Муравей, 2000, 312 с.
4. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – Москва: УЧЕВАГИЗ, 1957, 296с.
5. Калинин А.В. Лексика русского языка. – Москва: МГУ, 1966, 230 с.
6. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1978. С. 7.
7. 赵伟. 基于文献计量的中文科技新词探讨. 中国技术术语, 2015. Чжао Вэй. Цзюйюй вэньсянь цзилян дэ чжунвэнь кэцзи синь цы таньтао, 2015. С.81. Чжао Вэй. Исследование научно-технологических китайского языка на основе текстов по наукометрии. Техническая терминология КНР, 2015, с.81.
8. 宋艳辉, 武夷山. 基于科学计量学的我国科学论文产出分析. 研究论文, 2014. Сун Яньхуэй, У Ишань. Цзюйюй кэсюэ цзилян сюэ дэ вого кэсюэ луньвэнь чань чу фэньси. 2014, С. 10. Сун Яньхуэй, У Ишань. Анализ результатов научных работ в КНР на основе методов наукометрии. Научные работы, 2014, С.10.
9. 中华人民共和国网络安全法 Чжунхуа жэньминь гунхэго ванло аньцюань фа, 2017. Закон о кибербезопасности КНР, 2017.
10. 国家网络空间安全战略 Гоцзя ванло кунцзянь аньцюань чжаньлюэ. -Национальная стратегия кибербезопасности, 2016.
11. 现代图书馆在大学科学教育空间: 信息资源、技术、项目» 第十二与外国参加者共同的地区科研实践会议资料. Сяньдай тушугуань цзай дасюэ кэсюэцзяюй кунцзянь: синьси цзыюань, цзишу, сяньму» Ди шиэр юй вайго цаньцзячжэ гунтундэ дицюй кэянь шицзянь хуэйи цзыляо. Материалы XII региональной научно-практической конференции с международным участием «Современная библиотека в научно-образовательном пространстве университета: информационные ресурсы, технологии, проекты», Владивосток, 2017.
12. 王立. 科学计量学高级教程. 北: 科技文献出版社, 2010. Ван Ли. Кэсюэ цзилян сюэгаоцзи цзяочэн. С. 56-64. Ван Ли. Высший курс наукометрии. Пекин: Изд-во Общества научно-технической документации, 2010. С.56-64.

13. 王铁琨. 十年来的汉语新词语研究综述. - 语文研究, 1991. 第 4 期. 10页. Ван Текунь. Шиняньлай дэ ханьюй синь цьюй яньцзю цзуншу, 1991.С. 10. Ван Текунь. Обзор исследований неологизмов китайского языка за последние десять лет // Chinese Studies. 1991. № 4. С. 10.
14. 姚汉铭. 新词语, 社会, 文化/姚汉铭. -上海: 上海辞书出版社, 1998. 221 页. Яо Ханьмин. Синь цьюй, шэхуэй, вэньхуа. С. 221. Яо Ханьмин. Неологизмы, общество, культура // Яо Ханьмин. Шанхай: издательство "Шанхай цышу". 1998. С. 221.
15. Лавренюк Е. В. Анализ экстралингвистических аспектов образования неологизмов в китайском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 4. С. 81
16. Семешко Ю. А. Способы образования неологизмов в китайском языке // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2016. № 4. С. 73.
17. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии [монография] /М.А. Акоев, А. Маркусова, О.В.Москалева, В.В. Писляков; [под ред М.А.Акоева].-Екатеринбург: изд-во Урал.ун-та, 2014,С.76.
18. Базовая модель угроз безопасности информации в ключевых системах информационной инфраструктуры (утв. ФСТЭК России 18.05.2007)
19. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing // American Documentation. 1963. Vol. 14, No. 3. P. 195–201.
2. Khamatova A.A. Tendentsii razvitiya leksiki kitayskogo v nachale XXI veka // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2012, № 4 (21), S. 9-13.
3. Semenas A.L. Leksika kitayskogo yazyka. – Moskva: Muravey, 2000, 312 s.
4. Akhmanova O.S. Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii. – Moskva: UCHEVAGIZ, 1957, 296s.
5. Kalinin A.V. Leksika russkogo yazyka. – Moskva: MGU, 1966, 230 s.
6. Kotelova, N. Z. Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov // Novyye slova i slovari novykh slov. Leningrad, 1978. S. 7.
7. Zhào Wěi. Jī yú wén xiàn jì liàng de zhōng wén kē jì xīn cí tàn tǎo。 Zhōng guó jì shù shù yǔ, 2015. Chzhao Vey. TSziyuy ven'syan' tszilyan de chzhunven' ketszi sin' tsy tan'tao, 2015. S.81. Chzhao Vey. Issledovaniye nauchno-tekhnologicheskikh kitayskogo yazyka na osnove tekstov po naukometrii. Tekhnicheskaya terminologiya KNR, 2015, s.81.
8. Sòng yàn huī, Wǔ yí shān。 Jī yú kē xué jì liàng xué de wǒ guó kē xué lùn wén chǎn chū fēn xī。 yán jiū lùn wén, 2014. Sun Yan'khuey, U Ishan'. TSziyuy kesyue tszilyan syue de vogo kesyue lun'ven' chan' chu fen'si.2014 , S. 10. Sun Yan'khuey, U Ishan'. Analiz rezul'tatov nauchnykh rabot v KNR na osnove metodov naukometrii. Nauchnyye raboty, 2014, S.10.
9. Zhōng huá rén mín gòng hé guó wǎng luò ān quán fǎ Chzhunkhua zhen'min' gunkhego vanlo an'tsyuan' fa, 2017. Zakon o kiberbezopasnosti KNR, 2017.
10. Guó jiā wǎng luò kōng jiān ān quán zhàn lüè Gotszya vanlo kuntszyan' an'tsyuan' chzhan'lyue. -Natsional'naya strategiya kiberbezopasnosti, 2016.
11. Xiàn dài tú shū guǎn zài dà xué kē xué jiào yù kōng jiān: xìn xī zī yuán、 jì shù、 xiàng mù» dì shí èr yǔ wài guó cān jiā zhě gòng

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Solntseva N.V. Nekotoryye voprosy neologizmov // Kitayskoye yazykoznanie. Izoliruyushchiye yazyki: Materialy XI mezhdunarodnoy konferentsii, 25-26 iyunya 2002, Moskva. – Moskva: Institut yazykoznanija, 2002. S.231-234.

- tóng de de qū kē yán shí jiàn huì yì zī liào。
Syan'day tushuguan' tszay dasyue
kesyuetszyaoyuy kuntszyan': sin'si
tszyyuan', tszishu、syannmu» Di shier yuy
vaygo tsan'tszyachzhe guntunde ditsyuy key-
an' shitszyan' khueyi tszylyao. Materialy XII
regional'noy nauchno-prakticheskoy konfer-
entsii s mezhdunarodnym uchastiyem
«Sovremennaya biblioteka v nauchno-
obrazovatel'nom prostranstve universiteta:
informatsonnyye resursy, tekhnologii,
proyekty», Vladivostok, 2017.
12. Wáng lì. kē xué jì liàng xué gāo jí jiào chéng.
bēi: kē jì wén xiàn chū bǎn shè, 2010. Van Li.
Kesyue tszylyan syuegaotszi tszyaochen. S. 56
-64. Van Li. Vysshiy kurs naukometrii. Pekin:
Izd-vo Obshchestva nauchno-tekhnicheskoy
dokumentatsii, 2010. S.56-64.
13. Wáng Tièkūn. Shí nián lái de hàn yǔ xīn cí yǔ
yán jiū zōng shù. - yǔ wén yán jiū, 1991. dì 4
qī. 10yè. Van Tekun'. Shi nyan'lay de
khan'yuy sin' tsyyuy yan'tszyu tszunshu,
1991.S. 10. Van Tekun'. Obzor issledovaniy
neologizmov kitayskogo yazyka za posledni-
ye desyat' let // Chinese Studies. 1991. № 4.
S. 10.
14. Yáo Hànmíng. xīn cí yǔ, shè huì, wén huà/
yáo hàn míng. -shàng hǎi: shàng hǎi cí shū
chū bǎn shè, 1998. 221 yè. Yao Khan'min. Sin'
tsyyuy, shekhuey, ven'khua. S. 221. Yao
Khan'min. Neologizmy, obshchestvo, kul'tu-
ra // Yao Khan'min. Shankhay: izdatel'stvo
"Shankhay tsyushu". 1998. S. 221.
15. Lavrenyuk, Ye. V. Analiz ekstralingvistich-
eskikh aspektov obrazovaniya neologizmov v
kitayskom yazyke // Baltiyskiy gumanit-
arnyy zhurnal. 2016. № 4. S. 81.
16. Semeshko, YU. A. Sposoby obrazovaniya ne-
ologizmov v kitayskom yazyke // Vestnik
nauchnogo obshchestva studentov, aspiran-
tov i molodykh uchenykh. 2016. № 4. S. 73.
17. Rukovodstvo po naukometrii: indikatory
razvitiya nauki i tekhnologii [monografiya] /
M.A. Akoyev, A. Markusova, O.V.Moskaleva,
V.V. Pisyakov; [pod red M.A.Akoyeva].-
Yekaterinburg: izd-vo Ural.un-ta, 2014, S.76.
18. Bazovaya model' ugroz bezopasnosti infor-
matsii v klyuchevykh sistemakh infor-
matsionnoy infrastruktury (utv. FSTEK Ros-
sii 18.05.2007)
19. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Eval-
uation of Scientific Literature Through Cita-
tion Indexing // American Documentation.
1963. Vol. 14, No. 3. P. 195-201
20. Iori Isao, Shimizu Yoshiko. Nihongo bunpou
enshyu.; jikan o arawasu hyougen [Time ex-
pressions of the Japanese]. 3A Corporation,
2018. 645 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Associate professor, Candidate of Science in Cultur-
al Studies **Ishutina Yuliya**

Department of Chinese studies

School of International and Regional studies

Far Eastern Federal University

690992, c. Vladivostok, Russky isl, Ayax.10

Russian Federation, ishutina.yua@dvfu.ru

Special unit recruit discipline officer

Koshkarev Oleg

Marshal of the Soviet Union K.K Rokossovsky

Far Eastern Higher Combined

Arms Command school

675021, c. Blagoveshchensk, Lenin st, 158

Russian Federation, junshi_fanyi@mail.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

ТИПОЛОГИЯ БУКВЕННЫХ СЛОВ КИТАЙСКИХ ЦИФРОВЫХ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

TYOPOLOGY OF LETTERED WORDS OF CHINESE DIGITAL NEWS MEDIA-TEXTS

Урывская Татьяна Александровна

МГИМО МИД России

Тахтарова Светлана Салаватовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

uryvski@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается основная классификация буквенных слов китайского языка, а также приводятся выводы анализа многообразия форм буквенных слов в цифровых новостных медиатекстах информационного агентства «Синьхуаван».

Ключевые слова и фразы: *китайский язык, буквенные слова, слова-метисы, медиадискурс.*

Для цитирования: *Урывская Т.А., Тахтарова С.С. Типология буквенных слов китайских цифровых новостных медиатекстов. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5): 22-25*

Политический курс реформ и открытости, провозглашенный в 1978 г. одним из великих реформаторов Китая Дэн Сяопином, запустил в стране, на наш взгляд, необратимые процессы глобализации. С течением времени китайская культура стала неотъемлемой частью глобальной культуры, однако и глобальная культура, в свою очередь, масштабно повлияла на китайскую. У жителей Поднебесной появилась воз-

ABSTRACT

The article discusses the main classification of the lettered words of the Chinese language, as well as the conclusions of the analysis of the variety of forms of lettered words in the digital news media-texts of the «Xinhuaawang» News Agency.

Keywords and phrases: *Chinese language, lettered words, hybrid word, media discourse.*

For citation: *Uryvskaya T.A., Takhtarova S.S. Typology of lettered words of Chinese digital media-texts. Modern oriental studies. 2020; 2(5): 22-25*

можность получать образование в западных образовательных учреждениях, приобщаться к западной культуре, учить иностранные языки в натуральной языковой среде. Подобные изменения, как правила, находят отражение в современном китайском языке, преобразуют его и заставляют адаптироваться к новой реальности. Благодаря глобализации иностранные языки все чаще влияют на китайский язык,

а отдельные элементы самых популярных иностранных языков попадают непосредственно в китайскую лексическую систему.

Одним из таких элементов стали буквенные слова (字母词) – «слова, структура которых предполагает включения из китайских иероглифов и букв иностранных алфавитов (в основном букв латинского алфавита) или слова, полностью состоящие из букв иностранных алфавитов» [1, с. 7]. Постепенно буквенные слова получили определение «буквенные слова китайского языка» (汉语字母词). Изменению термина способствовало то, что отдельные заимствованные буквенные слова, ввиду частотности своего употребления, стали удобным и привычным лексическим инструментом во многих жанрах китайского институционального дискурса. К тому же вместе с распространением заимствованных буквенных слов в китайском языке стали появляться свои буквенные лексемы – слова-метисы и аббревиатуры, созданных на базе китайского фонетического алфавита пиньинь.

Поскольку китайская общественность частично проявляет толерантность к буквенным словам, последние, обладая различной этимологией, с течением времени все активнее проникают в разнообразные сферы коммуникации

китайцев. На наш взгляд, изучение буквенных слов в китайском медиадискурсе, в частности, в рамках китайских цифровых новостных медиатекстов представляет особый интерес.

Медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [2, с. 21]. По нашему мнению, именно в китайских цифровых новостных медиатекстах пересекаются различные сферы человеческой коммуникации, фиксируются языковые выражения определенной общественной практики. За формированием таких текстов стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность коммуникантов.

Буквенные слова не просто встречаются в китайских цифровых новостных медиатекстах, они представлены в данном виде дискурса во всем своем многообразии. В ходе анализа цифровых медиатекстов информационного агентства «Синьхуаван» (新华网)¹ нами было отмечено наличие всех типов буквенных лексем китайского языка, описанных в классификации буквенных слов известного китайского исследователя буквенных слов Лю Юнцюань (刘涌泉):

Таблица 1. Классификация буквенных слов

Классификация по источнику букв	Буквы латинского алфавита	中国导演万玛才旦执导的《撞死了一只羊》入围地平线单元, 还有3部中国短片入围VR (虚拟现实) 电影竞赛单元。	
	Буквы греческого алфавита	九月英仙座ε流星雨预计将在北京时间9月10日迎来极大.....	

¹ <http://www.xinhuanet.com/>

Таблица 1. Продолжение

Классификация по чистоте состава	Чисто буквенные слова	复兴文艺片 就靠“院转网”？No！		
	Слова-метисы	буквы и символы	“到定西过一个只有20天的夏天已成为新时尚。”	
		буквы и арабские цифры	节目中，“极限男团”和嘉宾们要从不能说话的远古时代到5G万物互联时代……	
		буквы и иероглифы	法国葡萄酒总共分为四个级别： AOC级、VDQS级、VDP级和VDT级 ，前两个级别属于区限葡萄酒……	
Классификация по формату букв	Слова, состоящие из прописных букв	未来， FIRST 还将通过建立平行影展使内容更丰富，比如增设科幻/动画类型主题的影展等……		
	Слова, состоящие из строчных букв	锤弟从《饥饿游戏》中走出来，加盟了新晋的爆款社交媒介 quibi ，出演了一个绝症患者，为了给家人留下些钱，自愿沦为变态富人的猎物；		
	Слова, состоящие из прописных и строчных букв	海王在 Apple+ 的新剧《看见》中出演了一个盲人，在未来的异世界中虽然仍然战斗力爆表，但也处处受限；		
	Слова, которые могут записываться как прописными, так и строчными буквами	酷狗音乐、酷狗直播手机 app 则邀约百名优质艺人、主播参与。 已有逾8万网友通过鲸鸣 APP 录制合唱歌曲。		
Классификация по количеству букв	Одна буква	30多岁开始，她越发意识到，与其纠结中年女演员是否处境尴尬，不如甩开所谓“ C位 ”的执念……		
	Две буквы	他们对角色的掌控力，有时甚至还不如处于上升期的 AI 。		
	Более 2х букв	因为在死者的外衣上发现了雅各布的 DNA ，这个孩子被列为重要嫌犯。		

Таблица 1. Продолжение

Классификация по месту расположения иероглифов и букв в слове	Буквы + иероглифы	完成表情捕捉以后，配合3D脸模制作软件，就能制作出丰富的表情。	
	Иероглифы + буквы	每月组织一次昆曲卡拉OK线上直播赛，已吸引全国683位曲友参赛.....	
	Буквы заключены между иероглифами	7月20日，“玉声如乐·昆曲battle大赛”将举办第四场大赛，完成最后一个战队组队。	

Китайский язык является средством коммуникации граждан активно развивающейся густонаселенной страны, поэтому вопросы изучения тенденций его развития актуальны и требуют дальнейшего исследования. В научном мире давно обсуждается вопрос о статусе буквенных слов в китайском языке. Эти лексические единицы, их лингвопрагматические особенности, уместность и правомерность употребления в рамках китайских цифровых новостных медиатекстов также представляют собой одну из дискуссионных тем в китайской филологии.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLOGRAPHIC REFERENCES

1. 刘涌泉. 谈谈字母词 // 语文建设. 1994. 第10期. 页7-10 [Лю Юнцюань. Рассуждения о буквенных словах // Юйвэнь цзяньшэ. 1994. № 10. С. 7-9].
2. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20-33.
3. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская// Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250-259.
4. 刘涌泉. 汉语字母词词典. 北京: 外语教学与研究出版社, 2008. 332页 [Лю Юнцюань. Буквенные слова китайского языка. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2008. 332 с.]

5. 余富林. 中国媒体常用字母次词典. 上海: 上海大学出版社, 2012. 208页 [Юй Фулинь. Словарь буквенных слов, которые часто используются китайскими СМИ. Шанхай: Шанхай дасюэ чубаньшэ, 2012. 208 с.]
6. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题 // 语言文字应用. 2002. 第1期. 页85-90 [Лю Юнцюань. К вопросу о буквенных словах // Юйянь вэньцзы инюн. 2002. № 1. С. 85-90].

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Uryvskaya Tatiana Aleksadrovna,
 Cand. of Sc. degree seeking applicant, lecturer
 MGIMO University
 Moscow
 uryvski@yahoo.com

Takhtarova Svetlana Salavatovna,
 D.Sc. in Philology
 sstahtarova@kpfu.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

ХОРОШИЙ ПЕДАГОГ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОРОШИМ УЧЁНЫМ: К ВЫХОДУ «ГРАММАТИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА» СИН ФУИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

A GOOD TEACHER SHOULD BE A GOOD SCIENTIST: INTRODUCING THE RUSSIAN TRANSLATION OF "MODERN CHINESE GRAMMAR" BY XING FUI

Колпачкова Елена Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
ekolpachkova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается подход к современной китайской грамматике одного из самых известных китайских лингвистов Син Фуи. Его монография, недавно переведенная на русский язык, содержит исчерпывающее описание китайской грамматики, включая части речи, слова, фразы, сложные предложения и группы предложений. С 1996 г., когда проф. Син Фуи первым предложил свою теорию поворота и подхода двойного треугольника, лингвист стал одним из самых влиятельных грамматистов 20 века в Китае. Его логически ориентированный подход к грамматике считается новаторским в китайской лингвистике.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, грамматическая теория, Син Фуи, клауза как центральный узел, части речи в китайском языке, члены предложения в китайском языке, синтаксические структуры в китайском языке.

Для цитирования: Колпачкова Е.Н. Хороший педагог должен быть хорошим учёным: к выходу «Грамматики китайского языка» Син Фуи на русском языке. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(5): 26-37

ABSTRACT

The article introduces the reader to Xing Fuyi – one of the most famous linguists in China and his approach to Modern Chinese Grammar. Xing's monography recently translated into Russian contains a comprehensive description of Chinese grammar, including parts of speech, words, phrases, complex sentences and sentence groups. Since 1996 when prof. Xing Fuyi first proposed his clause-pivot theory and the double-triangle approach, the linguist became one of the most influential grammarians of the 20th century in China. His logic-oriented approach to grammar is widely regarded as groundbreaking in Chinese linguistics.

Keywords and phrases: Chinese language, Chinese grammar, grammar theory, Xing Fui, clause-pivot theory, parts of speech in Chinese, Sentence Parts, Sentence Structures in Chinese, Chinese syntax.

For citation: Kolpachkova E.N. A good teacher should be a good scientist: introducing the Russian translation of "Modern Chinese grammar" by Xing Fui. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 26-37

Сегодня Син Фуи – один из самых известных китайских лингвистов современности, доктор наук, профессор Педагогического университета Центрального Китая, директор Китайского государственного центра языка и языкового обучения. О значимости фигуры этого ученого для китайской науки говорит хотя бы тот факт, что Син Фуи вошел в список восьми ключевых фигур китайской лингвистики XX века. Его избранные труды, наряду с работами таких маститых языковедов, как Ли Цзиньси, Ван Ли, Люй Шусян, Ху Юйшу, Чжан Бинь, Чжу Дэси, Лу Цзяньмин, вошли в серию монографий «二十世纪现代汉语语法“八大家”选集》*Èrshí shìjì xiàndài hànyǔ yǔfǎ “bā dàjiā” xuǎnjí* «Восемь мастеров грамматики китайского языка XX века», изданную к столетней годовщине выхода «Ма ши вэнь тун».

Выпускник факультета китайского языка Педагогического университета Центрального Китая, в котором теперь уже маститый ученый преподает всю свою жизнь, с самого начала Син Фуи имел широкую сферу научных интересов, включавшую грамматику китайского языка, логику, риторику, лингвокультурологию, преподавание языка и многое другое. Уже в 22 года молодой ученый опубликовал свою первую научную статью в самом авторитетном в КНР языковедческом журнале «中国语文» *Zhōngguó yǔwén* «Китайский язык», всегда выступавшем основным рупором достижений китайской науки о языке. За период с 1957 по 1965 год (до начала Культурной революции) в общей сложности в этом передовом журнале китайского языкознания было опубликовано семь его статей. С возобновлением издания журнала «中国语文» *Zhōngguó yǔwén* «Китайский язык»

в 1978 году уже в первом и втором выпусках 1979 года вышли две статьи Син Фуи.

Общее количество публикаций Син Фуи сегодня приближается к 500, в их числе более 50 монографических изданий, в том числе 21 авторская монография. К числу наиболее репрезентативных работ относятся 《语法问题探讨集》 *Yǔfǎ wèntí tàntǎo jí* «Дискуссионные вопросы грамматики» (1986), 《现代汉语》 *Xiàndài hànyǔ* «Современный китайский язык» (1986, 1991), 《语法问题发掘集》 *Yǔfǎ wèntí fājué jí* «Изыскания по грамматике» (1992), 《汉语语法学》 *Hànyǔ yǔfǎxué* «Грамматика китайского языка» (1996), 《文化语言学》 *Wénhuà yǔyánxué* «Лингвокультурология» (1990, 2000), 《汉语复句研究》 *Hànyǔ fùjù yánjiū* «Исследование сложного предложения в китайском языке» (2001), 《汉语语法三百问》 *Hànyǔ yǔfǎ sānbǎi wèn 300* вопросов грамматики китайского языка» (2002), 《邢福义选集》 *Xíng Fúyì xuǎnjí* «Избранные труды Син Фуи» (2002), 《现代汉语语法专题》 *Xiàndài hànyǔ yǔfǎ zhuāntí* «Отдельные вопросы грамматики современного китайского языка» (2001) и др.

С 1991 года Син Фуи получил право руководить докторантурой по языку и готовить будущих докторов наук, что на тот момент было крайне редким явлением, поскольку такой статус получить было трудно. Профессиональным девизом Син Фуи, по его собственным словам, был и остается принцип: «Хороший педагог должен быть хорошим учёным», что наглядно

иллюстрирует его подход к преподавательской деятельности и ведению научных исследований. Если говорить о Син Фуи как о человеке, то достаточно озвучить его самую большую надежду: “最大的希望是学生超过自己” *Zuì dà de xīwàng shì xuéshēng chāoguò zìjǐ* «Моя заветная мечта, чтобы (мои) студенты превзошли меня самого».

Непрерывное служение двум важнейшим для развития общества сферам – образованию и науке – отнюдь не было для Син Фуи легким и безоблачным. Его приход в лингвистику был довольно случайным и связан был со стесненным материальным положением семьи на тогда очень бедном острове Хайнань. Годы его учебы в университете пришлись на ранний этап становления науки о языке в новом Китае, когда молодой ученый жадно впитывал все, чем жило тогда очень активное лингвистическое сообщество в КНР. Но Культурная революция на десять с лишним лет затормозила процесс превращения молодого и перспективного преподавателя в авторитетного в своей области специалиста. Однако для самого Син Фуи это десятилетие не прошло впустую, в эти годы искания ученого не прекращались, и в глубокой тайне он продолжал иногда записывать свои наблюдения над языком и, конечно, читать. Син Фуи удалось за это время восполнить пробел в своем университетском образовании, который он ощущал. В университетский курс тогда не входила такая дисциплина, как логика, которой юноше очень не хватало для понимания многих вещей в языке, поэтому подаренный кем-то из однокашников и тайно хранимый в опасное время учебник «Логика» С.Н. Виноградова и А.Ф. Кузьмина, переведенный

в 50-х гг. на китайский язык, был зачитан до дыр и исписан пометками на полях с первой страницы и до последней. И именно это во многом определило дальнейший путь развития Син Фуи как грамматиста и педагога, считавшего изучение логики важным аспектом в обучении языку и лингвистике. Уже после возобновления преподавательской деятельности в Педагогическом университете Центрального Китая одной из первых инициатив ученого и педагога стало введение в учебный план для студентов, обучающихся на факультете китайского языка, курса логики, а результаты двух десятилетий размышлений над логикой языка были изложены Син Фуи в монографии 1979 года «语法知识及其应用» *Yǔfǎ zhīshì jí qí yìngyòng* «Грамматические знания и их применимость» и целом ряде статей.

Можно с уверенностью сказать, что сложившаяся грамматическая теория клаузы как центрального узла в китайском языке, которая постулирует центральную (узловую) позицию простого предложения среди грамматических единиц разных уровней в данном языке, своим системным и комплексным характером обязана именно важной роли логики в осмыслении языковых явлений исследователем. Эта теория, как и многие значимые для развития языкознания в Китае работы Син Фуи, долгие годы практически не была доступна русскоязычной аудитории. До сих пор на русский язык была переведена одна единственная статья Син Фуи «Обратная обусловленность моделями сложного предложения смысловых отношений сложного предложения в китайском языке» (в оригинале 《复句格式对复句语义关系的反制约》

Fùjù géshì duì fùjù yǔyǔ guānxì de fǎn zhìyuē), опубликованная во втором номере журнала «Вопросы филологических наук» за 2010 год. С одной стороны, такая ситуация неудивительна, поскольку в конце XX – начале XXI вв. практически системно не велась целенаправленная деятельность по переводу лингвистических работ китайских исследователей на русский язык. При том что последнее комплексное описание грамматического строя китайского языка было издано на русском языке в 60-х гг. прошлого столетия, когда научное сотрудничество между двумя странами и контакты между учеными были очень плотными. С другой стороны, подобная переводческая работа требует специальной подготовки, тщательного отбора материала для перевода, а также значительных затрат со стороны исполнителей и издательства. И выход монографии Син Фуи был направлен на частичное решение этой проблемы.

«Грамматика китайского языка» Син Фуи представляет собой изложение авторского подхода к грамматической теории родного языка, оригинального как по методологии исследования, описанию которой в монографии посвящен целый раздел, так и по трактовке ряда явлений в языке. Концепция китайского лингвиста главным образом базируется на двух постулатах: во-первых, среди языковых единиц различных уровней в китайском языке статус центрального узла имеет простое предложение; во-вторых, изучение грамматического строя языка должно вестись с учетом данных путунхуа, вэньяня и диалектов (так называемый «большой треугольник») в трех проекциях – форма, семантика и прагматика (так называемый «малый треугольник»).

Основная идея изучения грамматики китайского языка в целом и отдельных языковых явлений в нем с помощью двух треугольников состоит в том, что любое наблюдение, полученное в малом треугольнике, доказывается привлечением языковых данных путунхуа, диалектов и вэньяня, тем самым расширяя перспективу лингвистического анализа. Применяться эти два подхода могут довольно гибко и сочетаются в различных формах. Подробно процедура применения этих методов к конкретному языковому материалу продемонстрирована в заключительном разделе монографии.

В концепции Син Фуи грамматический строй китайского языка - это система, в которой клаузе отведена роль центрального узла, и три части монографии построены вокруг разных сторон функционирования именно клаузы: раздел первый содержит доказательства её ключевой роли в строе языка, второй раздел посвящен классификации элементов клаузы (в более привычной нам терминологии – частей речи или классов слов), рассматриваемых автором через призму их синтаксических особенностей, в третьем разделе изложено описание более крупных единиц: сложного предложения и группы предложений.

Однако не следует смешивать понятия «центральный узел» и «основная единица». Эти понятия связаны между собой, но не тождественны. Основной единицей в большинстве теорий выступает отправная точка подхода исследователя: так, в генеративизме предложение является той самой основной единицей языка. Син Фуи же понимает центральный узел как важнейшее в системе звено, обеспечивающее

взаимосвязь и взаимодействие языковых феноменов на разных уровнях. И особенностью китайского языка, в теории китайского исследователя, как раз является узлообразующий статус клаузы (простого предложения), которая определяет дистрибуцию языковых единиц других типов. Этот статус клаузы объясняется имеющейся у нее непосредственной связью с языковыми единицами различных типов и уровней, и поэтому она выполняет роль связующего центра системы, через который коммутируются другие элементы: слова, синтагмы, сложные предложения и группы предложений, модальность.

В описании такого важного аспекта синтаксиса языка, как выделение членов предложения, Син Фуи исходит из принципа бинарности, постулируя, что члены предложения существуют преимущественно в парах, в которых оба элемента оказываются взаимосвязанными и влияющими друг на друга. Из выделяемых пяти пар две пары в большинстве синтаксических теорий выделяются особо, это пары: подлежащее — сказуемое и сказуемое – дополнение. Кроме того, тот же принцип парности приложен к остальным членам предложения, для которых выделяется управляющая ими вершина, а именно: к определению, обстоятельству и комплементу имеется противопоставленная им вершина определительной, обстоятельственной или комплементарной групп соответственно. Элементы в парах членов предложения противопоставлены друг другу, и только при условии наличия каждого из элементов в паре, по мнению Син Фуи, существуют подлинно синтаксические отношения.

Помимо парности, к отличительным признакам системы членов предложения относит-

ся их иерархичность, реализуемая в предложении как многоуровневость его структуры. Такой подход довольно типичен для лингвистики в целом. Когда простое предложение последовательно членится на функциональные элементы, среди которых выделяются главные члены предложения - подлежащее и сказуемое, составляющие основу предложения, и второстепенные члены. Специфика китайской системы членов предложения в том, что помимо типичных для западных теорий синтаксических ролей: дополнения, определения, и обстоятельства - в китайской науке выделяют шестой член предложения – 补语 *bǔyǔ*, русскоязычный перевод которого пока не устоялся и варьирует между терминами комплемент/ дополнительный элемент/ дополнительный член.

Эта синтаксическая функция выделяется в китайской традиции по позиционно-семантическому критерию как постпозитивный зависимый компонент, определенным образом характеризующий ситуацию, называемую предикативной вершиной. Для описания синтаксических отношений, существующих между комплементом и его вершиной, используется термин «комплементарные отношения», во избежание смешения с уже существующим в отечественной лингвистике термином «комплетивные отношения» как наиболее свободным видом синтаксической связи, нацеленном на восполнение семантики группы в целом, поскольку без соответствующего зависимого компонента вершина оказывается не обладающей информативностью в достаточной мере.

На первом уровне членения предложения, то есть при первичном распределении элемен-

тов по синтаксическим функциям, в прототипическом глагольном предложении выделяются два его составляющих: подлежащее и сказуемое, синтаксические отношения между которыми характеризуются как предикативные, при этом приоритетное место в предложении Син Фуи отводит сказуемому со сложной структурой, обычно включающему более одного уровня. Например, сказуемое имеет среди других элементов предложения какой-либо парный элемент, который в свою очередь может иметь собственную связь еще с каким-либо элементом. В таком случае обычно имеет место слияние членов предложения, понимаемое Син Фуи как способ упрощения структурной иерархии предложения. Например:

刻苦学习 *kèkǔ xuéxí* 'усердно учиться'

学习外语 *xuéxí wàiyǔ* 'учить иностранный язык'

刻苦学习外语 *kèkǔ xuéxí wàiyǔ* 'усердно учить иностранный язык'

Ещё одна характерная особенность распределения структурных элементов предложения в китайском языке, выделяемая исследователем, – это их способность к перемещению. Реализуется перемещение как позиционная мена двух элементов в составе предложения относительно друг друга со сменой синтаксической функции при условии сохранения исходной семантики. Например:

他出奇地活跃。 *Tā chūqí de huóyuè* 'Он необычайно оживлен' ('необычайно' — обстоятельство).

他活跃得出奇。 *Tā huóyuè de chūqí* 'Он оживлен необычайно' ('необычайно' — комплемент).

Именно в таком ключе, например, Син Фуи трактует перемещение подлежащего в позицию дополнения с приобретением его функции, то есть:

客人来了。 *Kèrén lái le* 'Гости пришли' (客人 *kèrén* 'гости' — подлежащее).

来客人了。 *Lái kèrén le* 'Пришли гости' (客人 *kèrén* 'гости' — дополнение).

Одним из ключевых моментов в грамматической теории Син Фуи является оценка значимости отдельных элементов китайского предложения для определения его структуры. Здесь обнаруживается типичный для современной науки вербоцентрический подход исследователя с рядом особенностей, о которых стоит сказать отдельно. Оценивая тот или иной элемент в предложении как ядерный, то есть сохраняющий связи одновременно с другими элементами в целом, ученый отмечает, что сказуемое в силу своего значительного объема организовано намного сложнее, чем группа подлежащего: глагол в его составе, являющийся вершиной предикативной группы, связан не только с другими элементами в группе сказуемого, но и с подлежащим.

У глагола в современном китайском языке самый весомый статус в предложении, поэтому при наличии нескольких элементов, способных претендовать на роль предикативного ядра, приоритет всегда будет отдан глаголу. Однако для формирования предложения определенного типа, или, в терминологии Син Фуи, «становления структурной модели» синтаксической модели предложения, одного ядра недостаточно, это возможно сделать только через прочие структурные элементы, сгруппированные

вокруг предикативного ядра клаузы. Тем самым, лингвист формулирует еще один важный постулат своей теории: «глагол образует ядро, существительное формирует структуру» (в оригинале – “动词核心, 名词赋格” *Dòngcí héxīn, míngcí fù gé*). На невозможность опоры исключительно на глагол при анализе структуры предложения в китайском языке указывал в свое время еще Люй Шусян [1]. Данное положение Син Фуи иллюстрирует многочисленными примерами, утверждая, во-первых, что структура определяется относительным порядком существительного и глагола:

批发彩电 *pīfā cǎidiàn* ‘продавать оптом цветные телевизоры’

批发公司 *pīfā gōngsī* ‘оптовая фирма’

Во-вторых, даже в одной и той же позиции в зависимости от семантических и грамматических особенностей существительного при глаголе формируются различные синтаксические структуры, например, сочетание глагола 看 *kàn* с существительным в роли дополнения:

看星星 *kàn xīngxīng* (глагол + аккузативное дополнение) ‘смотреть на звезды’

= 看到星星 *kàndào xīngxīng* ‘увидеть звезды’ | 看着星星 *kànzhe xīngxīng* ‘смотря на звезды’

看医生 *kàn yīshēng* (глагол + аккузативное дополнение): ‘обращаться к врачу’

≠ 看到医生 *kàndào yīshēng* ‘увидеть врача’ | 看着医生 *kànzhe yīshēng* ‘смотреть на врача’

= 请医生看病 *qǐng yīshēng kàn bìng* ‘просить врача осмотреть [пациента]’ |

让医生看病 *ràng yīshēng kàn bìng* ‘велеть врачу осмотреть [пациента]’.

看镜子 *kàn jìngzi*

(глагол + инструментальное дополнение): ‘смотреться в зеркало’

≠ 看到镜子 *kàndào jìngzi* ‘увидеть зеркало’

| 看着镜子 *kànzhe jìngzi* | ‘разглядывать зеркало’

≠ 请镜子看X *qǐng jìngzi kàn X* ‘просить зеркало посмотреть на X’ | 让镜子看X *ràng jìngzi kàn X* | ‘велеть зеркалу смотреть на X’

= 用镜子看 *yòng jìngzi kàn* ‘при помощи зеркала рассматривать (свою внешность)’.

В части описания всей системы членов предложения предлагается системное представление пяти групп, включающее семантические типы, маркеры и целый ряд других особенностей и проблем по каждой из них. Так, например, семантическая типология подлежащего опирается на уже успевшие стать традиционными семантические роли, когда выделяется агентивное подлежащее (называет лицо, совершающее действие, обозначенное сказуемым), пациентивное подлежащее (когда, наоборот, кто-то или что-то подвергается воздействию со стороны), инструментальное подлежащее (задействованное или используемое в ситуации), локативное подлежащее как указание места, где произошла ситуация, идентификационное подлежащее или подлежащее описательного класса.

Поскольку китайская традиция выделяет подлежащее предложения по позиционному признаку, отдельно рассматривается проблема

Поскольку китайская традиция выделяет подлежащее предложения по позиционному признаку, отдельно рассматривается проблема

выделения этого элемента в предложении при наличии нескольких «кандидатов» на эту синтаксическую роль. С этой целью Син Фуи вводит признак «подлежащности», который в разной степени может быть присущим языковым единицам и, естественно, сильнее всего проявляется у именных групп, называющих материальный объект. При этом в случае отсутствия предметной именной группы из двух других вне зависимости от их линейного порядка подлежащим будет являться локативная группа, а темпоральная — обстоятельством, поскольку степень «подлежащности» у локативных групп выше, чем у темпоративов:

去年武汉下过几场大雪。 *Qùnián Wǔhàn xiàguò jǐ chǎng dàxuě* 'В прошлом году в Ухане несколько раз шел сильный снег'.

В тех предложениях, которые содержат в препозиции к сказуемому несколько именных групп с предметной, локативной и темпоральной семантикой, подлежащим будет предметная именная группа, а локативная и темпоральная будут выполнять синтаксические функции обстоятельств места и времени соответственно. И, как тонко подмечает исследователь, предметное подлежащее в китайском языке часто бывает опущено, однако даже в этом случае локативная и темпоральная именные группы будут сохранять свой статус обстоятельства, поскольку «настоящее» подлежащее легко восстанавливается. В предложениях с опущенным локативным подлежащим и темпоральной группой в препозиции к группе сказуемого, даже в этом случае она будет обстоятельством, потому что легко восстанавливается опущенная локативная группа:

今天终于下起雨来了。(=我们这里~)

Jīntiān zhōngyú xià qǐ yǔ lái le (= *Wǒmen zhèlǐ* ~) 'Сегодня наконец пошел дождь' (= У нас здесь ~).

Отдельно Син Фуи, в соответствии с грамматической традицией Китая, рассуждает о клаузе с двумя подлежащими (главным и второстепенным). Такая возможность описывается им для двух случаев: во-первых, когда сказуемое выражено субъектно-предикативной группой: 这个人胆子小。 *Zhè ge rén dǎnzi xiǎo* 'У этого человека кишка тонка'. Второй возможный случай – предложения со связкой, построенные по модели 我这是VP *Wǒ zhè shì VP* 'Я это/ этим/ так VP', где клауза содержит одно подлежащее, указывающее на лицо, и второе подлежащее, отсылающее к ситуации:

张辉这是在捅马蜂窝啊! *Zhāng Huī zhè shì zài tǒng mǎfēngwō a!* 'Чжан Хуэй это так ворошит осиное гнездо!'

Особое внимание в монографии уделено анализу особенностей формирования синтаксических структур с двумя существительными и двойным дополнением, а также некоторым другим, всегда вызывающим живой интерес у грамматистов вопросам. В своей теории Син Фуи не использует понятие валентностей, аргументной структуры глагола, опираясь преимущественно на традиционные для китайской науки подходы. Не обходит стороной исследователь и типичные для любого грамматического портрета китайского языка описания таких типов предложений, как предложения с 把 *bǎ*, 被 *bèi*, модель с глагольной сериализацией,

последовательно-связанная модель предложения и предложения существования (экзистенциальные).

Описывая элементы клаузы, ученый излагает собственный подход к типологии частей речи в китайском языке, распределяя их по трем основным группам: это классы слов, обладающие синтаксической самостоятельностью и способные выступать членом предложения (существительное, глагол, прилагательное и наречие), числительное, счетное слово, местоимение и звукоподражание, выделяемые Син Фуи в метакласс особых слов, также способных выступать в определенной синтаксической функции, и слова, лишенные этой способности, к которым лингвист относит предлоги, союзы и служебные слова пяти типов (структурные служебные слова (частицы), аспектуальные служебные слова, количественные служебные слова, маркеры уподобления, модальные частицы). Аналогичный принцип в концепции автора – приверженца логического подхода положен в основу классификации синтагм в китайском языке. Так, среди них он выделяет синтагмы, способные и неспособные выступать членом предложения; как отдельные типы позиционируются структурно-связанные и структурно-маркированные синтагмы.

Отдельный блок монографии посвящен одному из самых животрепещущих вопросов китайского языкознания – проблеме определения частеречной принадлежности слова. Части речи предлагается классифицировать по грамматическим признакам слова, к которым Син Фуи относит морфологию (понимаемую широко, как слово- и формообразование), дистрибу-

ционные свойства слова и его роль (синтаксическая функция) в предложении (то есть способно ли слово выступать как самостоятельный элемент клаузы, и если да, то каким членом предложения оно при этом будет). Таким образом, семантический критерий в процедуру определения класса слова в данной концепции не включается, поскольку, как отмечает исследователь, лексическое значение слова зачастую оказывается слишком размытым. Значение можно использовать как дополнительную справочную информацию о слове, но объективным критерием при определении его класса оно быть не может и тем более не должно использоваться вместо грамматических признаков.

У трех грамматических признаков обнаруживается неравнозначность в определении частеречной принадлежности той или иной единицы. Первичным частеречным критерием Син Фуи считает дистрибуционные свойства слова, поскольку применимость этого признака значительно шире, чем опора на морфологические признаки, и надежнее, чем синтаксические функции. Следовательно, два последних следует рассматривать как вторичные критерии классификации слова. На практике первичность критерия реализуется как его приоритетность в оценке, и в случае расхождений в результате приложения каждого из трех критериев к языковому материалу, последнее слово за дистрибуционными свойствами. Так, типичный именной суффикс 头 *tou* — не «сработает» как морфологический признак для слова 滑头 *huátou* 'хитрец/хитрый', которое в конкретной реализации может оказаться как существительным, так и прилагательным. Ср.: 这个滑头!

Zhè ge huátou! 'Вот хитрец!' и 这种人太滑头!
Zhè zhǒng rén tài huátou! 'Такие люди слишком хитрые!' [2, с. 384]. Определяя его частеречную принадлежность как прилагательного, мы будем опираться на его встречаемость с наречиями степени, а грамматическим признаком наличия суффикс 头 *tou* в словообразовательной структуре слова нам придется пренебречь.

Кроме того, Син Фуи выдвигает положение о достаточных и необходимых условиях категоризации слова. Соблюдение достаточного условия гарантирует принадлежность лексической единицы к определенной части речи, а несоответствие этому условию отнюдь не свидетельствует о том, что слово не относится к этому классу. Так, для глаголов присутствие дополнения – это достаточное условие, при его наличии, можно утверждать, что такое слово точно является глаголом, а вот если дополнение не присоединимо к слову, то его частеречная принадлежность может оказаться глагольной, а может и иной. Необходимыми же будут такие условия, несоблюдение которых служит подтверждением невозможности отнести слово к определенному классу. Этот принцип ученый формулирует через отрицание признака, когда необходимые условия не гарантируют принадлежности слова к соответствующему классу. В качестве примера такого необходимого условия приводится способность наречия быть обстоятельством. Соответственно, неспособное выполнять синтаксическую функцию обстоятельства слово однозначно не будет наречием; а способное – может быть или не быть наречием. Из трех выделяемых исследователем грамматических признаков достаточным условием

обычно являются морфологические свойства языковой единицы, а необходимым условием – синтаксические функции слова. Дистрибуционные же свойства могут выступать как необходимыми, так и достаточными условиями.

Еще одна особенность, описываемая Син Фуи, это разграничение общекатегориальных и специфических признаков, которые различаются по своему охвату, то есть приложимы либо ко всем единицам в классе в первом случае, либо только к некоторым из них. Общекатегориальные признаки, довольно хорошо описанные в научной и учебной литературе по китайскому языку, отражают облик «идеальных» представителей того или иного класса. Такой подход к частям речи называется прототипическим и в последние два десятилетия, особенно после выхода типологически ориентированного исследования У. Крофта [3] стал широко применяться в лингвистике, в том числе и на материале китайского языка (см. [4]). В концепции Син Фуи именно специфические признаки, обнаруживаемые только у части представителей той или иной части речи, зачастую могут помочь в классификации слова в гораздо большей степени, чем общекатегориальные.

Особое внимание в монографии уделено такому явлению китайского языка, как межкатегориальные единицы, отличительной особенностью которых является формальная тождественность языкового знака при нетождественности его категориальной принадлежности. На ряде конкретных языковых примерах Син Фуи демонстрирует, что применение предложенных методов категоризации к межкатегориальным формам имеет ряд особенностей.

Для обоснования категоризации слов ученый предлагает использовать три метода: прямое определение (как прямое доказательство), метод исключения и аналогию (как опосредованное доказательство). Эта часть монографии содержит полемические замечания Син Фуи по проблеме, уже не одно десятилетие обсуждаемой в китайской лингвистике, а именно о целесообразности применения отдельных методов доказательства при категоризации слов китайского языка: на конкретных языковых примерах лингвист обсуждает решения данной проблемы, предлагавшиеся Чжу Дэси, Лу Цзяньминем и др. китайскими исследователями.

Третий раздел монографии Син Фуи посвящен поликлаузальным структурам и охватывает все аспекты функционирования сложных предложений, включая способы соединения простых предложений в сложное, типологию связующих слов и их функциональный портрет, а также детальное описание синтаксических моделей сложных предложений в китайском языке. Как и в прочих разделах, в заключение дается полемическая часть исследования, затрагивающая довольно острую для описаний языка проблему разграничения синтаксических единиц: простых предложений и сложных, а также сложных предложений и их групп.

Особый интерес представляют приложения к основному тексту монографии, содержащие ряд статей Син Фуи, в которых автор на примере анализа шести различных и разноразрядных явлений в китайском языке наглядно демонстрирует важность и необходимость привлечения диалектного материала к анализу языковых фактов. Источником данных преимуще-

ственно послужило самое авторитетное на сегодняшний день издание по диалектам китайского языка – «Большой словарь диалектов современного китайского языка» в 41 томе под редакцией Ли Жуна [5].

В целом монография отражает цельную и последовательно представленную грамматическую теорию китайского языка. Это не практическая грамматика, которых сейчас издается как никогда раньше много. Речь об оригинальной авторской теоретической грамматике человека, увлеченного своим делом. На многие проблемные зоны ученый смотрит объемно и предлагает конструктивные подходы к решению наболевших вопросов китайской науки о языке. Используемый автором инструментарий сочетает и оригинальные термины, вводимые в научный оборот впервые, и сложившиеся в китайской науке названия языковых явлений, при этом некоторые из них, возможно, вызывают у российского читателя недоумение, например, «глагольно-объектная группа» (动宾短语 *dòng bīn duǎnyǔ*), представляющая собой смешение двух совершенно разных классификаций единиц языка – частей речи и членов предложения. Этот, по нашему мнению, не самый удачный термин продолжает пока использоваться в описаниях грамматики китайского языка, хотя целесообразно было бы привести его в соответствие с реально называемым им явлением, заменив первый компонент бинома 动宾 *dòng bīn* и представив термин как «предикативно-объектный» (述宾 *shù bīn* или 谓宾 *wèi bīn*), поскольку именно этот вариант использовали в своих работах многие известные китайские лингвисты, в частности Жэнь

Сюэлян (任学良), Хуан Божун (黄伯荣), Чжу Дэси (朱德熙) и др.

Анализируя содержательные аспекты грамматики Син Фуи, нельзя не отметить логическую стройность и методологическую последовательность концепции. Именно поэтому данная грамматика будет интересна не только специалистам в соответствующей области науки и преподавателям китайского языка, но и всем, изучающим китайский язык, или просто интересующихся современной лингвистикой. Свежесть и глубина научной мысли китайского ученого, привлечение значительного количества диалектных фактов языка в подтверждение выдвигаемой им грамматической теории свидетельствуют о том, что грамматическая наука в Китае XXI века вышла на новый уровень в своем развитии, учитывает достижения китайского и общего языкознания за последние полвека, и русскоязычную читательскую аудиторию ждет еще немало интересных работ китайских исследователей в переводе на русский язык.

пер. с кит. Е. Н. Колпачковой, А. В. Лебедевой, Н. А. Сомкиной, Е. Ю. Фокиной; науч. ред. пер. Е. Н. Колпачкова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.

3. Croft, William. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford, 2001.
4. Юань Юйлинь, Ма Хуэйчжу, Тин Цаохун. *Справочник по частям речи в китайском языке*. Пекин, издательство Пекинского университета, 2009. 袁毓林, 马辉周, 扈曹宏著 *汉语词类划分手册*. 北京, 北京语言大学出版社, 2009. Yuan Yulin, Ma Huizhou, Ting Caohong. *Hànyǔ cílèi huàfēn shǒucè*. Běijīng, Běijīng yǔyán dàxué chūbǎnshè, 2009. (на китайском языке).
5. *Словарь диалектов современного китайского языка / под ред. Ли Жуна. Сучжоу, 1993–1998. 李荣主编 《现代汉语方言大词典》, 苏州, 江苏教育出版社1993-1998. Lǐ Róng zhǔbiān. Xiàndài hànyǔ fāngyán dà cídiǎn. Sūzhōu, Jiāngsū jiàoyù chūbǎnshè, 1993–1998. (на китайском языке).*

ЛИТЕРАТУРА/BIBLOGRAPHIC REFERENCES

1. Люй Шусян. Вступительное слово к научной конференции по моделям предложений и глаголу // *Модели предложений и глагол; сборник материалов*. Пекин, 1987. 吕叔湘 《句型 and 动词学术讨论开幕词》, 《句型 and 动词》(论文集) 北京, 语文出版社 1987年. Lǚ Shūxiāng. Jù xíng hé dòngcí xuésù tàolùn huì kāimù cí, zài Jù xíng hé dòngcí (lùnwén jí). Běijīng, Yǔwén chūbǎnshè, 1987 nián 4. (на китайском языке).
2. Син Фуи. *Грамматика китайского языка.* /

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kolpachkova Elena Nikolaevna,
Ph.D, Associate Professor (Linguistics)
Department of Chinese Studies
Saint-Petersburg State University
ekolpachkova@gmail.com

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

ПОЛИТИКА ЯПОНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КИТАЯ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

JAPANESE OCCUPATIONAL AUTHORITIES POLICY REGARDING THE RUSSIAN
EMIGRATION IN THE OCCUPIED TERRITORIES OF CHINA DURING
THE SECOND WORLD WAR

Наземцева Елена Николаевна

*Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
elenanazz@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные направления политики Японии в отношении русской эмиграции в Китае в период Второй мировой войны: особенности организации, пропаганды, финансирования.

Ключевые слова и фразы: *русская эмиграция, Китай, Япония, СССР, Вторая мировая война.*

Для цитирования: *Наземцева Е.Н. Политика японских оккупационных властей в отношении русской эмиграции на оккупированных территориях Китая в период Второй мировой войны. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 38-48*

Современные отечественные и зарубежные исследователи неоднократно освещали положение и деятельность русской эмиграции в Китае. Однако их основное внимание было направлено преимущественно на характеристику жизни русской эмиграции в первое время после оккупации Японией территорий Китая –

ABSTRACT

The article discusses the main directions of Japanese policy regarding Russian emigration to China during the Second World War: features of organization, propaganda, financing.

Keywords and phrases: *Russian emigration, China, Japan, USSR, World War II.*

For citation: *Nazemtseva E.N. Japanese occupational authorities' policy regarding the Russian emigration in the occupied territories of China during the Second World War. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 38-48*

1930-е гг. Период же Второй мировой войны – освещался весьма кратко. [1, 2, 6, 10, 11, 12, 16, 22] Однако новые архивные источники позволяют нам сегодня детально проследить эволюцию политики японских властей в отношении русской эмиграции в 1939-1945 гг.

Русская эмиграция в Китае в период Второй мировой войны стала важным ресурсом политики японских оккупационных властей на занятых территориях. Это было обусловлено как численностью, так и качественным составом русского эмигрантского сообщества.

Китай являлся одним из главных центров Русского Зарубежья после окончания Гражданской войны в России. В первые годы эмиграции здесь по разным данным оказалось около 400 тыс. человек. [14, с. 124-143] Накануне и в период Второй мировой войны численность русской эмиграции в Китае составляла – около 114 000 человек. По основным центрам рассеяния в 1930-е гг. русские распределялись следующим образом: в Маньчжоу-Го – 69180 человек [4, л. 5, 67.], Шанхае – 23000 [4, л. 54]; Тяньцзине – около 6000 человек [6, с. 102], Пекине – около 2000 [12, с. 16-17], в Синьцзяне – около 13500 человек [19, с.127.] Немного другие данные о численности русских эмигрантов в Китае – около 122 000 чел. – содержатся в документах «Особой папки Молотова» – «Справках о русском населении» в Маньчжурии, Синьцзяне и Шанхае, подготовленных Начальником 6 Отдела I Управления НКГБ СССР генерал-майором В.М. Зарубиным для советского руководства (СНК и ЦК ВКП(б)) в 1945 г.: в Маньчжурии – около 70 000 чел., Пекине, Тяньцзине, Циндао – около 10 000 чел., Шанхае – 17 000 чел., (в другой справке – 25 000), Синьцзяне – около 25 000 (из них около 20 000 чел. являются бывшими советскими гражданами, нелегально перешедшими границу в период коллективизации, остальные – представите-

ли, собственно Белой эмиграции, оказавшиеся здесь после окончания гражданской войны). Как отмечает автор справки, эти цифры совпадают с японскими данными за 1944 г. [7, л. 60, 239] Таким образом, можно утверждать, что русских эмигрантов во всем Китае накануне и в период Второй мировой войны было 115 000 – 125 000 чел. Такое значительное число в целом негативно настроенных по отношению к СССР и коммунистическим идеям людей давало возможность Японии их результативно использовать для достижения своих внешнеполитических целей в регионе.

После оккупации Маньчжурии и образования государства Маньчжоу-Го японские власти приступили к реорганизации русской эмиграции с целью установления контроля за её жизнью, обеспечения в лице эмигрантов союзника в предстоящей войне с СССР, использования формирований русской военной эмиграции в военных действиях и провокациях на границе, привлечения их во властные структуры на оккупированной территории. Учитывая антикоммунистические настроения эмигрантов, провозглашалась активная борьба с мировым коммунизмом. [20, с. 195.]

Для реализации этих задач в 1930-е гг. японскими властями проводилась активная работа на всей занятой ими территории Китая. В 1934 г. было создано Бюро русской эмиграции – БРЭМ. Русские эмигранты должны были в нем зарегистрироваться. Уклонение от регистрации грозило депортацией. При этом открытых репрессий против русских эмигрантов не было, однако имели место устранения неугодных

лиц. Так, в 1940 г. был убит председатель Русско-го эмигрантского комитета в Шанхае К.Э. Мецлер, а в 1941 г. – его преемник – Н.А. Иванов. [6, с. 175].

Активизировав военные действия на территории Китая к концу 1930-х гг., Япония создавала из русских эмигрантов воинские подразделения. Так, весной 1938 г. под руководством Японской военной миссии было сформировано первое воинское подразделение. Формально оно входило в состав Маньчжурской армии, располагалось в районе ст. Сунгари-2 и именовалось отрядом Асано. [18, с. 397.] Согласно показаниям от 10 февраля 1946 г. бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро, на базе подготовленных на Сунгари-2 кадров должны были быть сформированы ударные отряды с численностью примерно по 100 человек в отряде. Их планировалось направлять на разрушение железных дорог, начиная с верховьев Амура. [8, л. 198.] Следует отметить, что японцы изначально отказались привлекать в отряды бывших русских офицеров, тем более кадровых, сделав ставку на эмигрантскую молодежь, которая, с их точки зрения, легче поддавалась воспитанию в духе японского паназиатизма. [18, с. 398.]

Кроме того, на ст. Ханьдаохэцзы были организованы курсы полиции для русских эмигрантов. Как отмечал в своих показаниях уже упоминавшийся Хата Хикодзабуро, «дело в том, что китайская полиция всегда входила в сговор с китайскими партизанами. Она была опасной. Русские же полицейские чины были точны в исполнении своих обязанностей». [8, л. 198.] В результате на станции был сформирован рус-

ский военный отряд численностью около 400 чел. При отряде имелась школа командного состава. Также русский военный отряд численностью до 700 чел. в 1941 г. был создан из казаков Трехречья в Хайларе. Занятия в нем велись по уставам Красной Армии, изучалось оружие, принятое на вооружение в Красной Армии. [4, л. 66]

Курсы лесной полиции находились и в Муданьцзяньской провинции, они подчинялись японской контрразведке. На курсах постоянно обучалось около 100 человек. Срок обучения был от 3 до 4 месяцев. Во время обучения кроме обычных полицейских обязанностей изучалось военное дело. Лучшим ученикам преподавалось диверсионное дело с последующим формированием из них диверсионных отрядов. Предусматривалось использование для диверсий около 1000 человек в военное время. [8, л. 198.]

Следует отметить, что в анкетах, заполняемых эмигрантами при регистрации в БРЭМ кроме вопросов биографического характера, имелся блок вопросов об отношении к военной службе. [5, л. 1] Кроме того, по некоторым данным планировалось введение всеобщей воинской повинности для эмигрантов. [4, л. 67]

С 1939 г. Квантунская армия непосредственно выплачивала по 20 тыс.иен в месяц для руководства эмиграцией. Определенные средства тратились на вербовку диверсионных отрядов. Семьям завербованных платили по 20-30 иен в месяц в виде помощи, причем эти средства выплачивались из секретных фондов. [8, л. 209, 210.] Разведчики проходили начальную военную подготовку и участвовали во всех мероприятиях антисоветского характера,

инициированных эмигрантским руководством под эгидой японских спецслужб. [18, с. 378.] При этом, несмотря на все эти меры японских властей, до начала 1941 г. русская эмиграция на оккупированных Японией территориях Китая сохраняла относительно свободное существование, происходило даже развитие эмигрантских организаций, активно издавалась пресса, хоть и под цензурой японцев, и т.д. [17, с. 744]

С началом Второй мировой войны ситуация меняется. Контроль за эмиграцией со стороны японских властей усилился: японские власти приняли решение создать единый центр белоэмигрантских организаций в Маньчжоу-Го. Наличие большого количества белоэмигрантских организаций в Маньчжурии, их малочисленность и нежизнеспособность, отсутствие какого-либо связующего центра, а также непрерывные склоки между эмигрантскими «вождями» на почве завладения приоритета в руководстве приносили японцам немало хлопот по включению белой эмиграции в новую систему государственности Маньчжоу-Го. Кроме того, японские военные власти придерживались твёрдого курса: не входить в соприкосновение с отдельными эмигрантскими организациями. [8, л. 201.]

3 октября 1940 г. начальник ЯВМ в Харбине генерал-майор Янагита, собрав руководителей белой эмиграции: начальника БРЭМ генерал-майора В.А. Кислицина, главу РФС – К.В. Родзаевского, начальника «Монархического объединения» – Тепунова, начальника 3-го отдела БРЭМ – генерал-майора М.А. Матковского, председателя Союза казаков – генерал-майора

А.В. Зуева, входящих в руководящий состав Союза казаков – И.И. Почекунина и Ю.И. Модестова, сделал доклад, в котором призвал эмиграцию к объединению: «Несмотря на то, что мы с СССР в хороших дипломатических отношениях, ведем дружественные переговоры и избегаем всяких конфликтов, однако, борьбу с коммунизмом мы будем продолжать до конца, т.е до уничтожения всего коммунизма и коммунистической власти. [...] Но эмигрантская масса не должна сидеть и ждать, когда освободят Россию, нужно соединиться всей эмигрантской массе в единую организацию и прислушиваться, что ей будет диктовать ниппонская нация». [17, с. 747]

Твёрдого выбора, какой из существующих организаций предстоит стать центром объединения всей эмиграции, первоначально сделано не было. В силу чего за эту работу взялись три ведущие белоэмигрантские организации в Китае – Бюро эмигрантов, Российский Фашистский Союз и Монархическое объединение. Они подняли в прессе кампанию за объединение. Каждая из организаций призывала эмигрантов объединяться под ее флагом. Особенно широко развернул агитацию Российский Фашистский Союз. К.В. Родзаевский предложил японской военной миссии программу и устав по объединению белоэмигрантов в Маньчжурии. Однако ЯВМ их не приняла, предложив ему по делам эмигрантов обращаться в БРЭМ, которое на тот момент возглавлял В.А. Кислицын. Тогда 30 ноября 1940 г. Родзаевский издал официальный приказ о прекращении работы РФС по объединению эмигрантов. В то же время Родзаевским был издан секретный приказ, в котором

он требовал, чтобы никто не поддерживал БРЭМ и Кислицына. [17, с. 751]

Между тем, В.А. Кислицыным в Харбине было проведено ряд заседаний руководства БРЭМ, посвященных вопросу создания единой организации на национальной платформе. После этого в эмигрантской прессе Маньчжурии было декларировано создание «единой мощной организации, объединяющей всех российских эмигрантов». По объявлению эмигрантской прессы было объединено 99 организаций. Количественный состав действительно представлял внушительную цифру, но подавляющее большинство этих организаций особенной роли в жизни эмиграции в Маньчжурии никогда не играли. Среди вошедших в объединение имелись такие организации, как «Мариинская община Красного Креста», «Екатеринбургское землячество», «Союз пекарей», «Союз владельцев ресторанных предприятий» и т.д. [17, с. 752]

Характеристику этого объединения дал сам генерал В.А. Кислицын, выступивший 29 декабря 1940 г. на заседании «Совета объединения российских эмигрантов»: «В данное время совет включает в себя около сотни лиц, 90% которых являются руководителями различных эмигрантских организаций. Все они в свое время были избраны на руководящие посты в своих организациях самими членами этих организаций на их общих собраниях, и таким образом все они являются лицами, облеченными высоким доверием своих избирателей». В качестве «идеологической» силы в объединение было введено большое количество духовенства с рас-

четом создания впечатления образования «истинно русской организации» и привлечения в нее большего количества эмигрантов. Почетным председателем «Объединения российских эмигрантов» избран митрополит Мелентий. Однако основная эмигрантская масса к этому объединению отнеслась совершенно безразлично, заявляя в своем кругу, что за спиной Кислицына стоит ЯВМ, а «дело эмиграции уже давно кончено». [17, с. 753]

Во время Второй мировой войны японскими властями были приняты и другие меры по укреплению русской эмиграции и усилению контроля за ней. Так, оккупационные власти регулярно инспектировали оставшиеся эмигрантские организации. Например, с 13 мая по 19 июня 1942 г. военные власти Шанхая дважды инспектировали все эмигрантские организации, вплоть до благотворительных. [3, л. 17]

В 1942 г. было проведено упорядочение и слияние эмигрантских газет в Маньчжурии. Единственной газетой на русском языке осталась газета «Харбинское время». Ввиду недостатка средств были закрыты еженедельные газеты, издававшиеся БРЭМ. [8, . 207.]

При этом ежегодно проводились съезды БРЭМ (в 1941 г., 1942 г., 1943 г., 1944 г. – 2 съезда), на которых его руководители отчитывались перед японскими властями о своей работе. [2, с. 217.] А в ноябре 1943 г. начальником ГБРЭМ стал генерал Л.Ф. Власьевский. Однако само «эмигрантское правительство» стало лишь вспомогательным органом управления эмиграцией, все управление было передано ЯВМ. [6, с. 90] Как писал журнал «Луч Азии», «руководство

российской эмиграцией в столь важный и ответственный исторический момент вручено теперь испытанному и опытнейшему представителю Белого движения, и это обстоятельство влило новые силы и энергию в сердца российских эмигрантов – участников происходящей теперь стройки Нового светлого Порядка и Великой Восточно-Азиатской Сферы взаимного процветания». Новое руководство вступило в свои должности 19 ноября 1943 г. [15, с. 46.] В своем заявлении прессе генерал Л.Ф. Власьевский отметил: «Наше содействие войне выявляется во всем на каждом шагу. Земледелец, дружинник, рабочий, транспортник – все это бойцы в прямом значении слова. [...] Работа Гл.Бюро идет по руслу интересов страны и самой эмиграции». [9, с. 21.]

Особое внимание японские власти уделяли работе с молодежью. Для воспитания молодежи в духе идей империи Ниппон в 1939 г. была учреждена Российская эмигрантская организация молодежи Кио-Ва. В июле 1940 г. по решению ЯВМ были открыты высшие курсы Кио-Ва-Кай¹ для русской молодежи, а в мае 1941 г. в Харбине был торжественно открыт «Дом молодежи», созданы русские отряды Кио-Ва-Кай. Через эти организации проводилась активная агитация и пропаганда – организовывались конкурсы на лучший антикоммунистический плакат, проводились собрания протеста, недели разоблачения коммунизма и т.д. Однако они не находили особой поддержки. [2, с. 206.]

Предусматривались ежегодные собеседования с матерями, лекции по вопросам охраны материнства и младенчества, воспитания детей, молодежи, составлялись списки рекомендуемых книг, пропагандировались церковные браки и т.д. Национальное и антикоммунистическое воспитание должно было быть полностью согласовано с Кио-Ва-кай. Также проводилась перестройка всей школьной работы «в соответствии с требованиями момента». Для расширения педагогических кадров, впервые, в апреле 1944 г. были открыты курсы по подготовке преподавателей. Кроме того, существовала широкая сеть кружков. При ГБРЭМ организованы кружки по изучению японского языка. Создан кружок российских женщин и девушек, «имеющий целью широкую общественно-культурно-просветительскую работу в национальном духе для подготовки и исполнения исторической миссии российской эмиграции». Значительные возможности для воспитательной работы предоставляли клубы «Христианского союза молодых людей», клубы национальных колоний. Один раз в три месяца проводились доклады по всем эмигрантским школам, а также общие молодежные собрания. В эмигрантских школах и клубах организовывались национальные уголки и читальни, вводилось издание стенгазет. [5, л. 31, 32]

Воспитанием и пропагандой были охвачены и национальные эмигрантские колонии – украинская, грузинская, армянская, татарская и еврейская. С 1943 г. их работа велась

¹Общество Кио-Ва-Кай – «Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи» – было создано в Маньчжурии в 1932 г. Целью общества провозглашалась «помощь Ниппон в борьбе с англо-саксонским миром и агрессией Коминтерна». – Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1998. С. 205.

в соответствии с общими задачами, поставленными перед всей российской эмиграцией японскими властями. Руководство национальными колониями осуществлялось советом национальностей при главном бюро, которое уделяло много внимания ликвидации вражды между отдельными колониями и искоренению шовинизма. [5, л. 34]

Проводились и мероприятия в области экономической политики по отношению к эмигрантским компаниям и предприятиям. В связи с переключением всех ресурсов на нужды войны, производства, которые можно было использовать для реализации военных целей, стали объединять в крупные компании, а разорившихся и невоенных производителей принуждали к перемене профессий. [5, л. 35]. Кроме того, в 1944 г. было организовано переселение русских в Тоогэнский район. [Подробнее см.:1, 13]

Неблагоприятное для Японии течение войны на Тихом океане, а также изменение ситуации на советско-германском фронте серьезно ухудшили международное положение Японии. Она стала более заинтересованной в нормализации отношений с СССР. Это повлекло и изменение политики японских властей в отношении русской эмиграции на захваченных территориях Китая. Не желая настраивать против себя Советский Союз, японские власти в Маньчжурии уже в 1943 г. ликвидировали Российский фашистский союз (РФС). Союз казаков и Союз военных Восточной Азии превратились в 1944 г. в ветеранские организации, окончательно утратив какое-либо значение. В средствах массовой информации Маньчжоу-Го

исчезла антикоминтерновская и антисоветская риторика. [18, с. 415.]

В то же время меры контроля за эмиграцией ужесточались: в небольших населенных пунктах Китая, оккупированных Японией, запрещалось общение эмигрантов с советскими гражданами. Были запрещены покупка и продажа чего-либо, аренда квартиры, пользование какими-либо услугами и даже приветствия. Однако эти мероприятия достигали скорее обратного результата. Общение эмигрантов с советскими гражданами не прекращалось. [4, л. 60]

Кроме того, последовала идейная переориентация эмиграции. С начала 1944 г. японцы сняли лозунг скорой реставрации старой России и связали осуществление эмигрантских национальных интересов с победой Японии в Восточной Азии. Новые задачи эмиграции не раз публично излагались руководителями японской военной миссии и правительства Маньчжоу-Го. Так, в начале февраля 1944 г. очередной съезд эмигрантских руководителей удостоился чести посещения правителя дел государственного совета Такебе, выступившего с инструктивной речью: «Российская эмиграция должна четко осознать свои обязанности в качестве одной из составных частей населения империи и приложить все усилия к выполнению своего долга и обязанности. Эмиграция должна укрепить в себе антикоммунистический дух, должна абсолютно доверять властям и не поддаваясь вражеской тенденциозной пропаганде непоколебимо идти к достижению своих целей». [5, л. 27] По мнению служащих советских консульств, если до 1943 г. японцам

приходилось «не только подогреть национальные эмигрантские надежды, а давить на эмиграцию, мешая ее окончательному развалу», то «коренное изменение обстановки на советско-германском фронте привело японцев к необходимости переориентировать эмиграцию». Со временем в выступлениях японских властей главное место стали занимать не антисоветские призывы к непосредственной готовности эмиграции бороться за свои чаяния, а призывы к выполнению более прозаической задачи – служению «делу победы японцев войне в Великой Азии». Осуществление собственно эмигрантских целей отодвигалось на последующий период. Это не могло привлечь эмиграцию на сторону оккупационных властей. Потеря ближайшей перспективы возвращения на Родину для возрождения дореволюционной России, которую японцы раньше ставили перед эмиграцией, сказала даже на настроениях эмигрантских лидеров. Основная же масса эмигрантов достаточно открыто иронизировала как над немецкими планами завоевания СССР, так и над японскими планами победы над США и Великобританией. Немалое значение в формировании настроений эмиграции имело и широко распространенное в эмигрантской среде убеждение в том, что после разгрома немцев последует разгром японцев и их изгнание из Китая при помощи Советского Союза. [4, л. 55, 57]

В целом же японские власти, несмотря на все эти многочисленные мероприятия и действительно большую работу с русской эмиграцией не питали иллюзий и невысоко оценивали ее значение в предстоящей войне с Совет-

ским Союзом. По мнению Хата Хикодзабуро, «после революции в России у Белой эмиграции были сильные советофобские настроения. Поэтому она представляла собой значительную ценность в войне с СССР. Но с течением времени советофобские тенденции эмиграции стали уменьшаться. Это означало, что ценность белоэмигрантов в борьбе против СССР падала с каждым годом. Однако совсем оставить эмиграцию без внимания, предоставить ее самой себе, то получалась бы совершенно другая картина: эмиграция стала бы наносить вред самой Японии. Поэтому делалось все, чтобы удержать ее в нужных рамках, чтобы в минимальных пределах получать из ее числа наиболее способных людей и привлекать их для непосредственной помощи армии». [8, л. 203.]

В конце войны надежды японских военных властей на русских эмигрантов практически исчезли. Более того, непосредственное руководство русскими эмигрантами Квантунской армией вызывало недовольство у японских чиновников. По этой причине было решено передать руководство эмиграцией обычной японской администрации. [8, л. 210.]

Отношение эмигрантов к политике Японии в Китае было разным. Начало Великой Отечественной войны раскололо Русское Зарубежье во всех странах рассеяния и, безусловно, в Китае, на «оборонцев» и «пораженцев». «Пораженцы» желали поражения Красной Армии и победы Германии в войне с СССР, активно поддерживали японские власти. Например, 8 декабря 1944 г. в Харбине состоялись торжественные церемонии в различных

государственных учреждениях и общественных организациях, в эмигрантских национальных колониях в честь третьей годовщины «Великой Восточно-Азиатской войны». Уже в 10.30 утра специальная делегация от российских эмигрантов посетила ЯВМ, где была принята заместителем начальника ЯВМ. В состав делегации входили: начальник ГБРЭМ генерал Л.Ф. Власьевский, а также Н.Б. Коссов, К.В. Родзаевский и др. Генерал Власьевский передал представителю ЯВМ чек на 33 369 гоби 35 фен, собранных эмигрантами. В кратком слове он отметил полную решимость российских эмигрантов оказать «всемерную поддержку Ниппон в Священной войне» и просил принять скромный дар эмиграции на постройку боевых самолетов. Представители национальных колоний также передали собранные среди членов колоний суммы в фонд японских Армии и Флота, а также в фонд больных и раненых японских воинов. [21, с. 27.] Однако необходимо отметить, что сборы средств среди эмигрантов на нужды японской армии не были добровольными. Они проводились под большим нажимом и угрозой лишения продовольственного пайка – это при том, что значительная часть эмигрантов жила впроголодь. [4, л. 61]

«Оборонцы» выступали за помощь Красной Армии и желали победы СССР. Многие из русских эмигрантов принимали участие в сборе средств и подарков для Красной Армии, несмотря на опасность и грозящие им со стороны японских оккупационных властей репрессии, обращались в советские представительства с просьбой отправить их на фронт и «дать им

возможность искупить свою вину перед Родиной». Более того, русское духовенство, отражая поворот в настроениях эмиграции, проводило молебны за победу русского оружия. Отношение эмиграции к Родине отражало и массовое обращение в консульства СССР и просьба о приеме их в советское гражданство. [7, л. 239] Так, в Шанхае за годы Великой отечественной войны было подано около 3000 заявлений. [7, л. 60-61]

Особенно сильны были симпатии к Родине среди эмигрантской молодежи. Например, в 1942 г. волейбольная команда «Российского общественного собрания» подала заявления с просьбой принять ее членов в советское гражданство. В русском клубе Гонконга происходили драки между молодыми людьми из-за споров о СССР. Уполномоченный Наркомморфлота в Гонконге М. Волков в своем обзоре, посвященном русской эмиграции, отмечал: «Надя Мрачковская, 10 лет, дочка инженера, спрашивала нас на пароходе “Вы настоящий русский? А я нет, я в Шанхае родилась. Возьмите меня вместе с мамой с собой...”». [3, л. 18] Генеральный консул СССР в Харбине Г.И. Павлычев в своем донесении от 28 мая 1943 г. заместителю народного комиссара иностранных дел С.А. Лозовскому также отмечал кардинальные изменения настроений русских эмигрантов: «После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз и начала германско-советской войны, в рядах русской эмиграции в Харбине началось серьезное разложение. Возникли и широко распространились так называемые оборонческие настроения, смысл которых сводится к тому, что у некоторой части эмигра-

ции, видевшей, с каким героизмом весь советский народ встал на защиту своей Родины, пробудились патриотические чувства, и она начала переосмысливать свое отношение к СССР и германско-советской войне, становясь открыто на позиции защиты Советского Союза». [4, л. 26]

В первые же дни советско-японской войны в 1945 г. некоторые эмигранты участвовали в боях против японцев в рядах Красной Армии, женщины оказывали помощь раненым, собирали средства в фонд победы Красной Армии, а митрополит Мелентий даже обратился с приветственным посланием к И.В. Сталину. [7, л. 60-61]

После окончания Второй мировой войны в ноябре 1945 г. Л.П. Берия даже направил в СНК и ЦК Политбюро предложение о распространении Указа от 10 ноября 1945 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство» на лиц, проживающих на территории Китая – Маньчжурии, Шанхае и Синьцзяне, «учитывая, что значительная часть русского населения [...] за время Великой Отечественной войны Советского Союза проявила патриотическое отношение к своей Родине», что впоследствии и было сделано. [7, л. 236, 238]

Таким образом, японские оккупационные власти в период Второй мировой войны на оккупированной территории Китая выработали четкую стратегию руководства русской эмиграцией и ее контроля. Практически все сферы жизни эмигрантов были подчинены политике Японии и должны были отвечать ее внутривосточным

и внешнеполитическим интересам. В то же время японские власти объективно оценивали возможности и настроения русских эмигрантов и не доверяли им. Несмотря на антисоветские высказывания, ненависть к политическому режиму, патриотические чувства в среде эмигрантов были довольно значимыми, а с началом Великой Отечественной войны они усилились. Японские власти это понимали и не считали эмигрантов своими искренними союзниками. Со временем же они окончательно потеряли к ним интерес как к серьезной политической силе.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
2. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 16.
4. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 18.
5. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 258. Д. 27.
6. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. Хабаровск, 2008.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.Р. – 9401. Оп. 2. Д. 105.
8. ГА РФ. Ф. Р – 9401. Оп. 2 сч. Д. 142.
9. Горохов В. Главное Бюро по делам российских эмигрантов. Обзор деятельности за год // Луч Азии. Харбин. – 1944. – № 14/125. – С. 21-23.

10. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920-1940-е гг. М., 2003.
11. Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945 гг.). Омск, 2006.
12. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925-1932. М., 2007.
13. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период Второй мировой войны // Вопросы истории. – 2016. – № 2. – С. 137-149.
14. Наземцева Е.Н. Проблема численности российской пореволюционной эмиграции в Китае в современной отечественной историографии / Восточные ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем. отв. Ред. Д.С. Панарина. М., 2019.
15. «Превратить российскую эмиграцию в дружную семью и добиться заветной цели. Какие задачи ставит себе новый руководящий состав Гл.Бюро эмигрантов, возглавляемый генерал-майором Л.Ф. Власьевским» // Луч Азии. – Харбин. – 1943. – № 111/11. – С. 46-47.
16. Ревякина Т.В. Российская эмиграция в Китае. Проблемы адаптации (20 – 40-е годы XX в.). М., 2002.
17. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8. «Противостояние». 1927-1941 гг. М., 2016.
18. Смирнов С.В. «Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.)», Дисс. на соискание степени д.и.н., Екатеринбург. 2018.
19. Трескин Н.С. О жизни и о себе // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. – Toronto, Ontario, Canada. – 1998. – № 5. – С. 127-144.
20. Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906-1967). М., 2003.
21. Харбин в 3-ю годовщину Великой Восточно-Азиатской войны // Луч Азии. – Харбин. – 1944. – № 15/126. – С. 27.
22. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., СПб., 2015.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nazemtseva Elena Nikolaevna,

Ph.D. in History, research associate,

Military History Research Institute Military Academy of General Staff Russian Armed Forces

elenanazz@mail.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КИТАЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАЙОНИРОВАНИЯ
В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(XX - Н. XXI)¹

CHINA'S HISTORICAL EXPERIENCE ON THE USE OF ZONING
IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES
(XX-BEGINNING OF XXI)

Макеева Светлана Борисовна

ФНИСЦ РАН (г. Москва)

msbmag9581@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается исторический опыт использования районирования китайскими учеными, специалистами в области экономической географии на протяжении XX в. Определены основные перспективные направления использования зонирования территории в рамках реализации стратегии устойчивого регионального развития КНР в начале XXI в. За основу анализа берутся статьи китайских авторов, опубликованные на страницах профильных журналов «Вестник географии», «Географический журнал», «Научный вестник», «Географический альманах», «Географические исследования», «Прогресс науки о Земле».

Ключевые слова и фразы: экономическая история Китая, экономическая география, районирование, территориальное пространство, региональное развитие, стратегия, китайские ученые.

Для цитирования: Макеева С.Б. Исторический опыт Китая по использованию районирования в ходе реализации стратегий регионального развития (XX - н. XXI). Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5): 49-55

ABSTRACT

The paper considers the historical experience of the use of zoning by Chinese scientists, experts in the field of economic geography throughout the twentieth century. The main promising areas of the use of zoning in the framework of the strategy for sustainable regional development of China at the beginning of the XXI century The analysis is based on articles by Chinese authors published on the pages of the specialized magazines "Vestnik Geografii", "Geographical Journal", "Scientific Herald", "Geographic Almanac", "Geographical Research", "Progress in Earth Science".

Keywords and phrases: economic history of China, economic geography, regionalization, territorial space, regional development, strategy, Chinese scientists.

For citation: Makeeva S.B. China's historical experience on the use of zoning in the implementation of regional development strategies (XX-beginning of XXI). Modern oriental studies. 2020; 2(5): 49-55

¹Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» №20-014-00010

Предпосылки использования методики районирования в Китае были заложены в начале XX в. Китайские ученые детально изучали особенности зонирования территории еще в 1920-1930-е гг. И соответственно Китай являлся одной из стран мира, в которой проводились научные исследования районирования еще в первой половине XX в. Результатами данных исследований являлись уникальные на тот период времени научные работы китайских авторов, которое заложили основы теоретико-методологического обоснования районирования в рамках учета особенностей физико-географического регионального развития Китая.

Вышедшая в 1929 г. работа «О климатических районах Китая» известного китайского географа Чжу Кэчжэня положила начало исследованиям современного физико-географического разделения регионов Китая [24]. Еще один китайский ученый географ Хуан Бинвэй впервые провёл районирование растительности Китая в 1940 г. Его коллега китайский специалист в области физической географии Ли Сюдань в 1947 г. выпускает свою работу «Деление Китая на географические районы». В первой половине XX в. китайские ученые Чжан Циюнь, Ли Чжанфу, Хун Сыци, Ван Ия, Ван Чэнцзу, Ли Сыгуан, Фэн Шэну, Ло Шипэй проявляли особый интерес к специфике районирования территории Китая [21].

В первой половине XX в. китайские исследования в области районирования имели следующие характерные особенности. Во-первых, не были сформулированы принципы и методы развития природных факторов и их влияния на региональную дифференциацию в Китае, что

значительно ограничивало научно-теоретические данные по зонированию и комплексную работу по физико-географическому районированию. Во-вторых, из-за ограничений базовых данных большинство сформулированных планов районирования были относительно простыми. В-третьих, осуществлялась огромная исследовательская деятельность по разделению Китая на физико-географические районы, что нашло отражение в работах таких китайских ученых, как Хун Фу «Предварительные исследования по разделению Китая на географические районы» (1934 г.), Ли Чжанфу «Исследования географических районов Китая» (1934 г.), Чжан Циюня «Учебник по географии жизни» (1946 г.), Хэ Миньцю «Введение в географию Китая». В-четвертых, ученые Китая проводили физико-географическое районирование по отдельным направлениям. Об этом свидетельствуют топографические карты Китая, составленные Ли Чэнсанем, Чжу Кэчжэнем, Ту Чжанваном, Лу У, У Хэгэном; почвенные карты Китая, составленные Чэнь Эньфэном, Ху Сяньсу, Хуан Бинвэем [12]. Если анализировать исторический опыт Китая по районированию в начале XX в., то учитывая современные достижения науки в этой области, можно выделить множество недостатков, но в любом случае, достижения китайских ученых того времени заложили основу по зонированию территории КНР в дальнейшем.

После основания КНР в 1949 г. начинается бурное народнохозяйственное строительство. Для того, чтобы разобраться в физико-географических условиях и наличии природных ресурсов страны, развивать промышленное, сельскохозяйственное и другое строительство,

в стране возникла острая необходимость использовать опыт районирования на практике. В процессе составления национальных планов в качестве ключевого направления использовались физико-географические районирования. Обсуждались методологические принципы зонирования территории и предлагались различные варианты комплексного физико-географического районирования такими китайскими учеными, как Линь Чао [11], Ло Кайфу [14], Хуан Бинвэй [8;9], Жэнь Мэйю [15; 16; 17], Хоу Сюэю [3], Чжао Сунцяо [20], Си Чэнфань [19]. В 1950-е гг. районирование в Китае было направлено на удовлетворение потребностей народнохозяйственного строительства.

Комплексное физико-географическое районирование являлось одним из специфических методов, позволяющих понять естественные региональные различия в природе Китая. Разделение территории в соответствии со сходствами и различиями природного мира и выделение характеристик окружающей среды, позволяло с точки зрения научного понимания, в дальнейшем использовать физико-географическое районирование для анализа глобальных изменений природного ландшафта, создания систем мониторинга и применения технологий дистанционного зондирования и географических информационных систем. Предпосылками к активному использованию физико-географического районирования являлась активная деятельность китайских ученых в 1950-е гг. по изучению методологии зонирования территории.

Географическая зональность и закон региональной дифференциации являлись наиболее

значительными достижениями в практическом применении географии в XX веке. Важным содержанием естественнонаучных исследований в Китае являлось разделение регионов по законам физической географии и региональной дифференциации [18].

Природная среда Китая сложна и разнообразна, и под влиянием многих факторов существовали конкретные сложности с определением региональных закономерностей. В 1954 г. выдающийся китайский географ Линь Чао подготовил фундаментальные работы по физической географии Китая, такие как «Общие принципы региональной дифференциации природных зон Китая» [11] и «Проблемы определения границ в процессе физико-географического районирования Китая». Эти работы заложили основу для будущего всеобъемлющего физико-географического районирования КНР. Методы физико-географического районирования, предложенные Хуан Бинвэем в 1950-е гг. повлияли на широкое распространение зональных законов, что являлось историческим прорывом в процессе зонирования территории Китая. Данные методы заложили основы классической методологии районирования КНР и всегда использовались в процессе составления планов строительства в сфере сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства, водоснабжения, транспорта и национальной обороны.

Значительное влияние на теоретико-методологические основы физико-географического районирования оказала популяризация, разработка и применение на практике принципов устойчивого регионального развития в 1980-е гг. В Китае становятся актуальными

призывы к улучшению экологической системы и для выполнения поставленных задач в области устойчивого регионального развития активное распространение получает экологическое зонирование китайской территории. Эко-системные перспективы, принципы и методы постепенно вводятся в изучение природных региональных систем Китая. Китайский ученый, специалист в области экологии, географии Хоу Сюэю в 1980-е гг. проводит экологическое районирование КНР на основе учета региональных различий природного покрова в целях осуществления крупномасштабных планов в области сельскохозяйственного производства [10]. Углубленные исследования по вопросу эколого-географического районирования также проводили такие китайские ученые, как Чжэн Ду [20], Фу Боцзе [2]. В своих работах они отмечают, что экологическое районирование – это углубленное комплексное физико-географическое районирование, учитывающее принципы экологии.

Во второй половине XX века в Китае результаты районирования активно использовались в процессе национального планирования. Кроме общего комплексного районирования получает распространение зонирования территории Китая, которое служило определённым целям народного хозяйства. Например, физико-географическое районирование в Северном Китае в целях строительства ирригационных систем, естественное зонирование транспортно-логистической сети для строительства автомобильных дорог.

В то же время китайские ученые, специалисты в области районирования Китая начинают проводить исследования по разработке

геопространственных законов и принципов региональной дифференциации в целом по стране и отдельно по регионам, а также был разработан ряд положений по изучению региональных систем. Китайский опыт использования районирования показывает, что отличительными характеристиками зонирования территории Китая являются: во-первых, то, что данные по районированию были получены из полевых обследований и наблюдений, во-вторых, цель районирования заключалась в решении актуальных задач экономического развития, в-третьих, районирование являлось универсальным и специфичным дополнением в планировании сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства, водоснабжения, транспорта и национальной обороны Китая [1].

Оценивая необходимость и важность исследований в области комплексного районирования в Китае, следует отметить, что за последние 70 лет после основания КНР система природных ресурсов и окружающей среды, а также модель социально-экономического развития Китая претерпели значительные перемены. В современных условиях глобальных экологических изменений появились новые возможности для решения проблем, связанных с реализацией устойчивого развития Китая. Начиная с 1990-х гг. всё больше китайских ученых осознают важность сочетания природных, экономических и социальных факторов в ходе проведения комплексного районирования [22; 21; 5; 6]. В 1997 г. китайский специалист в области зонирования территории Хуан Бинвэй официально предлагает новую концепцию комплексного районирования, на основе накопленных систематических данных наблюдений за последние

полвека и результатов исследований физико-географического зонирования Китая, а также использования современных географических информационных систем, глобальной системы местоопределения, компьютерных и мультимедийных технологий. Это позволило более эффективно использовать на практике законы дифференциации региональной системы Китая [7, с. 292-293].

Современные достижения в области районирования в Китае выступают теоретико-методологической основой исследований системы «человек-земля» в ходе реализации концепции устойчивого регионального развития. Китайские ученые отмечают, что при изучении социальных факторов глобальных изменений окружающей среды необходимо учитывать не только текущее состояние природных ресурсов и экологической обстановки в Китае, но и проводить анализ макроструктурных трансформаций в стране и организовывать комплексные междисциплинарные исследования в области естественных и социальных наук. Это будет способствовать устойчивому развитию китайского общества, осуществлению принципов макроконтроля за национальной экономикой и ускорит темпы экономического роста Китая [13, с. 889-895].

Оценивая перспективы всестороннего использования комплексного районирования в КНР, необходимо отметить, что теоретико-методологические основы сочетания природных, экономических и социальных факторов при проведении районирования являются наиболее перспективными в рамках осуществления зонирования территории Китая. С этой

целью комплексная работа по осуществлению районирования должна быть ориентирована на анализ закономерностей устойчивого регионального развития, актуальных проблем региональной экономики и основных направлений региональной политики КНР. Среди ключевых направлений в ходе данной работы следует отметить: углубленное обсуждение научно-теоретических принципов и методов в осуществлении районирования, всестороннее изучение природной среды и законов региональной дифференциации, определение границ в ходе комплексного районирования.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Макеева С.Б. Проблемы регионального развития КНР в работах китайских ученых-экономистов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 101-106.
2. 傅伯杰, 刘国华, 陈利顶. 中国生态区划方案 // 生态学报. - 2001. - № 21(1). - 页. 1-6.
3. 侯学煜, 姜恕, 陈昌笃. 对于中国各自然区的农、林、牧、副、渔业发展方向的意见 // 科学通报. 1963. №9. - 页. 8-26.
4. 黄秉维. 论中国综合自然区划 // 新建设. - 1965. - № 3. - 页. 65-74.
5. 黄秉维. 新时期区划工作应当注意的几个问题 // 地理学综合研究. - 北京: 商务印书馆, 2003. - 页. 350-352.
6. 黄秉维. 中国陆地系统与区域可持续发展研究. - 北京: 测绘出版社, 1997. - 页. 1-3.

7. 黄秉维. «中国陆地系统科学与区域可持续发展战略» 预研究的结论和意见. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 页. 292-293.
8. 黄秉维. 中国综合自然区划草案 // 科学通报. – 1959. – 18. – 页. 594-602.
9. 黄秉维. 中国综合自然区划纲要 // 地理集刊. – 1989. – №21. – 页. 10-20.
10. 李世奎. 中国农业气候资源和农业气候区划. – 北京: 科学出版社, 1988. – 258 页.
11. 林超. 中国自然区划大纲(摘要) // 地理学报. – 1954. – 20(4). – 页. 395-418.
12. 刘盛佳. 地理学思想史. 武汉: 华中师范大学出版社. – 1990. – 页. 435-438.
13. 刘燕华, 葛全胜, 张雪芹. 关于中国全球环境变化人文因素研究发展方向的思考. // 地球科学进展. – 2004. – № 19(6). – 页. 889-895.
14. 罗开富. 中国自然地理分区草 // 地理学报. – 1954. – 20(4). – 页. 379-394.
15. 任美镠, 杨纫章. 中国自然区划问题 // 地理学报. – 1961. – №27. – 页. 66-74.
16. 任美镠, 杨纫章, 包浩生. 中国自然区划纲要. – 北京: 商务印书馆, 1979. – 197 页.
17. 任美镠, 包浩生. 中国自然区域及开发整治. – 北京: 科学出版社, 1992. – 页. 483.
18. 吴绍洪. 综合区划的初步设想 // 地理研究. – 1998. – №17(4). – 页. 367-374.
19. 席承藩, 张俊民, 丘宝剑. 中国自然区划概要. – 北京: 科学出版社, 1984. – 页. 1-165.
20. 赵松乔. 中国综合自然区划的一个新方案 // 地理学报. – 1983. – №38(1). – 页. 1-10.
21. 赵松乔, 陈传康, 牛文元. 近三十年来我国综合自然地理学的进展 // 地理学报. – 1979. – 34(3). – 页. 187-199.
22. 郑度. 关于地理学的区域性和地域分异研究 // 地理研究. – 1998. – 17(1). – 页. 4-9.
23. 郑度, 杨勤业, 顾钟熊. 黄秉维地理学术思想及其实践. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 页. 527-533.
24. 竺可桢. 中国气候区域论 // 地理杂志. – 1930. – № 3(2). – 页. – 38-49.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Makeeva Svetlana Borisovna,

Candidate of Historical Sciences, associate Professor,

Leading researcher, Institute of Socio-Political Research

Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS)

msbmag9581@yandex.ru

Принята к публикации: 10.09.2020

Submission Date: 10.09.2020

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЕВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В 1980-1990-Х ГГ.¹

FORMATION OF MODERN CHINESE STUDIES EDUCATION IN THE EASTERN
REGIONS OF RUSSIA IN THE 1980-1990S.

Дацышен Владимир Григорьевич

*Красноярский государственный педагогический университет
dazishen@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается исторический опыт становления современного китаеведческого образования в восточных регионах России в 1980-х – 1990-х гг. на основе опубликованных работ и воспоминаний участников событий восстановлена историческая картина открытия китаеведения в высших учебных заведениях, а так же введение преподавания китайского языка в других учебных заведениях.

Ключевые слова и фразы: *китаеведение, высшая школа в Сибири и на Дальнем Востоке, народное образование*

Для цитирования: *Дацышен В.Г. Становление современного китаеведческого образования в восточных регионах России в 1980-1990 гг. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5): 55-61*

ABSTRACT

This paper considers the historical experience of the formation of the modern Chinese studies education in the Eastern regions of Russia in the 1980s and 1990s on the basis of published works and memoirs of participants of events restored the history Chinese studies education in the University.

Keywords and phrases: *Chinese studies, University in Siberia and the Far East, public education*

For citation: *Datsyshen V.G. Formation of modern Chinese studies education in the Eastern regions of Russia in the 1980-1990s. Modern oriental studies. 2020; 2(5): 55-61*

¹Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерно развитых регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» №20-014-00010

Китаеведческое образование, в основе которого лежит изучение китайского языка, является важнейшей составляющей всей системы русско-китайских отношений. Для восточных, приграничных или находящихся основных транспортных коммуникациях и наиболее тесно экономически и культурно связанных с Китаем регионов России, оно является особенно важным и актуальным.

Несмотря на то, что истоки российского китаеведческого образования лежали в Восточной Сибири, а к началу XX в. на Дальнем Востоке уже заработало специализированное высшее востоковедное учебное заведение, в восточных регионах России всегда существовало проблема отсутствия развитой и полноценной системы китаеведческого образования. А в 1940-х и 1950-х гг., когда Советский Союз и Китай были союзниками и активно взаимодействовали, в восточных регионах России не было ни одного учебного заведения, за исключением школ военных переводчиков, с преподаванием китайского языка. Лишь в 1960-х гг., в ситуации обострения отношений между правящими партиями двух стран, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке вновь появляется китайский язык в высших и средних учебных заведениях.

В сентябре 1960 г. в Читинском государственном педагогическом университете было создано отделение китайского и английского языков. Организатором краеведческого образования и первым преподавателем был воспитанник Московского института востоковедения выпускник МГИМО А. Ф. Никитин. Он писал: «Известие о том, что в Читинском Обкоме партии озвучено решение о создании в ЧГПИ китайского отделения и начат подбор кандидатов для практического осуществления этой идеи мне довелось услышать впервые в парткоме станции Отпор в марте 1960 года. В это время

мы с Александром Андреевичем Андреевым работали переводчиками на ст. Отпор... Вскоре нас для беседы вызвали в Обком партии, а после беседы предложили перейти на работу в ЧГПИ в качестве старших преподавателей китайского языка» [1, с. 9]. В вышедшей в 2008 г. работе «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет» о китаеведах говорится в разделе «Факультет иностранных языков»: «Кафедра китайского языка была создана... в 1961 г. работу по формированию кафедры возглавил А.Ф. Никитин... Первые 5 лет А.Ф. Никитин заведовал кафедрой китайского языка, затем работал деканом» [3, с. 133]. К концу советского периода истории России в восточных регионах РСФСР китаеведение развивалось лишь в трех высших учебных заведениях, а также китайский язык преподавался в двух средних школах.

В 1962 г. китаеведческое образование было восстановлено в Дальневосточном государственном университете. Исследователи пишут о сложностях подготовки к возвращению китайского языка в бывший Восточный институт: «в 1958 г. газета «Ленинец» сообщала решение Ученого совета университета о введении преподавания китайского языка на первых курсах всех факультетов по 2 часа в неделю; для студентов вторых-четвертых курсов планировалось ввести факультативные курсы китайского языка также по 2 часа в неделю. В 1962 г. в ДВГУ после двадцатитрехлетнего перерыва было вновь открыто восточное отделение. Возрождение этого профиля образования пришлось начинать с нуля: отсутствовала учебно-методическая база, был дефицит кадров преподавателей» [6, с. 85]. На следующий год филологическом факультете университета была открыта кафедра восточных языков. Первым заведующим кафедрой восточных языков ДВГУ стал выпускник ДВГУ 1928 г. Г.А. Ткачёв.

Уникальность Читинской области среди регионов СССР заключалась в том, что это была единственная вообще в России территория, где в местном пединституте функционировало китайское отделение, а китайский язык преподавался в двух средних школах, в самой Чите и затем в поселке Забайкальск. Вскоре китайский язык появился в одной из хабаровских средних школ. В 1967 г. вышло Постановление Министерства просвещения РСФСР, в котором говорилось: «Рассмотрев ходатайство Хабаровского крайоно о расширении сети школ о преподавании ряда предметов на иностранном языке приказываю: заведующему Хабаровским крайоно тов. Донник М.Д. 1. Разрешить преобразовать в 1967-68 уч. г. школу №1 г. Хабаровска в среднюю школу с преподаванием ряда предметов на китайском языке»². В эту школу пригласили на работу шесть учителей китайского языка.

В 1969 г. было принято решение о начале подготовки китаеведов в Новосибирском государственном университете. На сайте НГУ представлена следующая информация: «Обучение китайскому языку в Новосибирском госуниверситете ведется с 1970 г. Это было связано с задачами, поставленной перед учеными Академгородка в 1969 г. руководством страны в лице Председателя Совета министров А.Н. Косыгина – помогать политикам в контактах с восточным соседом, в частности в разрешении актуализировавшейся в те годы проблемы пограничного урегулирования. Для расширения спектра работ созданного в структуре Института истории, филологии и философии СО АН СССР специального сектора истории и археологии стран зарубежного Востока требовались молодые сотрудники со знанием китайского и японского языков. Поэтому в НГУ... была развернута углубленная языковая подготовка на базе имевшихся

специальностей «история» и «филология». Сначала на Гуманитарный факультет НГУ набирались группы студентов-китаистов или японистов раз в три-четыре года по специальностям «история» или «филология». Первым преподавателем восточных языков в НГУ и в Новосибирске в целом стала к. филол. н., проф. Ольга Павловна Фролова. Она выросла в Харбине, до переезда в Россию преподавала в Харбинском политехническом университете; затем получила диплом преподавателя двух европейских языков в Новосибирском государственном педагогическом институте... Другие преподаватели первых наборов китаистов – к. и. н. Татьяна Ивановна Кашина, д. и. н. Анатолий Гаврилович Малявкин также были «харбинцами»... разговорный язык преподавал этнический китаец, признанный лидер переводческого сообщества Новосибирска Борис Андреевич Таланов»³. Первая группа студентов в составе около 5 человек начала изучать китайский язык в НГУ в 1970 г. В числе первых студентов китаистов были Елена Константиновна Скрибник, Анна Матизен, Людмила Воротникова. Следующая группа была набрана у историков в 1972 г., в ее составе были, в частности, известные сегодня китаисты С.А. Комиссаров и А.В. Варенов. До середины 1990-х гг. китайская группа набиралась раз в несколько лет.

Благодаря запущенному в первой половине 1980-х гг. процессу нормализации советско-китайских отношений преподавание китайского языка на востоке России получило новый импульс и возможности для развития. Вузовские и школьные преподаватели с 1985 г. стали выезжать на стажировку в Китай. Например, с 1985 г. преподаватели китайского языка из Читы и Забайкальска, а также студенты, стали выезжать на длительные стажировки в Пекин [2, с. 165].

²Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137. Оп. 14. Д. 1855. Л. 10.

³[https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/d8b/КЯ%20в%20НГУ%20\(Новосибирск\).pdf](https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/d8b/КЯ%20в%20НГУ%20(Новосибирск).pdf)

В 1987 г., например, впервые выехал на стажировку известный новосибирский китаевед С.А. Комиссаров [5, с. 128]. Преподаватели и выпускники сибирских и дальневосточных вузов начали выезжать в Китай в качестве переводчиков.

Быстрее на изменившиеся условия реагировали приграничные регионы. Исследователи пишут: «в 1988 г. в Благовещенском госпединституте (с 1996 г. – университет) появилось отделение китайского языка; на следующий год Ученый совет вуза принял решение о создании самостоятельной кафедры китайского языка, которая готовила бы учителей китайского языка на двух отделениях: китайско-английском и англо-китайском. В это время большинство преподавателей китайского языка в БГПИ являлись выпускниками Дальневосточного государственного университета. Возглавил кафедру О.А. Тимофеев...» [7, с. 54].

Почти одновременно было введено преподавание китайского языка в Уссурийском пединституте, где в 1989 г. «была введена новая специальность (по аналогии с БГПИ) – «китайский и английский языки». Занятия по китайскому языку у студентов вели преподаватели, окончившие курс Читинского госпединститута, – Соктоева Оксана Целенджаповна и Махраков Олег Валерьевич. На следующий год в УГПИ уже трудились преподаватели Сыпинского вуза: Чжан Фамин, Ли Чанжэн, Фу Лили, Чи Сяоин, Лю Гуйфан. В этом же году в институт пришел работать Ван Шаогэн, уроженец Циндао, эмигрировавший в Советский Союз в 1961 г.» [7, с. 54]. Развитие преподавания китайского языка в Уссурийском пединституте опиралось на опыт и потенциал местного суворовского училища.

С полной нормализацией советско-китайских отношений в 1989 г. развитие китаеведения в восточных регионах России вступило

в новый этап. Исследователи пишут: «Второй этап развития китаеведения в вузах российского Дальнего Востока начался на рубеже 1980–1990-х годов и продлился до середины 2000-х. Интересно, что известный китаевед В.Я. Портяков указывает конкретно 1991 г. в качестве начальной даты установления благоприятных двусторонних отношений России и Китая. На приграничных территориях России, близких к Китаю, потепление в отношениях двух стран стало ощущаться чуть раньше. Налаживание связей в торгово-экономической, культурной областях раньше потребовало специалистов китайского языка» [7, с. 53].

Благодаря прямым договорам между советскими и китайскими вузами преподавание китайского языка в вузах, где оно возникло еще в 1960-х гг., вышло на качественно новый уровень. Кроме того, началось преподавание китайского языка и в других университетах и институтах. Исследователи пишут: «В 1989 г. было заключено соглашение между Читинским государственным педагогическим институтом им. Н.Г. Чернышевского и Педагогическим университетом города Хух-Хото. Соглашением предусматривался взаимный обмен группами преподавателей и студентов для прохождения языковой стажировки... проведение совместных научно-практических конференций. Планировался также обмен учёными пособиями и научными разработками... велась подготовительная работа по совместному составлению и изданию учебно-методических пособий и материалов. Налаживалось сотрудничество читинской средней школы №4 и специализированной средней школы города Хух-Хото. В рамках этого сотрудничества начался обмен делегациями школьников и учителей с последующими взаимными стажировками» [2, с. 144]. С 1989 г. в Читинском пединституте начинают работать преподаватели из университетов

КНР: Ли Ин, У Цуньцзе, Ван Сюебин, Шао Фэнжу, Ван Аньна, Ян Цюн, Чэн Ванлэй, Чэн Пин и др.

С 1989 г. возрождается китаеведение в Иркутском государственном университете. Университетская газета сообщила: «между Иркутским и Хэйлунцзянским университетами... в январе 1989 г. был заключен договор о сотрудничестве... С жизнью наших факультетов, научно-исследовательских институтов, подразделений познакомились: проректор по учебной части профессор Шан Хэсян, руководитель группы, Цюй Шомэй, профессор, декан факультета китайского языка Янь Дэсян...»⁴. Студенты ИГУ начали изучать китайский язык. В интервью с начальником международного отдела ИГУ отмечалось: «В настоящее время 10 студентов 2-х факультетов, физического и исторического, изучающих китайский язык под руководством преподавателей доцентов Диогенова А.В. и Единарховой Н.Е., проходят учебную производственную практику в КНР»⁵. В этот период в ИГУ еще не было русских преподавателей китайского языка, и языку студентов учили преподаватели из Харбина и Пекина.

В 1990 г. китаеведение появляется другом вузе Новосибирска – пединституте. На историческом факультете были созданы кафедра и отделение истории мировой культуры. Первым преподавателем китайского языка НГПУ, работавшим там два учебных года (с апреля 1991 по июль 1993 г.) был выпускник НГУ С.В. Алкин.

В переломном для российской истории 1991 г. начинается массовое распространение китаеведческого образования преподавание китайского языка в России, и в первую очередь в крупных городах Сибири и Дальнего Востока. Китайский язык вводится в ведущих вузах, а так же в других учебных заведениях.

⁴Иркутский университет. 1989. 27 сентября.

⁵Иркутский университет. 1989. 10 октября

⁶Государственный архив города Новосибирска (ГАГН). Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

В 1991 г. началось преподавание китайского языка в Красноярском краевом дворце пионеров и школьников. Уроки китайского языка для школьников много лет вела профессиональный китаевед Н.Ф. Иванова. В 1992 г. в Красноярск на работу для преподавания китайского языка для школьников и студентов педагогического училища приехали два китайских преподавателя из Сианя. В «Предложении гороно (Новосибирска – В.Д.) по развитию контактов с провинцией Хэйлунцзян» от 18 декабря 1991 г., говорилось: «До настоящего времени каких-либо связей с провинцией Хэйлунцзян /г. Харбин/ КНР нет. В то же время гороно считает целесообразным и возможным установить такие связи. Интерес к Китаю проявляется в учебных учреждениях; появились классы, факультативы по изучению Китайского языка. В рамках развития связей... возможны следующие направления сотрудничества в области народного образования: - ознакомление с системой образования... - обмен преподавателями русского и китайского языков для стажировки»⁶.

С первого семестра 1991/92 уч. года ведет свое начало красноярское китаеведческое образование. В октябре 1991 г. заместитель декана филологического факультета Красноярского госуниверситета, получивший китаеведческое образование в НГУ, В.К. Васильев привез из Хэйлунцзянского государственного университета преподавателя Чень Шаохуа. По объявлению была набрана группа студентов, желающих изучать китайский язык, около 70 человек. После сессии было отобрано 12 человек, 10 из которых первыми закончили китайское отделение КГУ. Уже в 1992 г. студенты смогли пройти стажировку в Хэйлунцзянском университете. В последующие годы усилиями проректора КГУ реэмигранта из Китая С.А. Елисафенко

и доцента В.А. Разумовской был создан отдельный факультет востоковедного направления. В 1996 г., с образованием факультета современных иностранных языков КГУ, секция китайской филологии была преобразована в кафедру восточных языков, организаторами которой были прошедший обучение в Китае в 1950-х гг. инженер А.С. Кирпичев и выпускник Иркутского университета Т.Е. Загибалов. В первой половине 1990-х курсы китайского языка в качестве факультатива появились на кафедре всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета.

В 1991 г. начинается история омского китаеведения. Исследователи пишут: «Китайский язык в ОмГПУ преподается с 1991 г. В самом начале первыми преподавателями были приглашенные китайские специалисты, ими были привезены первые китайские учебники. Весомый вклад в процесс подготовки омских китаеведов также внес профессор университета Сорбонны Н. П. Лысенко. Своими знаниями щедро делились приглашенные специалисты из Читинского педагогического института: В. А. Ленинцева, О. М. Готлиб, Е. А. Юйшина. В 1993 г. при кафедре английского языка была образована секция китайского языка, в состав которой в качестве ассистентов вошли первые омские преподаватели китайского языка...»⁷.

В 1992 г. китаеведение пришло в Томский государственный университет. Томские китаеведы отмечают: «Период формирования современной востоковедческой базы был связан в основном с изучением на отделении международных отношений китайского языка, которое было организовано в 1992 г.» [4, с. 191]. Позднее на факультете международных отношений была открыта кафедра востоковедения, которую возглавил военный китаевед В.Л. Носов. Подготовкой

специалистов занимались приглашенные специалисты, в частности, выпускники Забайкальского государственного педагогического университета Первые выпуски специалистов со знанием китайского языка были немногочисленны, а выпускники частично продолжили образование в научных и образовательных центрах РФ и КНР, частично сменили квалификацию.

В 1992 г. в составе Бурятского филиала Новосибирского государственного университета был создан гуманитарный факультет, который начал подготовку специалистов в области китаеведения и монголоведения. Исследователи указывают: «Для историков и филологов было введено преподавание монгольского и китайского языков... китайский язык преподавал иностранный носитель китайского языка Батмунх» [78, с. 221]. С весны 1993 г. китайский язык начал преподавать выпускник МГУ 1975 г. Л.Е. Янгутов.

В 1990-х гг. шло активное развитие китаеведческого образования в восточных регионах России. Сибирские китаеведы пишут: «В 1995 г. на Гуманитарном факультете при кафедре археологии и этнографии открылась специализация «История и культура стран Дальнего Востока» специальности «История», после чего набор студентов, изучающих китайский язык в качестве первого иностранного, стал ежегодным. Первыми преподавателями китайского языка стали доц. С.А. Комиссаров, доц. С.В. Алкин, ст. преп. Е.Э. Войтишек. В 1999 г. образована кафедра востоковедения (первый заведующий – к. филол. н., доц. В.И. Ожогин). Кафедре востоковедения была передана специализация «История и культуры стран Дальнего Востока» (подготовка китаистов, японистов и корейцев)»⁸. В 1996 г. был создан Бурятский государственный университет, и в нем был образован Восточный факультет. В 1999 г. началось

⁷[https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/fe0/КЯ%20в%20ОмГПУ%20\(Омск\).pdf](https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/fe0/КЯ%20в%20ОмГПУ%20(Омск).pdf)

⁸[https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/d8b/КЯ%20в%20НГУ%20\(Новосибирск\).pdf](https://www.nsu.ru/upload/medialibrary/d8b/КЯ%20в%20НГУ%20(Новосибирск).pdf)

обучение китайскому языку как второму иностранному языку на историческом факультете в Алтайском государственном университете, по специальности «международные отношения». И уже в 2000 г. была создана кафедра востоковедения под руководством известного китайста В.А. Моисеева.

В бурные 1990-е гг. процесс создания и развития китаеведческого образования в восточных регионах России еще не охватил все крупные города и университеты. Он продолжился в 2000-е гг., когда китаеведение стало почти повсеместным явлением в системе образования, было введено преподавание китайского языка в Тувинском, Хакасском, Кемеровском, Горно-Алтайском и других университетах востока России. Тем не менее, именно в 1990-е годы, впервые в истории России, в Сибири и на Дальнем Востоке появилась широкая сеть и развитая система китаеведческого образования. Это, в свою очередь, во многом определило устойчивое и стабильное развитие русско-китайских отношений.

4. Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991-2017. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 280 с.
5. Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX – XXI вв. Т. 4. / отв. ред. В.Ц. Головачев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2020. – 488 с.
6. Се Фэнлин. Преподаватели-китаисты Дальневосточного университета: 1960-1970-е гг. // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 84-88.
7. Се Ф., Еланцева О.П. Распространение китаеведения в вузах Российского Дальнего Востока во второй половине XX – начале XXI вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том. 12. № 3. С. 49-65.
8. Университет Байкальской Азии: статьи, очерки, воспоминания. – Изд-во «Оттиск», 2020. – 416 с.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Дацышен В.Г. А.Ф. Никитин – Основатель читинского китаеведения // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур /Материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2016. С. 4-19.
2. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945-2012. 2-е изд. / под. Ред. Н.В. Гордеева. – Чита: Экспресс-издательство, 2015. – 360 с.
3. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. История и современность: 1938-2008. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 254 с.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladimir G. Datsyshen,

Doctor of Historical Sciences, Professor

Siberian Federal University, Department of World History, Chair;

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Professor
dazishen@mail.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

88-Я БРИГАДА И СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЕДИНСТВО ЦЕЛЕЙ И ОБЩАЯ ПОБЕДА

88TH BRIGADE AND SOVIET-CHINESE INTERACTION: UNITY OF GOALS AND JOINT VICTORY

Верченко Алла Леонидовна

Старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая

Института Дальнего Востока РАН

veailan@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые стороны советско-китайского взаимодействия в процессе подготовки на территории Советского Союза 88-й интернациональной советско-китайско-корейской бригады (1942-45 гг.). Она стала частью советской Красной армии. Специально для бригады были разработаны учебные программы боевой, теоретической, политической, физической подготовки. За три года бригада поднялась до уровня высоко боеспособного воинского подразделения, способного действовать вместе с советской армией для достижения общей цели – разгрома Квантунской армии и ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Военнослужащие бригады оказали неоценимую помощь при подготовке и проведении Маньчжурской наступательной операции советской Красной армии.

Находясь в Советском Союзе, бригада сохранила свои национальные черты, например, партийную и комсомольскую организации при признании временного руководства со стороны советских коммунистов в условиях отсутствия связи с ЦК КПК и делегацией КПК в Коминтерне. В процессе обучения удалось преодолеть немало мелких трудностей: языковая про-

ABSTRACT

The article discusses some of the aspects of the Soviet-Chinese interaction in the process of training the 88th International Soviet-Chinese-Korean brigade (1942-45) on the territory of the Soviet Union. It became a unit of the Soviet Red army. The brigade underwent specially developed programs for combat, theoretical, political, and physical training. During three years, the brigade rose to the level of a highly efficient military unit, capable of working together with the Soviet regular army to achieve the common goal – the defeat the Kwantung army and the elimination of the hotbed of war in the Far East. The brigade provided invaluable assistance in preparation and conduct for the Manchurian strategic offensive operation of the Soviet Red army.

Staying in the Soviet Union, the brigade retained its national features, for example, the Party and Komsomol organizations. It recognized interim leadership of the Soviet Communists in the absence of communication with the CPC Central Committee and the CPC delegation in Comintern. In the course of training, many small difficulties were overcome: the language barrier, a difference in socio-cultural habits, a low educational level and even an illiteracy among the partisans. The author claims that the

блема, низкий образовательный уровень и даже неграмотность партизан, различия в социально-культурных привычках. Автор утверждает, что решение принять на советской территории партизан из состава Дунбэйской антияпонской армии было единственно возможным способом спасти личный состав, многих выдающихся китайских и корейских партизан. Полученные в СССР знания и умения помогли военнослужащим 88-й бригады не только успешно участвовать в изгнании японских агрессоров, но и в боях против гоминьдановской армии во время гражданской войны. Советская школа стала хорошей стартовой площадкой для многих бывших партизан: после образования КНР они заняли важные посты в государственных органах, в армии, в общественных организациях, принесли большую пользу стране в восстановлении народного хозяйства.

Ключевые слова и фразы: СССР, Китай, история, 88-я бригада, КПК.

Для цитирования: Верченко А.Л. 88-я бригада и советско-китайское взаимодействие: единство целей и общая победа. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(5): 62-75

ВВЕДЕНИЕ

В истории советско-китайских отношений много событий и явлений, которые можно назвать уникальными. Одно из таковых – 88-я интернациональная советско-китайско-корейская бригада. Она была сформирована в 1942 г. на территории СССР и подготовлена как боевое подразделение советской Красной армии. Ее задача состояла в том, чтобы принять участие в Маньчжурской наступательной операции по освобождению Северо-Востока Китая в 1945 г. Бригада явила собой пример сотрудничества стран антифашистского альянса на Дальнем

decision to accept a big part of the anti-Japanese army on the Soviet territory was the only possible way to save the personnel, many prominent Chinese and Korean partisans. The knowledge and skills gained in the USSR helped the soldiers of the 88th brigade not only successfully participate in the expulsion of the Japanese aggressors, but also in battles against the Kuomintang army during the civil war. The Soviet school became a good launching pad for former partisans: after the formation of the PRC many of them occupied important posts in government institutions, in the army, in public organizations, and brought great benefits to the country in rebuilding the national economy.

Keywords and phrases: USSR, China, history, 88th brigade, CPC.

For citation: Verchenko A.L. 88th brigade and Soviet-Chinese Interaction: Unity of Purposes and Common Victory. *Modern oriental studies.* 2020; 2(5): 62-75

Востоке, в котором во всей полноте проявились общие интересы трех стран региона, направленные на ликвидацию очага агрессии и экспансионизма. Автор не ставил перед собой задачу систематического изложения истории бригады и ее взаимоотношений с Дальневосточным военным округом (ДВФ), а предполагал осветить лишь мало известные в российской науке факты и события.

Само по себе формирование воинских подразделений из представителей разных национальностей не представляет ничего нового. Подобные части хорошо известны

в истории, в том числе в истории советско-китайских отношений.

В рамках данной статьи рассмотрим некоторые особенности 88-й бригады, с которыми пришлось столкнуться и которые командование Дальневосточного фронта учитывало в работе. Если в период гражданской войны в Советской России китайцы воевали и за «белых», и за «красных», не всегда понимая идеологическую подоплеку борьбы, то перешедшие на территорию СССР в 1940-е гг. и ставшие частью Красной армии китайские партизаны имели четко обозначенные цели: борьба с японскими агрессорами до полной победы, восстановление целостности и суверенитета своей страны. В этот период Советский Союз во избежание войны на два фронта предпринимал меры по сдерживанию действий Квантунской армии на северном направлении. Антияпонская борьба была общей целью объединения в бригаде советских, китайских и корейских военнослужащих, сложившегося на общей идеологической платформе. Оказавшись в силу объективных обстоятельств в чужом государстве, китайские партизаны в течение трех лет получали военное образование, перенимали боевой и теоретический опыт советской армии, готовили себя к решающим боям за свободу своей родины.

Прежде чем перейти на территорию СССР китайские и корейские партизаны прошли одиннадцатилетний путь тяжелых испытаний и сопротивления японской оккупации, начавшийся на Северо-Востоке Китая¹. Эта борьба стала частью общенациональной ан-

тияпонской войны. После 18 сентября 1931 г.² японская военщина в течение трех месяцев установила на захваченной территории свои жесткие порядки в политической, экономической и общественной жизни. Их цель состояла в японизации региона и превращении его в сырьевой придаток Японии, создании плацдарма для дальнейшего захвата территории Китая и выполнения своих далеко идущих планов завоевания всей Восточной Азии. С другой стороны, постоянные провокации, устраиваемые Квантунской армией и марионеточными силами Маньчжоу-го, подошедшими вплотную к границам СССР и МНР, создали угрозу распространения агрессии на эти страны. Захват дальневосточных территорий СССР рассматривался в планах правящих кругов Японии как главное условие установления японского владычества над всей Азией. Советские вооруженные силы на Дальнем Востоке вынуждены были находиться в состоянии повышенной боевой готовности, даже дать вооруженный ответ агрессорам у озера Хасан в 1938 г. и на Халхин-голе в 1939 г.

С самого начала конфликта, возникшего на региональном уровне, он воспринимался в Советском Союзе как серьезная угроза не только Китаю, но и своей собственной независимости и мирной жизни населения. Таким образом, противодействие и сдерживание агрессивных устремлений Японии стали общей целью Советского Союза и населения Маньчжурии. О совместных действиях с официальными властями Китайской Республики в то время говорить не приходилось, учитывая, во-первых,

¹К региону в равной мере применимы названия Дунбэй, Маньчжурия, Северо-Восток Китая (СВК).

²«Мукденский инцидент»: 18 сентября 1931 г. японские войска организовали провокацию на окраине Мукдена (в н. вр. Шэньян), обвинили китайскую армию в нападении и под этим предлогом развернули боевые действия по оккупации Северо-Востока Китая.

их политику непризнания и непротivления агрессии, во-вторых, отсутствие дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, разорванных после конфликта на КВЖД в 1929 г.

Традиционная непримиримость к японцам в Маньчжурии, усилившаяся жестокостью и насильственным внедрением новых порядков после «Мукденского инцидента», быстро приняла форму открытого народного сопротивления. В этом движении приняли участие стихийно создававшиеся добровольческие отряды, отряды самообороны, подпольные группы, партизанские отряды, в которые шли представители самых широких слоев населения, в том числе часть военнослужащих регулярной армии Чжан Сюэяна, отказавшихся выполнить приказ гомиьндановского Нанкина не оказывать активного сопротивления Квантунской армии.

Однако на первых порах партизанское движение не отличалось должной организованностью, вооружением, дисциплиной, боевой подготовкой. У него не было общего руководства, которое могло бы координировать действия. Командиры многих отрядов не были знакомы с особенностями ведения партизанской войны. Благодаря усилиям коммунистов Маньчжурии, работавших под руководством ЦК КПК (тогда располагавшегося в Шанхае) и местных партийных комитетов, разрозненные партизанские отряды начали объединяться и укрупняться. В середине 1933 г. во исполнение решения ЦК КПК была создана Дунбэйская народно-революционная армия (ДНРА). Во главе армии стояли коммунисты Ян Цзинъюй, Фэн Чжунь-

юнь и Чжоу Баочжун (будущий командир 88-й бригады) – было положено начало образованию единого антияпонского фронта, который стал реальной силой в борьбе населения Северо-Востока против агрессора. В январе 1936 г. под эгидой Маньчжурского комитета КПК состоялся съезд представителей всех партизанских отрядов и патриотических организаций, который принял решение о переименовании ДНРА в Дунбэйскую объединенную армию сопротивления Японии (ДОАСЯ). Первым главкомом стал известный партизанский командир Ян Цзинъюй³ (1905-1940), его заместителем – вскоре погибший Ван Дэтай (1930-1936), политкомиссаром – Вэй Чжэнминь (1909-1941) [3]. В 1937 г. в армии было около 30 тыс. чел. [4, с.64]. В семи из 11 корпусов командовали коммунисты, в остальных – беспартийные. С созданием ДОАСЯ была завершена организация широкого единого антияпонского фронта во главе с коммунистами. Тем самым была выполнена директива руководства КПК и Коммунистического Интернационала по объединению на патриотической антияпонской платформе по принципу снизу доверху всех сил, которые можно было объединить. Уместно напомнить, что период единого фронта коммунисты сняли лозунг борьбы против Гомиьндана, но не против Чан Кайши и Ван Цзинвэя как его руководителей.

Советский Союз начал оказывать помощь партизанскому движению практически сразу после начала японской агрессии, несмотря на напряженность в советско-китайских отношениях после конфликта на КВЖД и отсутствия официальных межгосударственных отношений.

³В 1929 г. ЦК КПК направлял Ян Цзинъюя (настоящее имя Ма Шандэ) на учебу в Москву, но из-за нехватки партийных кадров оставил в Дунбэе.

Первоначально эта поддержка состояла в разрешении партизанам, членам их семей, другим китайским гражданам пересекать границу и находиться на советской территории, где они в самые сложные моменты могли скрыться от «карательных походов», отдохнуть, получить медицинскую помощь. Советские администрации отвергали все требования китайских властей выдавать партизан, по существу действуя вразрез с политикой нанкинского правительства оказывать пассивное сопротивление японцам. В середине 1930-х гг. командование советского Дальневосточного фронта (ДВФ) определило места, ставшие позже учебно-тренировочными лагерями для китайских партизан: в Хабаровском крае (лагерь «А» севернее Хабаровска) и в Приморском крае (лагерь «Б» южнее Ворошилов-Уссурийска). Большинство партизан возвращались в Китай для продолжения борьбы, часть гражданских лиц оставалась в СССР. На основании приказа народного комиссара обороны К.Е. Ворошилова и народного комиссара внутренних дел Л. П. Берия «Об оказании помощи китайскому партизанскому движению в Маньчжурии» (1939) военные советы Дальневосточного округа получили право оказывать партизанам не только практиковавшуюся ранее гуманитарную помощь (продовольствием, медикаментами), но и военную: оружием и боеприпасами иностранного происхождения или в обезличенном виде[9]. В эти годы многие партизанские командиры уводили остатки своих отрядов на советскую территорию, чтобы спасти личный состав, пополнить запасы, в частности, получить оружие для продолжения борьбы. В 1937-38 гг. на Северо-Востоке наблюдался подъем партизанского движения, который объ-

ясняется мобилизацией сил народа в ответ на развязывание Японией широкомасштабной войны после «событий 7 июля» у моста Лу-гоуцяо. Однако его победы были временными. Зимой 1939-40 гг. для ДООСЯ наступил самый тяжелый период: под интенсивными ударами постоянно наращивавшей численный состав и вооружение японской армии партизаны несли тяжелые потери. В некоторых отрядах потери составляли 80-90% личного состава. Численность ДООСЯ вместе с другими воевавшими в Дунбэе антияпонскими силами, составляла всего 1 тыс. чел., партизаны были оттеснены в районы северного Хэйлунцзяна и китайско-корейской границы. Армия потеряла возможность вести активные боевые действия, избегала прямых столкновений с противником, наносила удары только по слабым местам врага в основном с целью пополнения запасов продовольствия и боеприпасов. Многие ключевые партизанские командиры погибли, между отдельными отрядами наметились расхождения в вопросах стратегии. В 1932-42 гг. было убито 869 командиров, в том числе 459 известных лиц [11, с. 214]. Китайские командиры оценивали ситуацию как поражение партизанского движения. [7, л. 18]. В условиях потери дунбэйскими партизанами связи с ЦК КПК и делегацией КПК в Коминтерне, отсутствия единого партийного руководства в армии содалась угроза самому существованию ДООСЯ. В конце 1939 г. руководство армии решило обратиться за помощью к СССР, для чего в Хабаровск была направлена делегация с целью проведения консультаций с представителями командования Дальневосточного фронта. В начале 1940 г. состоялось двустороннее совещание

для обсуждения положения в партизанском движении и вопросов советско-китайского военного взаимодействия в случае нападения Японии или провокаций на границе с Маньчжурией. Китайские партизаны согласились временно принять руководство партийных и военных органов ДВФ, образовать единый партийный орган для организаций Маньчжурии, провести переформирование армейских частей. Китайские командиры обратились к СССР с просьбой оказать содействие в установлении прерванных в 1934 г. связей с ЦК КПК, чтобы через него передать просьбу правительству Китая включить ДОАСЯ в состав национальной армии для борьбы с агрессором. 19 марта 1940 г. было подписано соглашение об условиях предоставления советской помощи [4, с. 242]. Советская сторона обеспечивала партизанам материально-техническую базу: лагерь для проживания и обучения, оружие, продовольствие, обмундирование. Второе Харбинское совещание (дек. 1940 – март 1941 гг.) некоторые китайские историки называют «партийной конференцией» и сравнивают его по значению с совещанием в Цзуньи [3].

Действительно, совещание сыграло важную роль в истории компартии и антияпонской войны. На нем был достигнут консенсус между всеми партийными организациями Маньчжурии, которые одобрили решения первого Хабаровского совещания, направленные на сохранение кадров, накопление сил и продолжение длительной антияпонской борьбы. Ставший в июне 1940 г. командующим армий Чжоу Баочжун подтвердил на совещании линию на единый антияпонский фронт, продолжение войны сопротивления, координацию действий

партизан с советской армией. Китайские командиры были убеждены, что решающее наступление начнется именно в Дунбэе, поэтому они считали своими важнейшими задачами подготовку с помощью Советского Союза квалифицированных военных кадров, укрепление политического и боевого сплочения армии [7, л. 11, 43]. Активно устанавливались каналы связи между командованием ДВФ и партизанами в Маньчжурии, были намечены мероприятия по переформированию армейских подразделений, повышению боеспособности отрядов. Таким образом, еще до обоснования на нашей территории советское военное командование на Дальнем Востоке начало оказывать помощь ДОАСЯ, предпринимало меры по укреплению партизанского движения, принимало на советской территории партизан, помогало им переправляться обратно в Маньчжурию для продолжения борьбы.

В это же время была достигнута договоренность о перемещении на территорию Советского Союза прошедших переподготовку в Китае военнослужащих из состава ДОАСЯ с целью подготовки их как костяка будущего решающего наступления. В Маньчжурии оставались силы, которые продолжали в подполье борьбу вплоть до победы в 1945 г. Это было основанное на реальной обстановке на Северо-Востоке совместное стратегическое решение, учитывавшее интересы обеих сторон. Партизаны использовали эту возможность, чтобы сохранить и укрепить свои силы. Советское военное командование получало от китайцев, которые совершали вылазки в Дунбэй, разведанные о стратегических объектах и передвижениях японской армии. Во время встречи Мао Цзэдуна с Чжоу Баочжуном в мае 1949 г. лидер КПК

назвал «обоснованным» решение руководства ДООАСЯ в самый трудный период передислоцироваться на территорию СССР, чтобы сберечь силы, а Чжоу Баочжуна охарактеризовал как «национального героя». Он признал, что объединенная армия была неотъемлемой частью Народно-освободительной армии Китая в войне сопротивления Японии [5].

На основании приказа Наркомата обороны от 30 июля 1942 г. 88-я стрелковая бригада (в/ч 8461) вошла в состав ДВФ и подчинялась непосредственно разведывательному отделу Военного Совета ДВФ. Командиром бригады приказом командующего ДВФ с присвоением звания «майор» был назначен Чжоу Баочжун [11, с. 45]⁴. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди военнослужащих бригады, установил отношения взаимопонимания с советскими офицерами, постоянно поддерживал контакт с заместителем начальника штаба ДВФ генерал-майором Н.С. Соркиным. Советское командование предоставляло ему имевшуюся в штабе информацию о положении в Китае, помогало поддерживать связь с партизанами в Дунбэе, обеспечивало советской военной и учебной литературой, прессой, знакомило с положением на фронтах Великой отечественной войны, с административной деятельностью органов советской власти и др. Китайские командиры пытались через командование ДВФ организовать встречу с представителями делегации КПК в Коминтерне. Однако такую встречу провести не удалось, скорее всего, из-за военного положения в стране.

Размещением и обучением на своей территории китайских и корейских партизан (китайцы составляли абсолютное большинство) Советский Союз оказал существенную помощь попавшим в крайне тяжелое положение патриотам, проявил интернациональный долг, внес вклад в укрепление дружеских отношений с китайским и корейским народами. По словам Ким Ир Сена, в процессе борьбы укрепилась интернациональная сплоченность между советским, корейским и китайским народами [11, с. 242].

Бригада была укомплектована из перешедших на советскую территорию частей ДООАСЯ, китайских партизан, оказавшихся ранее на территории СССР, а также представителей советских китайцев, корейцев, нанайцев, эвенков и других народов советского Севера и Дальнего Востока, призванных на срочную службу. По разным источникам, ее численность в конце 1942 г. оставляла от 800 до 2 тыс. чел. [4, с. 200]

Местом дислокации бригады стало село Вятское в Хабаровском крае. Над разработкой структуры и состава бригады, программ занятий по боевой теоретической, политической, физической подготовке работали несколько групп советских офицеров под общим руководством Н.С. Соркина [4, с. 99]. Все вопросы согласовывались с Чжоу Баочжуном и его заместителем Ли Чжаолинем, в СССР изменившим имя на Чжан Шоуцзяня. При утверждении организационного состава бригады было решено командирами батальонов назначать китайцев (единственный корейский батальон возглавил кореец Ким Ир Сен). Заместителями, как правило, были советские офицеры. Сложности возникли при назна-

⁴Китайский исследователь Шэнь Чжихуа утверждает, что советское командование настаивало на офицере Красной армии, но после длительных переговоров согласилось на кандидатуру Чжоу Баочжуна.

чении младших командиров. Имевшие богатый военный опыт многие партизаны, пришедшие в основном из деревень, были мало образованы или неграмотны, не знали русского языка, а из советских офицеров китайским языком владели единицы. Среди заместителей командиров батальонов и рот было немало корейцев. Возникла проблема коммуникации. Ликвидация неграмотности была одной из первостепенных задач в бригаде, от выполнения которой зависел успех учебного процесса. Помогали китайские офицеры и их жены. Например, занятия по китайскому языку вела жена Чжоу Баочжуна. Командование вскоре решило языковую проблему с помощью призванных в армию советских китайцев и корейцев.

Все партизаны получили советские воинские звания, соответствующую форму и знаки различия, довольствие по нормам Красной армии. Отличительной чертой бригады, жившей по уставу РКА, было наличие в ней организаций КПК и комсомола. Чжоу Баочжун оговорил это условие заранее, при планировании формирования бригады, т.к. считал идейно-политическое влияние КПК важнейшей частью армейской работы. Женскую ячейку парторганизации возглавляла кореянка Ли Минь⁵. В июле 1941 г. ЦК КПК в Яньани принял постановление «Об усилении роли партии», которое дунбэйские коммунисты обсуждали на общем собрании уже в Вятском. Постановление было признано основным документом, определяющим направления работы по укреплению партийных рядов и проведению кампании по исправлению стиля [5, с. 38]. Чжоу Баочжун и Ли Чжаолин опубликовали статью, в которой от-

мечали, что дунбэйские коммунисты не могут оставаться в стороне от общенациональной борьбы против японских захватчиков, к полной победе в которой может привести лишь партия, которая должна стать еще больше большевистской благодаря укреплению в идеологическом, политическом и организационном отношениях. Партийное руководство бригады подчеркивало, что в период войны больше чем в любое другое время важно доверие к партии, выполнение ее решений. Тем не менее, военнослужащие изучали «Краткий курс истории ВКП(б)» и, несомненно испытывали влияние советской идеологии и ее интернациональной составляющей. Политико-воспитательную работу в бригаде курировал Ли Шоуцзянь, работавший в контакте с советскими коммунистами. Представляет интерес мнение Чжоу Баочжуна о Ли Чжаолине: он «был воспитан в духе беззаветной преданности Советскому Союзу, делу национально-освободительной борьбы китайского народа за свободу и независимость, в духе правильного понимания ленинско-сталинской национальной политики, в духе дружбы народов Китая и СССР»[1]. Такими были большинство военнослужащих из бригады. Интернационализм и дружеское отношение к СССР Ли Чжаолин и другие китайские коммунисты продемонстрировали после победы над Японией, заняв ряд важных постов в руководстве в Дунбэе. Ли Чжаолин к тому же был председателем Общества китайско-советской дружбы в Харбине.

В бригаде удавалось поддерживать баланс интересов, китайские и советские командиры находили общий язык, прислушивались к замечаниям и мнениям китайских командиров.

⁵В СССР она закончила курсы медсестер, получила специальность радистки.

Так, по их просьбе начальник штаба бригады В.А. Самарченко (Василий, китайское имя Ван Синьлинь) был заменен Т.Н. Ширинским, который прослужил в этой должности до расформирования бригады.

Еще одной отличительной чертой 88-й бригады было то, что в ней наравне с мужчинами служили женщины, вчерашние партизанки. Многие проходили боевую подготовку наравне с мужчинами и даже показывали им пример. Женщины также работали в медпункте, столовой, прачечной, клубе, мастерских по ремонту и пошиву одежды, обуви и др. В бригаде были семейные пары. Семейные отношения регулировало принятое еще в 1935 г. «Положение о браке в Дунбэйской объединенной антияпонской армии», в соответствии с которым брак заключался и расторгался с одобрения командования по просьбе обеих сторон, «если не было военных или политических препятствий». За измены (как жены, так и мужа) грозили строгое предупреждение, изгнание из партизанского отряда и даже смертный приговор. Это был прогрессивный по своему содержанию документ, фиксирующий равенство супругов, отвергавший институт наложниц, существовавший в старом Китае. Однако в положении не было ограничений по возрасту для вступающих в брак [10, с. 45.]. В мае 1942 г. в Вятском на общем собрании членов партии было принято «Предварительное положение о браке», один экземпляр которого передали для ознакомления начальнику штаба бригады. Любовь оказалась под запретом. Были случаи, когда командование и партком отказывали в разрешении на брак даже офицерам. Полковник М.Т. Анкудинов из штаба ДВФ отмечал, что партия из-

лишне контролировала вопросы брака в военное время, но советское командование не вмешивалось во внутренние дела КПК. В целом партия не приветствовала вступление в брак в период войны, однако допускала его для высших офицеров, если у них за плечами был долгий путь войны, они имели заслуги перед партией и были старше 30 лет, и признавала браки, заключенные до войны.

В 88-й бригаде было несколько семейных пар. Жена Чжоу Баочжуна Ван Ичжи имела воинское звание «мл. лейтенант», была секретарем штаба и командира бригады, преподавала китайский язык, подтягивала малограмотных бойцов по теоретическим дисциплинам, вместе с женой Ли Чжаолиня Цзинь Бовэнь осваивала специальность радистки и связистки. В семьях самых известных командиров бригады в СССР родились дети: дочь Чжоу Баочжуна Чжоу Вэй (до 4 лет воспитывалась в Интернациональном детдоме под Москвой и говорила только по-русски), сын Ким Ир Сена Ким Чэн Ир, сын и дочь Ли Чжаолиня, названные в честь героев Советского Союза Александра и Зои Космодемьянских. Традиция гендерного равенства сохранилась со времен Великого похода Красной армии, когда женщины, не получая никаких поблажек, переносили все тяготы наравне с мужчинами, преодолевали трудности, возникавшие в походной жизни. Представляется уместным отметить, что после освобождения многие бывшие партизанки благодаря боевой закалке, соединенной с полученной в СССР подготовкой, достигли высоких постов в органах государственной власти и общественных организациях.

Бригада готовилась как разведывательно-диверсионное подразделение, осваивая общие

и специальные дисциплины. Командиры и бойцы видели свою главную задачу в получении современных военных знаний, что они делали с присущими нации настойчивостью и упорством. Они ответственно подходили к занятиям, использовали свободное время для самостоятельной учебы, самоотверженно постигали военное искусство, чтобы применить его в будущем в действиях против японцев. За все время не было ни одного отчисления. Убытия из бригады происходили только по причине направления на боевое задание, связанное со сбором информации или установлением связей с отрядами на Северо-Востоке. Как правило, бойцы также несли с собой дополнительное вооружение, чтобы передать его находившимся в Маньчжурию партизанам. Возвращались в бригаду далеко не все: погибали в засадах, выдавались предателями и в силу иных неодолимых причин.

В программу подготовки личного состава входили политическая, огневая, тактическая, физическая подготовка, изучение Устава РККА, особенностей ведения партизанской войны. Особое внимание уделялось специальным навыкам, необходимым разведчикам: маскировка, умение ориентироваться на местности, сбор разведанных, военная топография, взрывотехника, радиодело, прыжки с парашютом, хождение на лыжах, скалолазание, плавание и др. На занятиях изучали состав, вооружение, дислокацию, стратегию и тактику Квантунской армии, к решающему сражению с которой готовили бригаду. Занятия вели советские офицеры и китайские командиры, в том числе Чжоу Баочжун, Ли Чжаолин. Они лучше знали условия своего региона и понимали, какие знания и навыки нужны больше всего. Еще во время

учебы в Коммунистическом университете трудящихся Китая (1929-31 гг.) Чжоу Баочжун отстаивал важность прагматичного подхода к учебе, получения знаний, которые можно использовать в китайской практике. Накануне Маньчжурской операции в бригаде ввели занятия по административно-хозяйственной деятельности. Еще не закончилась война, а в Советском Союзе думали о том, как помочь китайцам, на 14 лет вырванным из мирной жизни, приобрести гражданские специальности для того, чтобы строить новый Китай.

К 1945 г. военнослужащие бригады получили всестороннюю подготовку и были готовы к ведению боевых действий в тылу Квантунской армии. 80 человек были переведены в воинские части 1-го и 2-го ДВФ. На 9 августа 1945 г. в бригаде числилось 443 чел. [4, с. 200]. В силу договоренностей, связывавших Советский Союз с нанкинским правительством, советская армия не могла включить бригаду целиком в состав группировки Маньчжурской операции. Однако китайские бойцы и командиры оказали неоценимую помощь при подготовке операции. Около 400 человек участвовали в наступлении советской армии в качестве разведчиков, проводников, переводчиков [8, с. 19]. В июле в стратегически важные пункты Северо-Востока были заброшены десантные группы. На основе переданных ими актуальных сведений были скорректированы планы нанесения основных ударов советской армии. В занятых войсками Красной армии пунктах эти люди помогали выявлять шпионов, диверсантов, предателей. В 57 городах и уездах Дунбэя бывшие партизаны служили в советских комендатурах, помогали очищать территории от врагов,

участвовали в образовании демократических органов власти. 88-я бригада оказала бесценную помощь советской Красной армии в победе над общим врагом – японским милитаризмом, внесла важный вклад в победу во Второй мировой войне.

Советская армия помогла военнослужащим 88-й бригады вернуться на родину, оказала помощь в передаче коммунистам ряда освобожденных территорий, многие из которых стали опорными революционными базами, где формировались первые органы демократической власти. Представители советского командования вопреки обязательству сотрудничать только с назначенцами нанкинского правительства всячески неофициально помогали коммунистам: передавали им трофейное японское оружие и боеприпасы, предоставляли транспорт для перевозок их на опорные базы, делились сведения о гоминьдановцах и др. Приобретенные в СССР военные навыки помогли китайцам после возвращения в Маньчжурию успешно участвовать в завершении ликвидации остатков Квантунской армии, диверсионных и разведывательных групп противника. Военнослужащие бригады помогали советской армии обеспечивать безопасность мирного населения в Маньчжурии и Северной Корее. Фактически СССР не только сохранил жизни многим выдающимся китайским и корейским партизанам, но и обеспечил в нелегкое для нашей страны время военно-политическую подготовку более 1 тыс. китайских и свыше 100 корейских партизан [4, с. 245.]

Победу, зафиксированную 2 сентября 1945 г., в которую немалый вклад внесли партизаны, другие добровольческие отряды, бой-

цы 88-й бригады, в Китае принято называть победой в антияпонской войне, или войне сопротивления Японии. Победа во Второй мировой войне обычно следует второй строкой. Представляется, что победа над главным и конкретным вековым врагом – Японией имела большее моральное воздействие на народ, чем победа над антигитлеровской коалицией. Китай впервые в своей истории одержал полную и безоговорочную победу над агрессором, который в течение многих лет эксплуатировал природные богатства Китая, относился к его народам как к людям низшего сорта, покушался на независимость, суверенитет и территориальную целостность Китая. Так или иначе, это была общая победа многонационального антифашистского и антимилиитаристского блока против агрессии и экспансии, победа народов стран-соседей, которые приложили колоссальные усилия для ее достижения.

В 1945-46 гг. многие офицеры 88-й бригады работали в советских военных комендатурах, временных органах власти, полицейских управлениях, на радиостанциях, в общественных организациях, в тесном контакте с населением помогали достижению нормализации жизни. В период гражданской войны с Гоминьданом военнослужащие 88-й бригады составили костяк сформированной в Дунбэ Демократической армии (позже Объединенная демократическая армия, 4-я полевая армия), успешно применяли полученные в СССР навыки, внесли большой вклад в победу. Советская школа стала для многих хорошей стартовой площадкой для будущей политической, военной, общественной карьеры. После образования КНР Чжоу Баочжун стал первым губерна-

тором провинции Цзилинь; Ли Минь – заместителем председателя комитета НПКСК провинции Хэйлунцзян, Чэнь Лэй – руководителем Новодемократического союза молодежи, федерации профсоюзов в Хэйлунцзяне. Ван Мингуй, Ван Сяомин, Пэн Шилу дослужились до звания генерал-майора, Лю Ялоу в звании генерала стал первым командующим ВВС КНР. Фэн Чжунъюнь в 1946 г. возглавил правительство Хэйлунцзяна и одновременно был назначен ректором Харбинского политехнического института, готовил кадры для народной республики. Жена Чжоу Баочжуна Ван Чжию возглавила Юньнаньскую ассоциацию женщин. Кореец Со Чхоль (кит. имя Сюй Чжэ) в 1953 г. был назначен послом КНДР в КНР. На высоких постах и на рядовых должностях бывшие военнослужащие бригады работали на добрососедские отношения между народами, распространяли правдивую информацию об СССР. В 1950-е гг. многие вместе с советскими специалистами восстанавливали народное хозяйство, закладывали основы индустриализации. Эти люди остались друзьями Советского Союза. Каждый на своем посту помогал установлению взаимопонимания, укреплению дружбы, основы которой были заложены в трудное военное время. Своим конкретным делом они вносили вклад в созидание мирной жизни, что на новом историческом этапе стало общей целью для СССР и Китая.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования, в котором в научный оборот введены некоторые новые архивные документы и не использовавшаяся ранее в русскоязычных публикациях литература на китайском языке, могут быть полезны

преподавателям и студентами высшей школы, публике, интересующейся историей Китая, советско-китайских отношений и военного советско-китайского взаимодействия.

ВЫВОДЫ

Решение о приеме на советской территории части оказавшейся в крайне тяжелом положении Дунбэйской объединенной антияпонской армии было важно для достижения общих целей народов СССР и Китая по ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Советский Союз сохранил личный состав ДОАСЯ, способствовал боевому укреплению бывших партизанских отрядов и установлению партийного единства организаций Маньчжурии, что сыграло положительную роль в антияпонской борьбе, в достижении окончательной победы над Японией. За три года партизаны стали боеспособной частью советской Красной армии, готовой выполнить любое боевое задание, получили важный опыт для выполнения общей задачи – разгрома Японии. Благодаря полученной в Вятском военно-политической подготовке военнослужащие 88-й бригады успешно выполнили задания в период Маньчжурской операции, показали себя с лучшей стороны в период гражданской войны с Гоминьданом, а также после образования КНР в процессе строительства Нового Китая. Боевое братство нашло продолжение в сотрудничестве в мирной жизни, направленном на улучшение жизни народов России и Китая, ставшее общей задачей наших стран на нынешнем историческом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докладная записка Чжоу Баочжуна на имя Главкома ВС Маршала Советского Союза Василевского. 24 августа 1945 г. URL: gruzdov.livejournal.com/649558.html (обращение 20.01.2019).
2. Дунбэй канлянь да ши цзи. 1936. [Важные события в истории Дунбэйской объединенной антияпонской армии.1936]. Электронный ресурс. URL: <http://news.12371.cn/2016/01/15/ART11452850655390897.shtml> (дата обращения: 20.11.2019). (На кит.яз).
3. Дунбэй канлянь лиши шан дэ цзуньи хуэйи – ши лунь боли хуэйи дэ лиши гунцзи [«Совещание в Цзуньи» в истории Дунбэйской антияпонской армии – к вопросу об историческом успехе Хабаровского совещания]. Электронный ресурс. URL: <http://www.duzazhi.com/html/21/737.html> (Дата обращения: 02.04.2020). (На кит.яз.).
4. Иванов В.И. В тылах Квантунской армии. Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М. :ИДВ РАН, 2009. 335 с.
5. Ли Чжэнцзюнь, Шан Цзиньчжоу. Яньань шици дэ дансин цзюэдин юй дунбэй канлянь цзюнь дэ цзяньшэ. [Яньаньское Постановление об усилении роли партии и строительство Дунбэйской антияпонской армии] // Данъань чуньцю. 2014. № 3. 38-39 с. (На кит. яз.).
6. Мао Цзэдун няньпу(1893—1949) [Мао Цзэдун: биография в хронологической последовательности (1893-1949)]. Электронный ресурс. URL: <https://wewread.qq.com/web/reader/e40322407168bb5ee400d2a> (обращение 10.03.2020). (На кит.яз.).
7. Российский государственный военный архив (РГВО). Ф. 34725. Оп.1. Д. 146. Л. 1-67.
8. Са Су. Дунбэй канжи лянцзюнь цзюодао люй: чань туди паньшэн дэ чжунго цзэнбао : [Учебная бригада Дунбэйской антияпонской объединенной армии: рожденные китайской землей гепарды] // Дан дэ шэнхо. 2015. № 10. С.18-21. (На кит. яз.).
9. Стародымов Н.А. Штрихи тысячелетия. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 09.03.2020).
10. Ши Ицзюнь. Дунбэй канлянь цзянши дэ айцин юй хуньинь [Любовь и брак командиров и бойцов Дунбэйской антияпонской армии] // Дан ши болань. 2015. № 2. 45-48, 54 с. (На кит. яз.).
11. ШэньЧжихуа . Цзуйхоу дэ тянь чао: мао цзэдун, цзинь жичэн юй чжун гуаньси. [Последние «Небесные династии»: Мао Цзэдун, Ким Ир Сен и китайско-корейские отношения. Сянган: Чжунвэнь дасюэ чубаньшэ, 2017. 797 с. (На кит. яз.).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Dokladnaya zapiska Chzhou Baozhunga na imya Glavkoma VS Marshala Sovetskogo Soyuza Vasilevskogo. 24 avgusta 1945 g. [Memorandum by Zhou Baozhong addressed to the Commander-in-Chief of Soviet forces of the USSR Marshal Vasilevsky]. August 24, 1945. URL: gruzdov.livejournal.com/649558.html (accessed: 20 January 2019).

2. Dongbei kanglian dashi ji. 1936 [Important events in the history of the Northeast Anti-Japanese army. 1936]. URL: <http://news.12371.cn/2016/01/15/ARTI1452850655390897.shtml>(accessed: 20 November 2019). (In Chinese).
3. Dongbei kanglian lishi shang de zunyi huiyi – shi lun boli huiyi de lishi gongji [Zunyi Conference in the history of the Northeast Anti-Japanese army – on the historical achievements of Boli conference]. URL: <http://www.duzazhi.com/html/21/737.html> (accessed: 2 April, 2020). (In Chinese).
4. Ivanov V.I. (2009. V tylakh Kvantunskoy armii. Pravda o 88-y kitaysko-koreyskoy brigade Dal'nevostochnogo fronta [Ivanov V.I. In the rear of the Kwantung Army. The truth about the 88th Sino-Korean brigade of the Far Eastern Front]. M.: IDV RAN (IFES RAS). 335 p. (In Russian).
5. Li Zhenjun, Shang Jinzhou. Yanan shiqi de dangxing jue ding yu dongbei kanglian jun dejianshe [Yan'an Decree on strengthening the role of the party and the construction of the Northeast Annti-Japanese Army] // Dan'an Chunqiu [Party's History Journal]. 2014. No. 3. 38-39 p. (In Chinese).
6. Mao Zedong nianpu (1893-1949) [Mao Zedong: Biography in Chronological Sequence (1893-1949)]. URL: <https://weread.qq.com/web/reader/e40322407168bb5ee400d2a> (accessed: 10 March, 2020). (In Chinese).
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv [Russian State Military Archive (RGVO-RSMA)]. F. 34725. Op.1. D. 146. L. 1-67 [Fund 34725, Inventory1, File 146: 1-67]. (In Russian).
8. Sa Su. Dongbei kangri lian jun jiaodao lv: chan tudi pansheng de zhongguo zengbao [Dongbei anti-Japanese United army training brigade: Chinese-born cheetahs], Dang de shenghuo [Party's life]. 2015. No. 10. P. 18-21. (In Chinese).
9. Starodimiv N. A. (2011). Shtrikhi tysyachetiy [The touches of the millennium]. URL: <https://books.google.ru> (accessed: 3 March, 2020). (In Russian).
10. Shi Yijun. Dongbei kanglian jiang shi de ai qing yu hunyin [Love and Marriage of the Northeast Anti-Union's officers and soldiers]. // Dang shi bolan [Party History Expo Journal]. 2015. No. 2. P. 45-48, 54. (In Chinese).
11. Shen Zhihua (2017). Zuihou de tian chao: Mao Zedong, Jin Richeng yu zhong chao guaxi [Last "Heavenly Dynasties": Mao Zedong, Ki Il Sung, and Sino-Korean Relations]. Xiang-gang: Zhongwen University publishing house. 797 p. (In Chinese).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Verchenko A.L., Senior Researcher

Center of Modern and Contemporary History of China

Institute of Far Eastern Studies RAS

117997, Moscow, Nakhimov Ave., 32.

Russia

E-mail: veailan@yahoo.com

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» И СРЕДНИЙ КОРИДОР ТУРЦИИ

CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE AND TURKEY'S MIDDLE CORRIDOR

Harutyunyan Aghavni Alexander

National Academy of Sciences of Republic of Armenia

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Благодаря своему идеальному географическому выгодному положению в качестве евразийской страны, расположенной на стратегическом перекрестке Европы, Азии, Кавказа и Ближнего Востока и охватывающей Черное и Средиземное моря, Турция имеет стратегическое преимущество в интересах Китая с точки зрения более легкого доступа к европейским рынкам и богатым ближневосточным и африканским природным ресурсам. Турция также является важным геополитическим и геостратегическим «мостом» в «Транс-каспийской коридорной линии» или «Среднем/Железном коридоре» для Нового Шелкового пути Китая, который играет важную роль в разработке новых логистических проектов для удовлетворения энергетических потребностей и обеспечения взаимодействия между Востоком и Западом с точки зрения сухопутного, морского и воздушного транспорта. Между тем, Турция нуждается в китайских инвестициях в строитель-

ABSTRACT

Due to its ideal geographical favorable position as a Eurasian country, located at the strategic crossroads of the Europe, Asia, the Caucasus and the Middle East (ME), and covering the Black and Mediterranean Seas, Turkey has strategic advantage for China's interest in terms of easier access to European markets and rich ME and African natural resources. Turkey is an important geopolitical and geostrategic "bridge" in the "Trans-Caspian Corridor Line" or "Middle / Iron Corridor" for the New Silk Road of China, which plays an important role in the development of new logistics projects to meet energy needs and ensuring interaction between East and West in terms of land, sea and air transport. Meanwhile, Turkey needs Chinese investments in the building of ports, airports, railways, tunnels, energy, machinery, telecommunications and other infrastructure-related areas.

Keywords and phrases: *China, One Belt, One Road, New Silk Road, Turkey, Middle Corridor.*

ство портов, аэропортов, железных дорог, туннелей, энергетики, машиностроения, телекоммуникаций и других связанных с инфраструктурой областей.

Ключевые слова и фразы: Китай, один пояс, один путь, Новый Шелковый путь, Турция, Средний коридор.

Для цитирования: Арутюнян А.А. Китайская инициатива «пояса и пути» и турецкий Средний коридор. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5): 76-91

Diplomatic relations between Republic of Turkey (RT) and People's Republic of China (PRC) were established in 4 August 1971, against the background of "detente" in relations between the Soviet Union and the United States (U.S.). However, exchanges between the two countries were expanded only from the 1980s (65, P. 12), began to improve rapidly from the beginning of the 1990s (66, P. 5) and full-scale revitalization of Turkish-Chinese relations occurred only during the rule of the Justice and Development Party (AKP) in Turkey, which came to power in 2002 (7, C. 71). In recent decades, Turkish-Chinese trade and economic relations from the directions of Turkey's multi-vector foreign and Asian-Pacific policy have been the most successful (61, P. 1; 20, P. 2).

An important event strengthening relations between the two countries was the Joint declaration on Establishing Strategic Relationship of Cooperation of 2010, where both sides identified themselves as "emerging developing countries" (64, P. 205). Sino-Turkish strategic cooperation was also strengthened by President Erdogan's state visit to China on July 29-30, 2015 and his participation in the Fifth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) in

For citation: Harutyunyan A.A. Chinese Belt and Road initiative and Turkey's Middle corridor. Modern oriental studies. 2020; 2(5): 76-91

Beijing on June 15, 2019 (39). The enthusiasm for expanding cooperation with China, in a sense, is also explained by the fact that many young and ambitious Turkish bureaucrats, conducting their master's or doctoral studies in China, and a new group of qualified bureaucrats who have appeared in the influential ministries of Turkey, see huge potential for cooperation between two countries (40).

Relations have also taken on a military character over the last decade, as Turkey pursued a more autonomous foreign policy from the West and pushed for greater strategic maneuvering space during the earlier months of Arab Spring movements (40). In 2013, Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdogan, visiting St. Petersburg, repeated his request for Turkey to be admitted to the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in order to "get rid of troubles" when trying to enter the European Union (EU), while at the same time possibly approving Turkey's entry into the Eurasian Union (EAU) led by Russia (46).

However, if in the middle of 2015, anti-Chinese actions were held in China with the broad support of the largest foreign Uyghur community, then after the deterioration of relations between Russia and Turkey (as a result of an incident with

a Russian Su-24 shot down by Turkey), Beijing and Ankara began to strengthen relations by the end of the year, and Turkey even expressed its readiness to fight the movements previously supported by it to create East Turkestan. In early July 2016, contacts between Turkey and China intensified, primarily in discussions on the construction of railway communications within the Chinese New Silk Road initiative (NSRI) or Belt and Road Initiative (BRI), including through the transport corridor with the participation of Uzbekistan, Azerbaijan, Georgia, Turkey and Ukraine (2).

After the failed coup attempt in July, 2016 Erdogan has reiterated that RT shares more “common values” with the Shanghai Five: China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan, and that SCO is better — much more powerful than EU (47). Moreover, Turkish President Recep Tayyip Erdoğan said in December 2016 that in its efforts to strengthen the falling lira, RT is taking steps to allow trade with Russia, China and Iran in local currency (33).

Sentiment on Turkey's need to find new allies in Russia and China intensified after the U.S. supported the Kurdish forces in conducting the Raqqa operation in Syria and after holding the BRI forum in May 2017 in Beijing (49, P. 84), where President Erdoğan supported the Chinese initiative to build the BRI, expressing Turkey's readiness to take advantage of its unique geographical location (31). After negotiations for membership in the EU were unsuccessful, Turkey began to consider BRI as an alternative to the EU (49, P. 75).

TURKEY AS A BRIDGE AND TRANSIT COUNTRY FOR BRI

Originally announced in 2013 by Chinese President Xi Jinping with the goal of restoring the ancient Silk Road linking Asia and Europe, the scope of the NSRI has expanded over time to include new territories and development initiatives. This project, also called the Belt and Road Initiative (BRI) or Belt and Road (B&R) or One Belt, One Road (OBOR) envisages the construction of a large network of roads, railways, seaports, electric networks, oil and gas pipelines, and related infrastructure projects (43, P. 143)¹.

Turkey is along the route of both *land* and *sea* branches of the BRI, and Ankara have signed several agreements under the B&R project regarding the development of railway infrastructure, the use of ports and the creation of roads (49, P. 81). Turkey's geo-strategic position makes Turkey a leading energy corridor and a transit centre for the main oil and natural gas producers in the Caspian, Caucasus and Central Asia (CA) as well as for consumer markets in Europe (41, P. 222). The foundations of B&R cooperation have been strengthened especially with two inter-governmental agreements signed during the G20 summit in Antalya (Turkey) in November 2015, namely the memorandum of understanding on “*Aligning the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road with the Middle Corridor Initiative*”, and the Agreement on “*Cooperation in the Field of Railways*” (21, P. 121).

One of the six BRI corridors is a land-based **China-Central and West Asia Economic Corridor (CCWAEC)**, which requires China to coordinate

¹The first part of the project is called the Economic Belt of Silk Road (EBSR) or Belt, which is actually a network of predominantly land roads that are expected to connect China with Central Asia (CA), Eastern and Western Europe. The second is called the 21st Century Maritime Silk Road (MSR) or Road, which is a sea route that is expected to connect China's southern coast with the Mediterranean Sea, Africa, Southeast Asia and CA.

with participants in six countries of different levels of development and political stability: *Turkey, Iran, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan and Tajikistan* (45, P. 46). With the increase in global energy demand and trade made through China, it is aimed to provide direct transport economic corridors between Chinese export centers and European markets by modernizing the transport networks through planned and implemented projects that involve Turkey (37, P. 121). Geographically, EBSR starts from China at the eastern end of the Eurasian continent, passes through Central, Western and South Asia and some other regions with three corridors, approaches the Caspian, Black Sea, Mediterranean Sea and the Arabian Peninsula and arrives in Europe and North Africa on the west end of Eurasia. Specifically, the EBSR considered the establishment of three trans-Eurasian economic lines or corridors:

1. "North Line": (*China-Central Asia-Russia-Europe*) starting from China, via Kazakhstan, through southern Russia, through Ukraine, the Belarus area, by Poland and other Eastern European countries, and finally reaches Germany, arriving in Western Europe.
2. "Middle Line": (*China - Central and West Asia - the Persian Gulf and the Mediterranean Sea*) starting from China, via Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and other Central Asian countries, by Turkmenistan, and continues along the south shore of the Caspian Sea, finally reaching Europe through Turkey.
3. "South Line": (*China - Southeast Asia - South Asia - Indian Ocean*) starting from China, via Afghanistan, Pakistan, through Iran into the Arabian Peninsula, and then reaches North Africa through Egypt (6; 56, P. 3-4; 42, P. 75).

In the new rail and road links, however, the pivotal points of entry into Europe are through Turkey, assigning it a strategic role. One of the EBSR corridor - **New Eurasian Land Bridge railway project**, is being planned linking the Port of Shenzhen (near Hong Kong) to Kunming in Western China and onwards to Myanmar, Bangladesh, India, Pakistan, and Iran, and then across Turkey into Rotterdam in the Netherlands. It will cross 20 countries and measure 15,000 km, a much shorter distance than by sea via the Indian Ocean through the Malacca Straits. A branch line would begin in Turkey, crossing Syria and Palestine and end in Egypt, providing a rail link from China into Africa (51, P. 135).

The new road route runs via CA and Iran, through Turkey, into Europe via *Venice-Rotterdam-London*, in addition to the road leading to Europe via Russia (22, P. 279). China plans to build a high-speed railway between China and the United Kingdom (UK), which will connect *Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Iran, Turkey, Bulgaria, Romania, Hungary, Austria, Germany, Belgium and France*. The project, with an estimated cost of US \$ 150 billion, was planned to be completed in 2020-2025 (14).

The further route involves the interconnection of trade routes with Istanbul (where railway tunnels are already running along the bottom of the Bosphorus), Athens, Naples, Marseilles and other Mediterranean cities (58). Another railway project plans to build the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway (53, P. 38; 4), that would go from Kashgar in Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR, China), through Torugart and Kara-Suu in Kyrgyzstan, to Andijan in Fergana Valley

of Uzbekistan, then across Afghanistan (52), and in the longer term, the planned route might provide a shorter rail link from China to Iran, Turkey and even to Europe (35).

China, Kazakhstan, Georgia, Azerbaijan and Turkey in November 19, 2015, agreed to establish a consortium for the transportation of goods from China to Europe via the Trans-Caspian International Transport Route (TCITR) (42, P. 158-161), which runs from China through Kazakhstan, the Caspian Sea, Azerbaijan, Georgia and Turkey, and further via Ukraine to Europe (9), that will help the EU get rid of Russian "transit dependence" and aiming to continue the path to Turkey (8). TCITR provides Beijing with access to the Black Sea coast of Georgia with subsequent shipment of cargo to the ports of Romania, Ukraine (Odessa) and Bulgaria (Varna, Burgas) (13).

Worth to note that Turkey's importance for the implementation of Chinese initiatives increased especially after China lost the tender for the creation of a deep-water port in Anaklia in Georgia, which would become a logistics center for communication between the Caucasus and CA railway network with Eastern Europe via the Black Sea (1).

Turkey, in turn, intends to develop its transport infrastructure, and by 2035 expand the Turkish track and railway infrastructure from 12,500 km to 31,000 km, presumably with an investment of about 30 billion euros (36, P. 9). Turkey is the most important link for China in connecting the railway system of Western China, the coun-

tries of CA and Iran with a gauge the width of the "European" standard (1).

According to Turk experts, the pragmatic interest of the Turkish Justice and Development Party's (JDP) government in China's BRI, especially after the failed coup on July 15, 2016, has two main economic reasons: the expectation of growth in direct Chinese investment, the consolidation of Turkey itself as a transportation hub in the "Middle Corridor", which uses coordination mechanisms for rail transport and customs clearance of ports for the China-Europe corridor (38, P. 296), also to become a manufacturing and logistics base for Chinese enterprise (54).

THE MIDDLE CORRIDOR OR IRON SILK ROAD

Trans-Caspian East-West-Middle Corridor Initiative shortly named as "the Middle Corridor", is a big gain for Turkey to have an alternative for both the *Northern Route* (it is also called Trans-Siberian Railway), which includes Russia, and the *Southern Route*, which covers Iran (21, P. 119). The Middle Corridor is more economical and faster compared to the Northern Corridor as a trade route between Europe and Asia and as such, is 2.000 km shorter, has more favorable climate conditions and shortens the travel time by 1/3rd (15 days) compared to the sea route (60)².

Caspian Sea is another geostrategic pivotal point as all the freight trade from China will eventually pass through north of Caspian Sea via Russia. An alternative option being considered is turning southwards from Kazakhstan to Turkmenistan,

²In one year, out of approximately 10 million containers that are transported from China to Europe, 96 % utilizes the sea and only the remaining 4 % uses the Northern Corridor. Furthermore, the Middle Corridor offers great opportunities for the cargo traffic in Asia so that the loads can reach ME, North Africa and Mediterranean region by benefiting from the port connections in Turkey.

Iran and Turkey called the Iron Silk Road (ISR - *the railway connection between China and EU*) or “Middle Corridor” (34, P. 137). Any of these routes aligning to connect China to Europe such as *Trans-Asian Railway (TAR)*, *Trans-Siberian Railway (TSR)*, *Trans-China Railway*, *Baku-Tbilisi-Kars (BTK)* as a part of ISR, are accepted as links of ISR (50, P. 2). Turkey will play a key role in the NSR with its recently attracting mega investments like **Marmaray**, **Yavuz Sultan Selim Bridge** (entered service on August 26, 2016), **Eurasia Tunnel** (inaugurated on 20 December 2016) that connects the Asian and European sides of Istanbul via a 14.6 km undersea highway, **Çanakkale 1915 Bridge**, **the New Airport (3rd)**, that is an international airport under construction on the European side of Istanbul with 150 million annual passenger capacity (49, P. 82). With the **Baku-Tbilisi-Kars (BTK)** railway line, the *Marmaray railway tunnel* and the *Third Bridge in Istanbul/Turkey*, ‘*Middle Corridor*’ is estimated to cut the Beijing–London transportation period from 45 to 15 days (22, P. 279). “Middle Corridor” will enable Turkey to provide new services and products to countries in East and South Asia amid escalating trade wars and tightening customs rules (38, P. 296).

The **Edirne-Kars high-speed “East-West” railway project** (worth US \$ 30 billion), linking the BTK railway line with Europe and crossing the country from one end to the other, with a view to connecting the north-eastern province of Kars with the north-western province of Edirne, which goes straight to Bulgaria, is also part of the BRI (32).

China already took an active part in the Turkish railway infrastructure sector back in 2005, when it won the contract for the construction

of a high-speed railway line between Ankara and Istanbul worth of US \$ 1.2 billion (23). In 2014, China state-owned companies completed the second session of Turkey’s **Ankara-Istanbul High-Speed Railway** with the assistance of US \$ 720 million loans from China Exim Bank (69; 28). In July 2014, the second phase project of the Ankara-Istanbul High Speed Railway completed by a Chinese company opened to traffic successfully (39). The estimated speed of trains on the Ankara - Istanbul line (including Eskisehir) is 250 km per hour. But Chinese experts are confident that this figure can be increased to 280 km per hour (16).

Marmaray is a railway project that connects the railway lines of Istanbul’s European and Asian sides with a tube tunnel passing under the Bosphorus. The first stage of the Marmaray project, which was started in 2004, was completed in 2013 (49, p. 83). In November 2019, the first container train from Xian to Prague passed through the Marmaray submarine tunnel. To further develop this direction of cargo transportation in the near future, Turkey plans to send trains with export goods to the new corridor to China (12).

The total length of the BTK railway line, which forms the backbone of the Middle Corridor, is 838.6 km (22, P. 279). The project, worth US \$ 450 million, reduces the transportation route between Asia and Europe by about 7,000 km, and aims to unite Azerbaijan and Turkey through the capital of Baku in Azerbaijan and the cities of Tbilisi and Ahilkelek in Georgia and transfer to the city of Kars in Turkey. This is the third largest project, jointly implemented by Turkey, Azerbaijan and Georgia after the Baku-Tbilisi-Ceyhan and Baku-Tbilisi-Erzurum pipeline projects, will deliver

goods from China to the Caspian Sea and the port of Baku-Alat via Kazakhstan and Turkmenistan, and then to Europe through Georgia and Turkey, eventually connecting Beijing with London by uninterrupted rail (49, P. 82-83). BTK is important both for trade between Turkey and China and CA, and for trade between Europe and CA and China (22, P. 279), allowing the latter two, which so far traded with Turkey mainly through Russia, to be included in transport and logistics chains (11).

RT invited Iran to join the BTK railway project, intending to create an alternative to the BTK railway through the Kars-Igdir-Nakhichevan project with access to Iran, which would allow Turkey to direct cargo flows east to Iran, Pakistan, India and Southern China. Trains arriving from Edirne to Kars could continue their journey through Tbilisi and Baku with access to Kazakhstan and Turkmenistan, and then reach the north-western provinces of China (15).

It is also planned to build a logistics center in Kars, which will allow the Turkish side to send 300-400 trains along the corridor in 2020, and in the next three years to increase this number to 1000, giving a new impetus to the further development of agricultural production in the country (12).

The Russian company Far East Land Bridge (FELB), which operates most of the container trains between China and Europe, is preparing for a new container train between Suzhou (China) and Poti (Georgia) and, if run regularly, it could be the precursor of China-Turkey train, approaching very close to the Turkish border and providing cargo connections with Turkey after Poti (50, P. 6).

It should be noted that Ankara closely followed the plans of Chinese corporations to invest

billions of US dollars in the development of transport infrastructure during the implementation of the strategic plan of the Syrian President "Four Seas" (3). In this context, the civil war in Syria is of interest, which created a trilateral alliance between China, Russia and Iran over the interests of Russia in the Tartus naval base, and, in turn, brought Iran and Russia to the Chinese Maritime Theater, initiating a series of exercises at sea expanding the scope of these new triangular relations (40).

Despite this, there is also an opinion that China and Turkey are gradually withdrawing the International North-South Transport Corridor (INSTC) - Indian-Russian-Iranian project- from the big game because of Great Britain, which, after leaving the EU, promised India, Pakistan and China a privileged trade partnership. This is why Tehran continues to persistently cut through the corridor to Syria with the Iran-Iraq-Syria railway project and the Iran-Iraq-Syria gas pipeline (so far in the Iran-Iraq format), and Moscow, Tehran and Damascus were determined to take the initiative by opening a joint transport corridor in Latakia (Syria) (15).

As for the MSR project, Chinese companies have also invested in Turkish ports since 2015 and are most interested in Kumport, Çandarlı and Mersin (49, P. 81). Two Chinese port companies, China Merchants Group, based in Hong Kong, and China Ocean Shipping Company (COSCO), and the country's largest state fund, China Investment Corp. (CIC), have signaled their intent to buy Turkey's largest private port, Kumport (44). At the end of 2015, they bought out a nearly 65% stake in one of the largest Turkish container terminals at Kumport in the port of Ambarlı (located in Istanbul's European side) for almost US \$ 1 billion (5, P. 74). Turkey and

China could also expand their partnerships in Turkey's other ports, in the Mediterranean Sea, in the Aegean Sea, and at the Black Sea. And a critical move is not just to combine these ports with railway projects and extend the lines, but to create a logistical network" (30). However, ports intended to be developed in Filyos, Çandarlı and Mersin still require substantial investments, while China already preferred Greek port of Piraeus under BRI (48). From a military point of view, the addition of a new "Pearl of String" in the Mediterranean Sea in the form of the Piraeus, allows China to control maritime access to Istanbul and the Black Sea ports of Bulgaria, Romania, Ukraine, southern Russia and Georgia (29, P. 10).

Worth to note that Ankara and Minsk are interested in organizing freight traffic along the Dnieper, including the construction of a river port in the village of Nizhny Zhary in the Bragin region (Belarus), which in the future could become an important transit hub connecting the eastern and western parts of the New Silk Road from China to Europe (17).

SINO-TURKISH COOPERATION IN FINANCE, LOGISTICS, ENERGY, MANUFACTURING AND TELECOMMUNICATION SECTORS

During the initial stages of the BRI's implementation, foreign direct investment (FDI) from China to Turkey has increased, albeit modestly. Chinese FDI has been mainly focused on the finance, logistics, energy, manufacturing and telecommunication sectors (63). Turkey became a founding member of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) on April 16, 2015 with shares of 26,099 and a capital subscription

of 2,609.9 (55; 59; 24; 26). To expand the scope of cooperation between the two countries and help the country accelerate the development of urban and energy infrastructure, the AIIB Board of Directors approved two investment projects in Turkey in 2019 for a total of US \$ 500 million. Among these investments, a US \$ 300 million loan from a sovereign fund for the Istanbul project to reduce seismic risk and prepare for emergencies will increase Istanbul's resilience to earthquake disasters and the city's preparedness for emergencies (18). In addition, a credit facility worth US \$ 200 million was added to AIIB investment to provide long-term financing through Türkiye Kalkınma ve Yatırım Bankası (TKYB - Turkish Development and Investment Bank) to private companies in Turkey for investments in renewable energy and energy efficiency infrastructure (19).

The number of Chinese companies (more than 1,000 operate by 2019) in Turkey rose after the world's largest bank state-owned lenders Industrial and Commercial Bank of China Limited (ICBC) and Bank of China established a presence in the country in 2014 and 2017, respectively (57). ICBC on May 25, 2015, completed the acquisition of a 75.5% (US \$ 250 million) stake in Tekstilbank from Turkish GSD Holding, making it the first commercial institution managed by a Chinese bank in the country. ICBC also made a tender offer for the remaining Tekstilbank shares held by public shareholders in accordance with the country's regulatory requirements (26).

In April 2012, both countries signed a nuclear agreement, reaffirming their readiness for deeper cooperation in the field of nuclear energy (40). Preliminary agreements on cooperation

in the field of nuclear energy were concluded on June 29, 2016, after RT opposed India's participation in the Nuclear Suppliers Group, taking essentially China's position (2).

On June 2, 2016, Beijing and Ankara signed an agreement to create an electronic cross-border trade platform. The basis of Sino-Turkish economic maneuvers - the agreement on a free trade zone between Ankara and Islamabad (which was scheduled for September 2016), in fact means free trade between Ankara and Beijing, as Chinese goods flow unhindered into Pakistan through the railway, which began in northwestern Xinjiang (14).

Tel Aviv also is interested in developing trade with Beijing and Ankara, viewing Turkey as an economic "bridge" to East Asia. Turks are interested in Israeli natural gas, and the Chinese are interested in the achievements of the Jewish state in the field of research and development (R&D) (14).

In 2018, with the aim of supporting the Turkish economy, strengthening partnerships and discussing the possibility of creating joint projects in the private and public sectors, as well as finding new investment opportunities between Turkey and China, the richest fifty-nine Chinese businessmen (the individual welfare of each of them ranges from US \$ 15 to 30 billion) led by billionaire Jack Ma (internet giant Alibaba) visited Turkey (27). Jack Ma has decided to invest in Turkish e-commerce firm Trendyol - one of the most famous Turkish fashion retailers, supported by foreign investors and a leader in the fragmented e-commerce market in RT (25).

Huawei, China's largest telecommunications equipment company, is working with 5G Internet with Turk Telecom, focusing on cloud computing, Internet of Things, and most importantly, public

security (30). In the first ten months of 2014, nearly 70 Chinese companies including Hainan Airlines, Huawei and New Hope have invested in Turkey with an aggregate investment of US \$ 190 million and year-on-year growth of 11.8 % (39).

However, RT seeks a more balanced trade partnership (RT's trade deficit in relations with PRC exceeded US \$ 20 billion in 2017) (10), stimulating the participation of Chinese investors in large infrastructure schemes (23). Bilateral trade grew steadily from US \$ 238 million in 1990 to US 28 billion in 2017 (63). In January 2017, China's accumulated direct investment in the RT reached US \$ 809 million (68).

DIFFICULTIES IN SINO-TURKISH COOPERATION UNDER THE BRI

Despite the fact that the BRI provides a wider space for further expansion of cooperation between the two countries, however, there are also many obstacles and difficulties both local, regional and global characters. Due to the fact that Turkey is ready to reduce its dependence on Western allies, some fear that a NATO country, like Turkey, traditionally and historically oriented to the West, is making a mistake trying to establish deeper ties with the eastern powers like Russia and China. But some analysts believe that in this global world this is inevitable (23). Turkey's departure from the West and its dialogue partnership with the SCO "as an alternative to the NATO and the EU" may be "more likely associated with Turkey's disappointment with its Western identity than with a commitment to the common leadership of Russia and China" (38, P. 296). According to the Turkish expert, diversification of alliances with countries such as

Russia and China, and becoming more independent while remaining in NATO, has long been the goal of Erdogan (57). But the biggest obstacle to Turkey's accession to the SCO may be the demand to begin the process of withdrawing from NATO (47).

It should be noted that since EBSR is being replaced by roads on which the interests of Turkey and its Turkic-speaking partners may prevail, Turkey's active efforts to develop economic and cultural ties with the Turkic countries of the former Soviet Union may revive the Pan-Turkic project, which lost its relevance in the late 1990s. Turkey, because of its ideologization, has too many doctrinal foreign policies based on the principle of "ethnic solidarity" and the idea of pan-Turkism and neo-Ottomanism (11). Although the AKP government has stated that it has abandoned pan-Turkism or the political aspirations of the "unity of the Turkic world", Turkey's cultural influence in CA remains a remarkable force and has evolved from "territorial unity" into cooperation and cultural demands (67, P. 69).

Many experts as one of the obstacles to the construction of the EBSR see the conflict in the Xinjiang of the PRC, which marks the exit of the new highway to CA. The occupation of northern Iraq and Syria by Islamic State (IS) terrorists (Daesh, ISIS) has already jeopardized its southern route through Turkey and Iran. And the terrorist underground in the north-west of China itself poses a threat to both the EBSR project and the new gas pipelines through which Turkmen gas flows to China (11). Beijing is concerned that many Uyghur separatists have taken refuge in Turkey, and many Turkish NGOs with close ties to the AKP support and help Uyghur separatists, and that many Uyghur extremists have left China to join the IS or other

terrorist groups, traveling in Turkey. China fears that many Uyghur extremists (holding Turkish passports offered by Turkish embassies in China and other Southeast Asian states) will return to China to intensify the fight in Xinjiang against the Chinese government (62).

For its part, despite the many advantages of BRI for Ankara, the Turkish side also takes into account the risks associated with China's "colonial goals", China's circumvention of Turkey, widening the current commercial deficit and trade gap, and considers the initiative to be much more profitable for China than other countries, even if the project seems to be a win-win (49, P. 92). Some circles in Turkey view the EBSR as a competitive initiative of China against Turkey in the context of considering CA and the Caucasus as part of its Turkish influence (67, P. 63).

However, in general, the discourses of Turkish media and politicians are optimistic about BRI, and it is believed that the project gives Turkey the opportunity to strengthen its economic, social and political relations with China and Central and Middle Eastern countries, as well as find alternative alliances with the EU and the U.S. (49, P. 92).

Currently, amid tremendous changes in the international and domestic political situation in Turkey, the BRI will not only help Turkey economically compensate for its economic dependence on the West, but will also strengthen the country's strategic partnership with China by offering more options for cooperation. The Turkish need for Chinese technology and foreign investment, as well as China's desire to promote its BRI, create the potential for communication between the countries.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. В орбите Пекина: Турция начнет борьбу с Восточным Туркестаном // Южный Китай. 28.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://south-insight.com/node/218184> (Дата обращения: 10.08.2017).
2. Ефентьев Н. «Сержантский переворот» в Турции: «блокада» Шелкового пути и рост уйгурского сепаратизма в Китае? // Южный Китай 16.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://south-insight.com/node/218338> (Дата обращения: 11.08.2016).
3. Казанин М. Китайско-турецкие отношения и уйгурский вопрос // Институт Ближнего Востока. 27.06.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.iimes.ru/?p=25320> (Дата обращения: 20.02.2019).
4. Ким Е. «Таджикистан – Китай – одна семья»: Китай и Средняя Азия // ИА REGNUM. 09.03.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://regnum.ru/news/polit/2093624.html> (Дата обращения: 10.11.2019).
5. Комиссина И. Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы Национальной стратегии. – 2017. -№ 1 (40). - С. 60-81.
6. Прохвятилов В. Китайские поезда как инструмент геополитики 21-го века // Argumenti.ru. 22.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <http://argumentiru.com/economics/2017/02/456954> (Дата обращения: 12.02.2020).
7. Свистунова И. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы Национальной Стратегии. – 2015. - № 5 (32). - С. 69-84.
8. Станет ли Китай союзником Польши и Азербайджана против России? // ИА REGNUM. 06.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/economy/2297278.html> (Дата обращения: 06.07.2017).
9. Страны Азии проложат "шелковый путь" через Украину // Корреспондент. 30.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: // http://korrespondent.net/business/companies/3596749-strany-azyu-prolozhat-shelkovyi-put-cherez-ukraynu?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=3596749 (Дата обращения: 01.12.2015).
10. Турция играет ключевую роль в китайском "Шёлковом пути": Академия наук КНР // Реалист. 27.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: // http://realtribune.ru/news/economics/1207?fbclid=IwAR36U EDiLGpK-5IEjTdMnjnI_K54jY7vH34ee5IHKjy7BUmWldNQczv_Hfs (Дата обращения: 27.10.2018).
11. Турция — Китай: «ноль проблем с соседями» или «ноль соседей без проблем» // EurAsia Daily. 07.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://easaily.com/ru/news/2016/06/07/turciya-kitay-nol-problem-s-sosedyami-ili-nol-sosedey-bez-problem> (Дата обращения: 07.06.2016).
12. Турция намерена активизировать использование транскаспийского коридора // Каспийский вестник. 17.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: // <http://casp-geo.ru/turtsiya-namerena-aktivizirovat-ispolzovanie-transkaspijskogo-koridora/>

- fbclid=IwAR1598IjR5o2uesYZiWuUNf6Z2gvrq23OWeU7 насх6JaXA0601pJlelb8W0
(Дата обращения: 18.01.2020).
13. Цатурян С. Иран, Азербайджан и Грузия открывают Китаю путь на Чёрное море // ИА REGNUM. 26.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/polit/2197317.html> (Дата обращения: 12.09.2019).
  14. Цатурян С. Китай идёт на Турцию, а Германия внедряется в Армению. Что дальше? // ИА REGNUM. 10.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/polit/2143681.html> (Дата обращения: 10.06.2016).
  15. Цатурян С. Россия и Иран на грани изоляции: Китай и Турция убивают коридор «Север-Юг» // ИА REGNUM. 23.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/polit/2291764.html?t=1498174694> (Дата обращения: 23.06.2017).
  16. Цатурян С. США переносят войну с Китаем в Турцию и Иран // ИА REGNUM. 11.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/polit/2216206.html> (Дата обращения: 11.06.2016).
  17. Энгин Озер. Отказ от доллара – не главная задача России, Китая и Турции – эксперт // Евразия.Эксперт. 06.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: // <http://eurasia.expert/otkaz-ot-dollar-ne-glavnaya-zadacha-rossii-kitaya-i-turtsii-ekspert/> (Дата обращения: 06.09.2018).
  18. AIIB Approves \$500m Loan for Two Investment Projects in Turkey // World Construction Network. 17.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.worldconstructionnetwork.com/news/aiib-approves-500m-loan-for-two-investment-projects-in-turkey/> (Дата обращения: 23.02.2020).
  19. AIIB Invests USD500M to Support Turkey's Urban and Energy Infrastructure // Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). 16.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2019/AIIB-Invests-USD500M-to-Support-Turkeys-Urban-and-Energy-Infrastructure.html> (Дата обращения: 16.12.2019).
  20. Andrew McGregor. Arming for Asymmetric Warfare: Turkey's Arms Industry in the 21st Century // The Jamestown Foundation. - June 2008. - P. 1-27.
  21. Altay Atli. Turkey as a Eurasian Transport Hub: Prospects for Inter-Regional Partnership // PERCEPTIONS. - Vol. 23, № 2. - Summer 2018. - P. 117-134.
  22. Banu Dagtas. At the Crossroads of the New Silk Road: News Discourses in the Turkish Press // Communication and the Public. - Vol. 4 (4). – 2019. - P. 276–290.
  23. Burak Akinci. Spotlight: Dragon and Crescent Unite under Framework of Belt and Road Initiative // Xinhua, English.news.cn. 11.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: // http://news.xinhuanet.com/english/2017-05/11/c_136275163.htm (Дата обращения: 11.05.2017).
  24. Cary Huang. 57 Nations Approved as Founder Members of China-led AIIB // South China

- Morning Post. 15.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1766970/57-nations-approved-founder-members-china-led-aiib> (Дата обращения: 16.04.2015).
25. China's Alibaba Decides to Make Investment in Turkey's Trendyol – Statement // Reuters. 28.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.reuters.com/article/china-turkey/chinas-alibaba-decides-to-make-investment-in-turkeys-trendyol-statement-idUSL8N1TU6KY> (Дата обращения: 22.12.2019).
  26. China's Banking Giant Takes over Turkish Lender // People's Daily Online. 26.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <http://en.people.cn/business/n/2015/0526/c90778-8897465.html> (Дата обращения: 26.05.2015).
  27. Chinese Business Magnates Flock to Turkey // Middle East Monitor. 17.08.2018. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.middleeastmonitor.com/20180817-chinese-business-magnates-flock-to-turkey/> (Дата обращения: 12.09.2019).
  28. Chinese Companies Have a Promising Prospect in the Turkish Railway Market // People.com.cn. 11.09.2007. [Электронный ресурс]. URL: // <http://world.people.com.cn/GB/57506/6248974.html> (Дата обращения: 23.01.2013).
  29. Christina Lin. The New Silk Road China's Energy Strategy in the Greater Middle East // Policy Focus. - № 109. - The Washington Institute for Near East Policy. - April 2011. - 48 P.
  30. David P. Goldman. China will Buy Turkey on the Cheap // Asia Times. 10.08.2018. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.atimes.com/article/china-will-buy-turkey-on-the-cheap/> (Дата обращения: 10.08.2018).
  31. Erdogan Highlights Turkey's Role as "Crossroad" of Continents in Supporting B&R Initiative // Xinhuanet.com. 14.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: // http://news.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136281895.htm (Дата обращения: 14.09.2018).
  32. Erdoğan: Modern İpek Yolu vatandaşlarımızın hayat standardını artıracak // BBC. 14.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-39913491> (Дата обращения: 21.12.2019).
  33. Erdogan Wants Trade with Russia, China in Local Currencies // Arab News. 04.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.arabnews.com/node/1019346/business-economy> (Дата обращения: 04.12.2016).
  34. Fareeha Sarwar. China's One Belt and One Road: Implications of "New Eurasian Land Bridge" on Global Power Play in the Region // NUST Journal of International Peace & Stability. - Vol. I (2). – 2018. - P. 131-144.
  35. From China to Iran via Kyrgyzstan: Is the Faster Rail Link Real? // RailFreight.com. 04.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.railfreight.com/beltandroad/2019/11/04/from-china-to-iran-via-kyrgyzstan-is-faster-rail-link-real/?gdpr=accept> (Дата обращения: 09.01.2020).
  36. George Reiff, D. Lit. One Belt, One Road

- (OBOR) // Dubai Leadership Summit. - Cottonou Benin Republic, ESU. - 2018. - P. 1-16.
37. Global and Regional Studies in Terms of Economical and Social Issues I // Edited by Ahmet Oğuz. - Almaty: Qazaq ынiversiteti. - 2018. - 235 P.
38. Gökçe Özsu, Ferruh Mutlu Binark. Representation of the “Belt and Road Initiative” in Turkish Mainstream Newspapers // Communication and the Public. - 4 (4). - 2019. - P. 291-304.
39. Gu Jianjun. New Sino-Turkey Strategic Cooperative Ties under New Silk Road Initiatives // CCTV.com. 30.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <http://english.cntv.cn/2015/07/30/ARTI1438245134235199.shtml> (Дата обращения: 30.07.2015).
40. H. Akin Unver. Iran, Turkey and China’s Middle Eastern Pivot // The Diplomat. 30.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: // <http://thediplomat.com/2014/05/iran-turkey-and-chinas-middle-eastern-pivot/> (Дата обращения: 16.12.2019).
41. Harutyunyan Agh. China-Turkey Strategic Partnership // Страните от Източна Азия и Светът – Взаимоотношения и Взаимодействия. - Национална и Научна Конференция с международно участие 2012. - Доклади и Съобщения, “Експертпринт” ЕООД- Печат. - София, 2013. - P. 220-227.
42. Harutyunyan Agh. Chinese One Belt, One Road Initiative: Challenges and Opportunities // LAP Lambert Academic Publishing. - Mauritius, 2017. - 288 P.
43. Harutyunyan, Agh. On Some Obstacles and Challenges to the Implementation of the Chinese Initiative One Belt, One Road // Blagoevgrad (Bulgaria): Orbis Linguarum. - Vol. 17, Issue 2. - P. 143-156.
44. Hülya Güler. Chinese Companies Set Eyes on Turkey’s Third Largest Port // Daily News. 15.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.hurriyetdailynews.com/chinese-companies-set-eyes-on-turkeys-third-largest-port--88506> (Дата обращения: 21.09.2020).
45. Jonathan Fulton. An Analysis of Two Corridors in China’s One Belt One Road Initiative: China-Pakistan and China Central-West Asia // Department of Political Science / Centre of Excellence China Studies. - GC University Lahore. - Pakistan, 2016. - P. 43-49.
46. Joshua Kucera. Erdogan To Putin: Let Us Into SCO! // Eurasianet.org. 23.11.2013. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.eurasianet.org/node/67793> (Дата обращения: 23.11.2013).
47. Lina Wang. Will Turkey Join the Shanghai Cooperation Organization Instead of the EU? // The Diplomat. 24.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <http://thediplomat.com/2016/11/will-turkey-join-the-shanghai-cooperation-organization-instead-of-the-eu/> (Дата обращения: 24.11.2016).
48. M. Sait Akman, Turkey’s Middle Corridor and Belt and Road Initiative: Coherent or Conflicting? // Italian Institute for International Political Studies (ISPI). 28.11.2019. <https://www.ispionline.it/en/publication/turkeys-middle-corridor-and-belt-and-road-initiative-coherent-or-conflicting-24526>

49. Nurettin Akçay. Turkey-China Relations Within the Concept of the New Silk Road Project // ANKASAM. - Bölgesel Araştırmalar Dergisi. - 1 (3). - December 2017. - P. 73-96.
50. Özlem Koçtaş Çotur, F. Onur Uysal. Building Blocks of Iron Silk Road and Suggestions for Turkey // XIII International Logistics and Supply Chain Congress. - Izmir, Türkiye, October 22-23, 2015. - P. 1-10.
51. Rıza Kadılar, Andrew K. P. Leung. Possible Turkish-Chinese Partnership on a New Silk Road Renaissance By 2023 // Turkish Policy Quarterly. - Vol. 12, No. 2. - Summer 2013. - P. 125-137.
52. Roman Muzalevsky. China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway Scheme: Fears, Hopes and Prospects // Eurasia Daily Monitor. Vol. 9, Issue 102, The Jamestown Foundation, 30.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: // <https://jamestown.org/program/china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-scheme-fears-hopes-and-prospects/> (Дата обращения: 22.09.2013).
53. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell, Nicklas Norling. The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. – 2015. - 65 P.
54. Shannon Tiezzi. Can China-Turkey Relations Move On? // The Diplomat Magazine. 30.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: // <http://thediplomat.com/2015/07/can-china-turkey-relations-move-on/> (Дата обращения: 30.07.2015).
55. Shannon Tiezzi. China's AIIB: The Final Tally // The Diplomat. 17.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: // http://thediplomat.com/2015/04/chinas-aiib-the-final-tally/?utm_content=buffer792f3&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (Дата обращения: 17.04.2015).
56. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations // Working Papers. - Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. - 20.05.2014. - P. 1-13.
57. Sinan Tavsan. Erdogan Courts Chinese Investment on Visit to Beijing // Nikkei Asian Review. 03.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: // https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Erdogan-courts-Chinese-investment-on-visit-to-Beijing?fbclid=IwAR2PAUiZf46ZRmUeikbYpnwP_ovd0iXbYRI-VTb06ivwMoI6qwBfFKd3YM8 (Дата обращения: 12.03.2020).
58. Turkey and Israel are Intercepted at Sea "Silk Road" of Iran // CypLIVE. 12.03.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <http://en.cyplive.com/ru/news/turciya-i-izrail-perehvatyvayut-u-irana-morskoj-shelkovyy-put.html> (Дата обращения: 12.03.2017).
59. Turkey Joins AIIB as Founding Member // China Daily. 11.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: // http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-04/11/content_20410311.htm (Дата обращения: 11.04.2015).

60. Turkey's Multilateral Transportation Policy // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. URL: // http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa (Дата обращения: 12.06.2020).
61. Turkish State Minister Mr. Zafer Çağlayan Gives Interview with People's Daily // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Turkey. 04.01.2010. [Электронный ресурс]. URL: // <http://tr.china-embassy.org/eng/ztgx/t649610.htm> (Дата обращения: 03.08.2013).
62. Wang Jin. After the Failed Coup: A New Dawn for China-Turkey Relations? // The Diplomat. 10.08.2016. [Электронный ресурс]. URL: // <https://thediplomat.com/2016/08/after-the-failed-coup-a-new-dawn-for-china-turkey-relations/> (Дата обращения: 10.08.2016).
63. Xiaoli Guo, Giray Fidan. China's Belt and Road Initiative (BRI) and Turkey's Middle Corridor: "Win-Win Cooperation"? // Middle East Institute. 26.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.mei.edu/publications/chinas-belt-and-road-initiative-bri-and-turkeys-middle-corridor-win-win-cooperation> (Дата обращения: 11.04.2019).
64. Yitzhak Shichor. "China and Turkey in the Post-Cold War World: Great Expectations" // in: Bruce Gilley and Andrew O'Neil (Eds.), Middle Powers and the Rise of China. - Georgetown University Press, 2014. - P. 192-212.
65. Yitzhak Shichor. Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations // East-West Center. - Institute of Southeast Asian Studies. - Singapore, 2009. - 85 P.
66. Yitzhak Shichor. Turkey Trot: Military Cooperation between Beijing and Ankara" // China Brief. - The Jamestown Foundation, Vol. 9, Issue 8. - Washington, 16.04.2009. - P. 4-7.
67. Zan Tao. "Turkey Dream" and the China-Turkish Cooperation under "One Belt and One Road" // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). - Shanghai International Studies University. - Vol. 10, № 3. - 2016. - P. 50-72.
68. Zhou Rong. B&R Can Help Strengthen China-Turkey Ties // Global Times. 24.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.globaltimes.cn/content/1048523.shtml> (Дата обращения: 24.05.2017).
69. 中国企业在土耳其铁路市场大有可为 // 新华社. 11.09.2007. [Электронный ресурс]. URL: // <http://world.people.com.cn/GB/57506/6248974.html> (Дата обращения: 12.05.2020).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Harutyunyan Aghavni Alexander

Department of International Relations at the Institute of Oriental Studies
National Academy of Sciences of Republic of Armenia.
aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

**СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА КНР КАК ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**PRC SOCIAL CREDIT SYSTEM AS A FIELD OF APPLICATION ARTIFICIAL
INTELLIGENCE TECHNOLOGIES**

Эпштейн Виталий Анатольевич,

Кафедра мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

Чистякова Елена Владимировна,

*Министерство экономического развития Российской Федерации (Москва)
epshteinv@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка анализа инициатив Китайской Народной Республики по использованию технологий искусственного интеллекта (ИИ). В настоящее время власти страны заявили о стремлении к 2030 г. превратить Китай в центр инноваций во всех областях использования и применения ИИ и уже предпринимают практические усилия по развитию национальных коммуникационных сетей, глобальному сбору информации, инфраструктуре для хранения и обработки данных с применением технологии искусственного интеллекта и аналитике больших баз данных с использованием передовых технологий, что выводит страну в число лидеров глобальной конкуренции.

Одной из инициатив КНР стало формирование системы социального кредита (ССК), которая призвана оценивать субъекты предпринимательской деятельности и физических лиц, а собранная информация, в соответствии с планом,

ABSTRACT

The article focuses on the analysis of the People's Republic of China's initiatives on the artificial intelligence (AI) technology use. The Chinese officials have stated their intentions to turn China in the innovations centre in all spheres of the use and application of the AI by 2030 and have already made efforts to develop nation communication systems, global data collection, infrastructure for data storage and data processing with the use of AI technology and analysis of the big databases with the use of cutting edge technology, which puts China among the leaders of the global competition.

One of the PRC's initiatives is the creation of the social credit system, which is designed to assess the subjects of business activities and individuals, while the data collected in accordance with the plan, can be actively used by both the officials and commercial entities for various purposes, mainly related to encouraging trust and punishing unreliability. On the one hand, with the lack of the adequate atten-

может активно использоваться как властями, так и коммерческими структурами для различных целей, в основном связанных с «поощрением доверия и наказанием ненадежности».

С одной стороны, при отсутствии должного внимания со стороны государства к развитию и регулированию технологий искусственного интеллекта любая страна рискует навсегда отстать в гонке за мировое ИИ-превосходство, а с другой, отсутствие контроля со стороны гражданского общества может привести к возникновению так называемой «цифровой диктатуры», когда ради поддержания декларируемой общественной безопасности могут нарушаться базовые личные права и свободы граждан.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, искусственный интеллект, система социального кредита, технологии искусственного интеллекта.

Для цитирования: Эпштейн В.А., Чистякова Е.В. Система социального кредита КНР как область применения технологии искусственного интеллекта. Современные восточноведческие исследования. 2020; 2(4): 92-98

В 2017 году Япония, Канада и Сингапур, государства-первопроходцы в законодательном закреплении роли искусственного интеллекта (ИИ) начали процесс принятия и публикации национальных стратегий в данной сфере. Следом за ними в гонку за лидерство в области ИИ вступила Китайская Народная Республика. Государственный совет КНР заявил о стремлении к 2030 году превратить Китай в центр инноваций во всех областях использования и применения ИИ в мире. [1]

Китайская стратегия в сфере ИИ определяет следующие стратегические цели:

– Выравнивание уровня технологического

развития Китая по сравнению с развитыми странами к 2020 году;

– Использование новых подходов и технологии ИИ для достижения стратегических целей;

– Достижение конкурентоспособности в сфере ИИ;

– Оптимизация среды развития ИИ;

– Модернизация промышленности и экономики с помощью ИИ к 2025 г.;

– Создание нового поколения теории ИИ;

– Создание с помощью ИИ умных производств, новой медицины, развитие городов, сельского хозяйства и обороны;

Keywords and phrases: Peoples Republic of China, Artificial Intelligence, Social Credit System, artificial intelligence technologies.

For citation: Epshteyn V.A., Chistyakova E.V. PRC Social Credit System as a field of application artificial intelligence technologies. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 92-98

- Создание системы законов и правил, этических норм и политики безопасности в области ИИ;
- Поиск и развитие талантов в области ИИ. [1]

В предназначении стратегии декларируется стремление эффективно защищать национальную безопасность Китая и использовать технологий ИИ в целях национальной обороны от внешних и внутренних угроз. Использование ИИ в военных целях постулируется в качестве одной из задач стратегии. Говоря о способах финансирования программы развития ИИ КНР делает ставку на государственное финансирование при полном государственном контроле, с частичным использованием рыночных механизмов, что проявляется в декларируемых намерениях вмешиваться и управлять исследованиями и разработками частных компаний, а также в подчиненности исследований и разработок общему политическому курсу Коммунистической партии Китая.

Отметим, в настоящее время Китай реализует стратегию централизованного контроля с локальной реализацией. Ценности и цели устанавливаются властями, а выделяемые ими ресурсы становятся инструментами для реализации региональных, местных инициатив.

Формирующаяся в стране система социального кредита (ССК) выделяется как инициатива, способная радикально изменить государственное управление как обществом, так и экономикой. Заявленное видение ССК заключается в укреплении доверия в обществе, повышении эффективности рынка, укреплении социального управления и построении гармоничного общества в социалистическом государстве. Отличительной и наиболее противоречивой особенностью ССК является рейтинг надежности каж-

дого субъекта предпринимательской деятельности и гражданина страны. Согласно схеме ССК, власти могут использовать финансовые, правоохранительные и другие данные для оценки всех предприятий и граждан и привлекать их к ответственности за любое «неправильное» поведение. Глобальная цель заключается в создании единой общенациональной платформы.

ССК это всеобъемлющая и всепроникающая система обработки персональных данных, которая проявляется в комплексном сборе и широком использовании персональных данных с явным намерением правительства Китая использовать всю силу технологии больших данных. Через год после выхода «Плана по реализации Системы» Государственный совет утвердил план развития больших данных, в котором Система социального кредита представляет собой основную область применения технологии больших данных [2]. ССК призвана оценивать субъекты предпринимательской деятельности и физических лиц, а собранная информация, в соответствии с планом, может активно использоваться как властями, так и коммерческими структурами для различных целей, в основном связанных с «поощрением доверия и наказанием ненадежности» [3].

Текущий процесс внедрения масштабной системы безопасности на базе технологий ИИ в КНР можно условно разделить на два направления:

1. Создание общенациональной структуры для оценки финансового состояния и законопослушности субъектов и объектов общественных отношений;
2. Провинциальные, отраслевые и коммерческие эксперименты и пилотные проекты.

Государственный совет Китайской Народной Республики инициировал эксперименты с нововведениями ССК, чтобы оценить достоверность работы системы в 43 муниципалитетах и районах¹. Помимо этого в настоящее время в стране реализуется более 40 пилотных программ ССК, инициированных местными органами власти, а также многочисленные коммерческие пилотные проекты, реализуемые высокотехнологическими компаниями, например такими, как Ant Financial Services Group (ранее известная как Alipay, является дочерней компанией китайской Alibaba Group) и Tencent (инвестиционная холдинговая компания, которая владеет сервисом Tencent QQ и мобильным приложением WeChat, а также третьей в мире по количеству зарегистрированных пользователей, после Facebook и YouTube, социальной сетью Qzone).

В данный момент большинство пилотных проектов ориентировано на инициирование законопослушного и морально одобряемого поведения путем стимулирования граждан, предприятий, общественных организаций и государственных учреждений к соблюдению законов и нормативных актов в отдельных ключевых областях правоприменения, таких как безопасность пищевых продуктов и защита окружающей среды.

В конце 2019 - начале 2020 года КНР, а затем и весь остальной мир вступили в борьбу с пандемией COVID-19. Различные регионы Китая, основываясь на своих системах социального рейтинга, использовали разработанные

технологии для противодействия распространению эпидемии. В январе 2020 года власти города Жунчэн издали свод правил по применению системы социальных поощрений и наказаний во время профилактики и борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции, призвав граждан активно участвовать в профилактических мероприятиях.

Наказания, связанные с ухудшением социального рейтинга, были введены после того, как гражданка Китая вернулась из США в Пекин, скрыв пневмонию от сотрудников аэропорта, приняв жаропонижающие препараты. Впоследствии результаты ее тестирования на наличие коронавируса дали положительный результат и в конце марта 2020 года женщина была обвинена в нарушении закона «О профилактике и лечении инфекционных заболеваний» [4].

В феврале 2020 года власти Шанхая ввели схожие меры наказания для всех, кто скрыл факт посещения зон повышенной активности коронавируса или контакта с подтвержденным или потенциальным зараженным.

В феврале 2020 года в условиях распространения COVID-19 с целью преодоления сложной эпидемиологической обстановки в Ханчжоу была внедрена система кодов здоровья, разработанная усилиями китайской компании Alipay (одной из крупнейших платёжных систем, входящих в Alibaba Group), [6] оценивающая граждан на предмет соблюдения карантина на основе истории поездок и информации о здоровье.

¹Города, в которых осуществляются пилотные проекты ССК: Anhui: Hefei 合肥, Wuhu 芜湖, Anqing 安庆, Huai-bei 淮北; Beijing: Haidian District 海淀区; Fujian: Fuzhou 福州, Xiamen 厦门, Putian 莆田; Heilongjiang: Suifenhe 绥芬河; Guangdong: Guangzhou 广州, Shenzhen 深圳, Zhuhai 珠海, Shantou 汕头, Huizhou 惠州; Henan: Zhengzhou 郑州, Nanyang 南阳; Hubei: Wuhan 武汉, Xianning 咸宁, Yichang 宜昌, Huangshi 黄石; Inner Mongolia: Hohhot 呼和浩特, Wuhai 乌海; Jiangsu: Nanjing 南京, Wuyi 无锡, Suqian 宿迁, Suzhou 苏州; Liaoning: Shenyang 沈阳, Dalian 大连, Anshan 鞍山, Liaoyang 辽阳; Shanghai: Pudong New District 浦东新区, Jiading District 嘉定区; Sichuan: Chengdu 成都, Luzhou 泸州; Zhejiang: Hangzhou 杭州, Wenzhou 温州, Yiwu 义乌, Taizhou 台州

Каждый человек получает индивидуальный код, который является некоторым аналогом медицинской книжки, одного из трех цветов. Специально созданное приложение на основе данных сотового оператора анализирует информацию о поездках граждан, и присваивает каждому пользователю тот или иной цвет в зависимости от состояния здоровья. Так, если гражданин получает зеленый код, ему разрешено свободно передвигаться по городу. Желтый - означает, что владельцу требуется семидневный карантин, а красный цвет означает необходимость 14-дневного карантина. Штрих-коды желтого и красного цветов получают те, кто мог иметь контакт с зараженными COVID-19, кто посещал зону высокого риска или заявил о своих симптомах самостоятельно. Данный код необходимо предъявлять в общественных местах. В настоящее время данная система является региональной инициативой, однако планируется ее внедрение на национальном уровне [7].

Некоторые из пилотных проектов позволяют включать нарушителей законодательства в так называемые «черные списки», наличие в которых существенно влияет на социальную и профессиональную жизнедеятельность. Например, в округе Саньмен в провинции Чжэцзян и в округе Дэнфэн в провинции Хэнань местные суды сотрудничают с телекоммуникационными компаниями для изменения телефонных номеров лиц, отказывающихся выполнять постановление суда. В этом эксперименте суд предоставляет телекоммуникационным компаниям списки лиц, которые отказываются выполнять судебные постановления о выплате тех или иных штрафов. Если кто-нибудь попытается позвонить попавшему в «черный список», служба автоматического информиро-

вания сообщит о том, что абонент занесен в «черный список» и призовет звонящего повлиять на поведение недобросовестного знакомого и выполнить постановление суда. Впервые данная экспериментальная система заработала в июне 2017 года [5].

ССК и ее обширная база данных создают поле для деятельности различных IT-компаний, специализирующихся на больших данных. Системы мониторинга в режиме реального времени создают новые рынки для передовых IT-технологий, начиная от мониторинга трафика и распознавания лиц и иных изображений, до спутниковых систем навигации. Все это оказывает положительное влияние на технологическое развитие Китая и превращает страну в лидера области передовых технологий.

На данном этапе неясно, какие именно технологии ИИ будет использовать Китай для поддержания общественного порядка и обеспечения контроля в дальнейшем, так как власти не раскрывают эту информацию, однако уже сейчас можно говорить о понимании механизмов, используемых в ССК на данный момент.

Власти активно собирают и сохраняют информацию о гражданах, полученную из различных источников. Биометрическая база данных Китая постоянно обновляется и расширяется, к данным системы государственного контроля добавляются данные частных компаний, которые помогают вносить исправления и дополнения там, где это необходимо.

Предпринимаются шаги по использованию технологий ИИ в объединении и синхронизации различных баз данных, которые отличаются по способам сбора информации. Такими источниками, к примеру, являются камеры видеонаблюдения, платформы электронной ком-

мерции, операторы связи, организации как государственного, так и частного сектора, предоставляющие населению финансовые, юридические, медицинские и иные услуги.

Важно отметить, что наличие множества слабо совместимых баз данных является огромной проблемой, не менее очевидна разная степени уязвимости баз для взлома, похищения и уничтожения накопленной информации. До настоящего времени не урегулирована система контроля за технологиями ИИ, что открывает широкие возможности для политического сыска, промышленного шпионажа, подкупа и пр.

Несмотря на то, что технологические препятствия остаются крайне высокими, Китай, несомненно продолжит борьбу за ИИ-превосходство, так как страна обладает широкими финансовыми ресурсами и уже успешно использует современные технологии искусственного интеллекта в управлении большими объемами данных в крупных масштабах [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. A New Generation of AI Development Plan. State Council of People's Republic of China. (2017) – [Электронный ресурс]. URL: // <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (Дата обращения: 28.06.2020).
2. 国务院关于印发促进大数据发展 行动纲要的通知 国发〔2015〕50号. – [Электронный ресурс]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-09/05/content_10137.htm (Дата обращения: 28.06.2020).
3. 国务院关于建立完善 守信联合激励和失信联合惩戒制度 加快推进社会诚信建设的指导意见

见 国发〔2016〕33号. – [Электронный ресурс]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm (Дата обращения: 29.06.2020).

4. Chinese citizens who conceal any coronavirus history are being punished using the country's dystopian social credit system. (2020) - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.businessinsider.com/china-hiding-coronavirus-punishable-social-credit-system-2020-3> (Дата обращения: 29.06.2020).
5. 专属彩铃让老赖闻“声”丧胆 (2017). - [Электронный ресурс]. URL: // http://www.crd.net.cn/2017-06/19/content_24828605.htm (Дата обращения: 24.06.2020).
6. Alipay developed China's national health code rating system. (2020) - [Электронный ресурс]. URL: // <https://technode.com/2020/02/17/alipay-developed-chinas-national-health-code-rating-system/> (Дата обращения: 29.06.2020).
7. Информационный портал электронной коммерции ECOMHUB.RU - [Электронный ресурс]. URL: // <https://ecomhub.ru/alipay-razvernul-rejtingovuju-sistemu-ocenki-zdorovja-kitajcev/> (Дата обращения: 29.06.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. A New Generation of AI Development Plan. State Council of People's Republic of China [Novoye pokoleniye plana razvitiya II. Gosudarstvennyy sovet Kitayskoy Narodnoy Respubliki] (2017). – [Electronic edition]. URL: // <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf>

- 1.pdf (Date of access: 28.06.2020).
2. 国务院关于印发促进大数据发展 行动纲要的通知 国发〔2015〕50号 [Guówùyuàn guānyú yìnfā cùjìn dà shùjù fāzhǎn xíngdòng gāngyào de tōngzhī guó fā (2015) 50 hào]. - [Electronic edition]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-09/05/content_10137.htm (Date of access: 28.06.2020).
3. 国务院建立完善 守信联合激励和失信联合惩戒制度 加快推进社会诚信建设的指导意见 国发〔2016〕33号 [Guówùyuàn guānyú jiànlì wánshàn shǒuxìn liánhé jīlì hé shīxìn liánhé chéngjiè zhìdù jiākuài tuījìn shèhuì chéngxìn jiànshè de zhǐdǎo yìjiàn guó fā (2016) 33 hào]. - [Electronic edition]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm (Date of access: 29.06.2020).
4. Chinese citizens who conceal any coronavirus history are being punished using the country's dystopian social credit system [Grazhdane Kitaya, kotoryye skryvayut svoyu istoriyu koronavirusa, nakazyvayutsya s ispol'zovaniyem antiutopicheskoy sistemy sotsial'nogo kredita strany] (2020). - [Electronic edition]. URL: // <https://www.businessinsider.com/china-hiding-coronavirus-punishable-social-credit-system-2020-3> (Date of access: 29.06.2020).
5. 专属彩铃让老赖闻“声”丧胆 [Zhuānshǔ cǎilíng ràng lǎo lài wén “shēng” sàngǎn] (2017). - [Electronic edition]. URL: // http://www.crd.net.cn/2017-06/19/content_24828605.htm (Date of access: 24.06.2020).
6. Alipay developed China's national health code rating system [Alipay razrabotala natsional'nuyu sistemu reytingov zdorov'ya v Kitaye] (2020). - [Electronic edition]. URL: // <https://technode.com/2020/02/17/alipay-developed-chinas-national-health-code-rating-system/> (Date of access: 29.06.2020).
7. Informatsionnyy portal elektronnoy komertsii ECOMHUB.RU [Information portal of electronic commerce ECOMHUB.RU]. - [Electronic edition]. URL: // <https://ecomhub.ru/alipay-razvernul-rejtingovuju-sistemu-ocenki-zdorovja-kitajcev/> (Date of access: 29.06.2020).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Epshteyn Vitaly Anatolievich,

Ph.D. in Sociology, Associate Professor

International Relations department,

Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPa, Moscow)

E-mail: epshteinv@gmail.com

Chistyakova Elena Vladimirovna

Master's degree, leading specialist-expert, Department of Strategic Development and Innovation of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow)

123112, Moscow, Presnenskaya nab., d. 10, str. 2
Russia

E-mail: chist.elen@mail.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

**МОРСКИЕ ПОРТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ КНР
SEAPORT COMPLEXES AS A KEY POINT IN THE FUNCTIONING
OF THE TRANSPORT SYSTEM OF THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA**

Сячин Валерий Геннадьевич,

Институт бизнеса и делового администрирования;

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС, Москва) (1);*

Эпштейн Виталий Анатольевич,

*Кафедра мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового
администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)*

spartak-t@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В настоящее время около 90% всей внешней торговли Китая осуществляется при помощи морских перевозок. В связи с этим в статье предпринята попытка анализа функционирования и развития морских портовых комплексов КНР, которое было заложено в рамках VI пятилетнего плана (1980-1985), разработанного на основе предложенного на 12-ой сессии ЦК КПК стратегического курса экономического строительства и утвержденного Всекитайским собранием народных представителей. К 2020 году морские порты Китая в целом прошли этап своего становления и находятся в стадии устойчивого роста, превращаясь в крупнейшие международные транспортные хабы, способные принимать любые типы грузов, дальнейшее распределение которых требует различных способов транспортировки. На примере морских портовых комплексов Шанхая (Восточно-Китайское море), Нинбо-Чжоушаня

ABSTRACT

Nowadays about 90% of China's foreign trade is carried by sea. In this regard, the article attempts to analyze the functioning and development of China's seaport complexes, that were laid down during the sixth five-year plan (1980-1985), developed on the basis of the strategic direction for economic construction, proposed at the 12th session of the Central Committee of the Communist Party of China and approved by the National People's Congress. By 2020, China's seaports have generally passed the initial phase and entered the stage of sustainable growth, becoming the largest international transport hubs that can accept any type of cargo, the further distribution of which requires different modes of transportation. The article considers specifications, geographical and economic advantages, technical equipment and the role of ports in international trade on the example of the seaport complexes of Shanghai (East China Sea), Ningbo-Zhoushan (East China Sea) and Shenzhen (South China Sea).

(Восточно-Китайское море) и Шэньчжэня (Южно-Китайское море) рассмотрены спецификация, географические и экономические преимущества, текущее техническое оснащение и вопрос вовлечённости портов в мировую торговлю.

На основании приведенных данных охарактеризованы текущие приоритеты развития каждого из портов и отрасли в целом, а также высказаны предположения о будущих перспективах, связанных с реализации китайским правительством программы «Морского Шёлкового пути XXI века».

Ключевые слова: SIPG, порт Нинбо-Чжоушань, порт Яньтянь, порт Шэкоу, CMG, «Один пояс – Один путь», «Морской Шёлковый путь XXI века».

Для цитирования: Сячин В.Г., Эпштейн В.А. Морские портовые комплексы как ключевое звено функционирования транспортной системы КНР. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(5). 99-113

В настоящее время морской транспорт считается наиболее дешёвым и быстрым способом перевозки большого объема грузов по всему миру. Развитая морская транспортная сеть позволяет странам обеспечивать стабильный товарный обмен, способствуя развитию и продвижению продукции на мировой рынок. В связи с этим повышается роль портов, как опорных узлов мирового грузо- и пассажиропотока.

Одним из несомненных лидеров в морских грузоперевозках является КНР, обладающая крупнейшим флотом в мире по количеству судов и 3-им по их общему тоннажу. Немаловажно, что на долю КНР приходится чуть больше 40% мирового судостроения [1], кроме того, семь из десяти крупнейших контейнерных портов мира находятся в Китае [2]. В этой связи не

According to the given data, it describes current development priorities of each port and the industry as a whole, as well as future prospects related to the implementation of the Chinese government's "The 21st Century Maritime Silk Road" programme.

Keywords and phrases: SIPG, Ningbo-Zhoushan port, Yantian port, Shekou port, CMG, "One belt – One road", "The 21st Century Maritime Silk Road".

For citation: Syachin V.G., Epshteyn V.A. Sea-port complexes as a key point in the functioning of the transport system of the People's Republic of China. *Modern oriental studies.* 2020; 2(5). 99-113

является удивительным тот факт, что 60% балкеров и 49% контейнеровозов мира принадлежит китайским компаниям [1]. Для поддержания подобного лидерства необходимо создание современной и масштабной сети портовых комплексов, способной служить базой национального коммерческого флота и предоставлять возможность в полной мере использовать его в качестве драйвера экономического роста и увеличения товарооборота.

Для реализации подобных задач руководство КНР ещё в рамках VI пятилетнего плана (1980-1985) выделила развитие портовых комплексов в качестве одной из основ экономического роста страны. В дальнейшем неоднократно разрабатывались проекты по развитию отдельных портов и превращению их в крупней-

шие международные транспортные хабы. К примеру, в 2005 г., председатель ПК СНП провинции Чжэцзян Си Цзиньпин предложил проект слияния портов в Нинбо и на соседних островах Чжоушань в единый комплекс. Реализация была окончательно завершена в 2015 г., когда объединенный порт обогнал Гонконг и вышел на 4 место в мире по контейнерному грузообороту с годовым показателем в 20.63 млн. тонн ДФЭ (ДФЭ – двадцати фунтовый эквивалент) [2, 3]. В настоящее время порты Китая в целом прошли этап своего становления и находятся в стадии устойчивого роста, о чём неоднократно говорится в программных документах их компаний-операторов [4, 5].

На сегодняшний день крупнейшими портовыми комплексами КНР являются порт Шанхай, порт Нинбо-Чжоушань (пров.Чжэцзян) и комплекс портов г. Шэньчжэнь (пров. Гуандун).

Порт Шанхай расположен в устье реки Хуанпу, а также на прибрежных островах рядом

с городом. Район порта входит в дельту реки Янцзы, благодаря чему хинтерландом порта может считаться площадь её бассейна, которая составляет около 1 808,5 тыс, км² и включает в себя практически весь центральный Китай [6]. Климат Шанхая – субтропический муссонный, вследствие чего портовые воды не замерзают и позволяют обеспечивать круглогодичную навигацию. Из минусов необходимо отметить сезонные тайфуны высшей силы, однако они оказывают влияние и на другие порты региона, в т.ч. на острове Тайвань.

Порт Шанхая включает в себя 3 крупных контейнерных терминала: Яншань (洋山), Вайгаоцяо (外高桥), и Баошань (宝山). Общее количество причалов превышает 350, из которых 46 являются контейнерными и занимают суммарную площадь в 634 тыс. м² [7, 6]. Порт Шанхай разделён на множество рабочих зон, количество причалов и специализация которых приведена в табл.1:

Таблица 1*. Инфраструктура порта Шанхай

Наименование зоны	Количество причалов	Специализация
Яншань (洋山)	Всего: 24 (23 – глубоководные, контейнерные)	Контейнерные перевозки; складирование; доковое обслуживание
Шэндун (盛东)	9 (все контейнерные)	Контейнерные перевозки; складирование
Гуаньдун (冠东)	7 (все контейнерные)	Контейнерные перевозки; складирование
Автомобильный терминал Хайтун (海通)	1 (с вращающимся оборудованием для погрузки; неглубоководный)	Транспортировка автомобилей
Автоматизированный терминал 4 очереди**	7 (все контейнерные)	Контейнерные перевозки; складирование

Таблица 1*. Инфраструктура порта Шанхай. Продолжение

Наименование зоны		Количество причалов	Специализация
Вайгаоцяо (外高桥)		Всего: 14	
1 очередь	Международный контейнерный терминал Пудун (浦东)	3 (все контейнерные)	Контейнерные перевозки; Хранение опасных грузов; переработка различных видов грузов
2-3 очередь	Чжэньдун (振东)	5 (все контейнерные)	Контейнерные перевозки
4 очередь	Худун (沪东)	6 (4-контейнерные)	Контейнерные перевозки
Район реки Хуанпу			
	Чжанхуабан (张华浜)	7 (4 – контейнерные)	Контейнерные перевозки; насыпные и сборные грузы; транспортировка грузов по ж/д
	Цзюньгунлу (军工路)	8 (4 – контейнерные)	Контейнерные перевозки; обработка экспортно-импортных грузов, неметаллических руд, опасных грузов; складирование; транспортировка грузов по ж/д
	Лун У (龙吴)	29 (5 – контейнерные)	Контейнерные перевозки; обработка экспортно-импортных грузов, расформирование контейнеров, складирование
	Синьхуа (新华码头)	(неизвестно)	Перевалка сыпучих химических удобрений, стали.
	Международный пассажирский терминал (上海港客运中心)	5	Пассажирские перевозки
	Буксирный причал Фусин (复兴码头)	4	Буксировка судов
	Баошань (宝山)	7 (3 – контейнерные)	Контейнерные перевозки; насыпные и сборные грузы; перевозка древесины; складирование
	Лоцзин (罗泾)	17	Прием балкерных судов; обработка железной руды, насыпных и сборных грузов; складирование
	Фубао (孚宝港)	9	Перевалка грузов химической промышленности (в т.ч. жидких)
	Чжуцзямэнь (朱家门煤码头)	17	Перевалка каменного угля
	Миньшэн (民生路码头)	4	Перевалка зерновых и масляных грузов, кормовых культур, риса; складирование
	Гунцин (共青码头)	9	Обработка насыпных грузов, промышленного сырья; перевозка сборных грузов; разгрузка и погрузка малых судов.

* Таблица составлена на основе данных [7; 9; 6].

** 4 очередь глубоководного терминала Яншань открыта в конце 2017 г. [10]

Имеется также 6 причалов в районе Цзиньшань (金山), которые принадлежат Sinopec Shanghai Petrochemical Co., LTD., и используются в её интересах. Особое место среди терминалов занимает глубоководная зона Яншань, строительство которой началось в 2002 г. и было разбито на 4 очереди. Оно включало комплекс работ по строительству причалов на островах Малый и Большой Яншань, с глубиной дна от 10 до 17 метров, а также моста Дунхай длиной в 32 км для соединения терминала с материком. Завершение первой очереди глубоководного терминала позволило Шанхаю принимать самые крупные на тот момент контейнеровозы, что уже в 2010 г. вывело порт на лидирующие позиции в мире по грузообороту. Завершение в 2017 г. строительства первого в Китае полностью автоматизированного терминала («Yanshan-4»), численность персонала которого не превышает 260 человек, в свою очередь, сделало порт Шанхая одним из наиболее эффективных контейнерных портов мира [10]. В терминале активно используется беспилотное оборудование (в т.ч. краны и AGV (от англ. «Automatic guided vehicle»), а его функционирование в целом обеспечивается полностью автоматизированной интеллектуальной системой управления производством (TOS) и автономной системой управления оборудованием (ECS), разработанными Shanghai Zhenhua Heavy Industries Co., Ltd. (ZPMC), крупнейшим акционером которой является China Communication Construction Co., Ltd. (CCCC) [11, 12]. Эти системы, по оценкам экспертов, позволяют увеличить эффективность обработки грузов на 30%

и сэкономить порядка 10 часов на разгрузку самых крупных грузовых судов мира [13]. Благодаря этому мощности четвёртой очереди терминала Яншань способны обрабатывать 1,743 млн. ДФЭ в год, что составляет 35% годового оборота порта Пирей (Греция) – крупнейшего средиземноморского порта по грузообороту [2; 10]. Стратегия развития терминала опирается на 4 принципа: «Знания, экологичность, высокая технологичность и эффективность» [12].

Из таблицы 1 следует, что шанхайский порт способен принимать любые типы грузов, дальнейшее распределение которых требует различных способов транспортировки. Для поддержания грузооборота через порт используется система интермодальных перевозок, которая задействует как водные (речные и морские), так и железнодорожные и автомобильные пути. Портовые районы соединены с национальной сетью скоростных автомагистралей, среди которых четыре национальные трассы, ведущие в Янтай (№204), Урумчи (№312), Лхасу (№318) и Куньмин (№320). Таким образом, портовый комплекс Шанхая расширяет свой хинтерланд вплоть до западных и южных районов КНР. Помимо автомагистралей порт Шанхая связан сетью из 225 внутренних речных маршрутов, 8 из которых соединяют порт со столицами других провинций. Прибрежные маршруты достигают таких крупных прибрежных городов, как: Циндао, Гуанчжоу, Фучжоу, Далянь и Нинбо [14].

Для обслуживания столь массивных структур необходимо слаженное управление, которое осуществляет группа компаний SIPG

(Shanghai International Port Group Co., LTD). Компания является государственной, 31,2% акций принадлежат Комитету по контролю и управлению государственным имуществом г. Шанхая, ещё 25,2% акций через дочернюю компанию Adroit Investments Ltd. принадлежит China Merchants Group (CMG) – крупнейшему государственному конгломерату Китая, владеющему пакетами акций в портах Шэньчжэня, Нинбо и Гонконга. Помимо этого, компания активно участвует в инициативе «Один пояс – Один путь», что напрямую способствует развитию портов в Китае, посредством установления деловых связей с полностью или частично подконтрольными конгломерату портами за рубежом: Порт-де-Джибути (Джибути), Кумпорт (Турция), Коломбо (Шри-Ланка), Роттердам (Нидерланды) и др. [15].

Группа компаний SIPG уделяет основное внимание развитию четырех отраслей: портовой обработке, логистике, портовыми услугами и торговле. Для этого она провела значительную работу в порту Шанхая для упрощения процедур регистрации грузов, прохождения таможи, ввела систему онлайн-оплаты, и, наконец, в 2015 г. сформировала единую платформу для приёма документов (в т.ч. в электронном виде) [7].

Необходимо отметить, что Шанхайский порт официально входит в список приоритетных портов для развития «Морского Шёлкового пути XXI века», хотя и находится чуть севернее стартовой точки маршрута – городе Цуаньчжоу (泉州) (пров. Фуцзянь) [16]. Всего Шанхайский порт связан 500 линиями морских перевозок с более, чем 60 странами мира. Более 2000 рейсов контейнеровозов осуществляется здесь ежегодно. Корабли отправляются в Европу (Бельгия, Германия, Нидерланды и т.д.), Юго-Восточную Азию (Сингапур, Малайзия и т.д.), Америку, Ближний Восток и т.д. Благодаря наличию двух аэропортов (Пудун (浦东) и Хунцяо (虹桥)) поддерживается авиасообщение с другими странами мира [6].

Что касается судоходных маршрутов, их список постоянно расширяется: к примеру, в 2019 г. группа компаний Ocean Alliance (куда входят крупнейшие судоходные компании мира такие, как: COSCO Container Lines Co.LTD, CMA CGM Group, Evergreen Marine Corp., Orient Overseas Container Line (OOCL) объявила о начале судоходства по 40 новым маршрутам, затрагивающим китайские порты, в т.ч. порты Шанхай, Нинбо-Чжоушань, порт Шэньчжэнь. Основные направления ведут в Северо-Западную Европу, Средиземноморье, Ближний Восток, Южную и Северную Америку и т.д. Стоит отметить, что маршруты, имеющие западное направление, по возможности затрагивают те или иные порты, подконтрольные китайским компаниям и включённые в «Морской Шёлковый путь XXI века». Среди них, к примеру, греческий порт Пирей (в 2016 г. 67% акций порта приобретено компанией COSCO) [17], порт Коломбо (контейнерным терминалом владеет CMPort, дочерняя компания CMG) [18] и Порт-де-Джибути (CMG имеет 23,5%) [19; 15]. Подробные данные о количестве маршрутов альянса, проходящих через упомянутые порты приведена в табл.2:

Таблица 2*. Количество маршрутов Ocean Alliance, проходящих через рассматриваемые порты

	С.-З. Европа	Средиземное море	Трансатлан- тические маршруты	Транстихоокеан- ские маршруты	Ближний Во- сток и Крас- ное море	ИТОГО
Всего маршру- тов альянса	7	5	7	12	6	37
Шанхай	6	5	4	6	4	24
Нинбо- Чжоушань	6	5	4	6	5	25
Шэньчжэнь	6	6	4	9	5	30
Янтань	5	3	3	8	-	19
Шэкоу	1	3	1	1	5	11
Пирей	-	3	-	-	-	3
Коломбо	1	1	-	-	-	2
Джибути	-	-	-	-	1	1

* Составлено по данным [20].

Подобная схема маршрутов гарантирует Китаю закрепление позиций на ключевых для него морских артериях. Это особенно важно, если учитывать, что 90% всей внешней торговли Китая осуществляется именно морем. Более того, от прочности этих позиций напрямую зависит энергетическая и продовольственная безопасность КНР [21].

На основании табл.2 можно утверждать, что маршруты, идущие на Восток (в т.ч. в рамках «Пояса и пути»), связаны со всеми крупными прибрежными городами КНР. Самым активно задействованным портовым комплексом является Шэньчжэнь. Маршруты, проходящие через Тихий океан, преимущественно сосредоточены в его восточной части – порту Янтань для сокращения времени транспортировки.

В то же время Янтань «разгружен» для восточного направления, поскольку его часто минуют, направляясь в Средиземное море и Ближний Восток. Сосед Янтаня – Шэкоу (западная часть порта г. Шэньчжэнь), напротив, часто является отправной точкой для рейсов на Ближний Восток, что обусловлено его специализацией на перевалке сырья из данного региона [22].

Порт Нинбо-Чжоушань географически расположен несколько южнее шанхайского порта, в провинции Чжэцзян, в связи с чем их климатические условия практически идентичны. Порт входит в «Экономический пояс реки Янцзы», что позволяет ему иметь водное и наземное сообщение с центральными районами КНР. Наземное сообщение представлено прежде всего сетью железных дорог, отходящих

от станции терминала Бейлун. Станция имеет 10 путей, оборудованных кранами для погрузочно-разгрузочных работ, и обеспечивает годовой грузопоток в 1 млн. ДФЭ (при годовом обороте порта в 26 млн. ДФЭ) [23]. От порта по ж/д маршруту грузы могут доставляться в соседние прибрежные провинции, центральные и северные районы КНР. Нинбо-Чжоушань также является ключевой точкой МШП в качестве перевалочно-го пункта железной руды и базы для перевалки

сырой нефти. Здесь происходит складирование и распределение жидких химических веществ, угля и зерна для Восточного Китая [23].

Порт состоит из 19 терминалов, с суммарным количеством причалов более 620, из них 160 способны принимать суда с водоизмещением 10 тыс. т., а 90 являются глубоководными, что почти в 2.5 раза превышает глубоководные мощности шанхайского порта [23]. Специализация каждого терминала приведена в табл.3:

Таблица 3*. Специализация терминалов порта Нинбо-Чжоушань

Наименование терминала	Специализация
Бейлунь (北仑)	Контейнерные перевозки, навалочные и сыпучие грузы, сырая нефть, нефтепродукты и жидкие химические вещества, пассажирские перевозки
Яншань** (洋山)	Контейнерные перевозки, перевозка СПГ и нефтепродуктов, таможенное оформление, логистика
Люхэн (六横)	Контейнерные перевозки, железная руда, уголь, жидкие и сыпучие грузы
Цюшань (衢山)	Перевалка железной руды, хранение и транспортировка сырой нефти, химических веществ
Чуаншань (穿山)	Контейнерные перевозки, СПГ, нефтепродукты
Цзиньтан (金塘)	Контейнерные перевозки
Дасе (大榭)	Контейнерные перевозки, сырая нефть, нефтепродукты и химические вещества
Цэньган (岑港)	Сырая нефть, нефтепродукты и жидкие химикаты, зерно, древесина; хранение судового топлива.
Мэйшань (梅山)	Контейнерные перевозки, транспортировка грузовых автомобилей, хранение бондовых грузов
Шэнсы (嵊泗)	Перевалка руды
Дайшань (岱山)	Перевозка жидких и сыпучих грузов, круизные перевозки
Чжэньхай (镇海)	Транспортировка угля, нефтепродуктов и жидких химических веществ, внутренние контейнерные перевозки

Таблица 3*. Специализация терминалов порта Нинбо-Чжоушань. Продолжение

Наименование терминала	Специализация
Байцюань (白泉)	Транспортировка СПГ, сыпучих грузов, нефтепродуктов и жидких химических веществ; контейнерные перевозки,
Ма'ао (马岙)	Транспортировка нефтепродуктов и жидких химических веществ, насыпных грузов, транспортировка грузовых автомобилей
Динхай (定海), Шипу (石浦), Сяншаньган (象山港), Юнцзян (甬江), Шэньцзямэнь (沈家门)	Местные грузоперевозки, туристические пассажироперевозки

* Составлена по материалам [24; 23].

** Несмотря на принадлежность терминала Яншань шанхайскому порту, административное управление осуществляется органами провинции Чжэцзян, которые могут задействовать мощности терминала в своих интересах.

Как видно из табл.3, порт активно вовлечён в контейнерные перевозки, а также деятельность по транспортировке сжиженного природного газа (СПГ), нефти, нефтепродуктов, и химических веществ. В трёх терминалах осуществляется хранение и последующая транспортировка СПГ. Это во многом связано с использованием в порту 600 грузовиков-контейнеровозов на СПГ в рамках программы снижения выбросов углерода в атмосферу. Для этих целей на территории комплексов порта Нинбо-Чжоушань функционирует 8 заправочных станций СПГ и более 70 точек для зарядки электромобилей [3].

Порт Нинбо-Чжоушань имеет разветвленную сеть торговых путей, состоящую из более, чем 250 международных маршрутов в 600 портов по всему миру. Согласно данным на декабрь 2019 г., количество контейнерных маршрутов составило 244, из которых 110 являются трансокеанскими магистральями. Помимо этого, действуют 16 интермодальных маршрутов, ве-

дущих в города 15 провинций КНР [3]. Благодаря хорошей логистике и удобному расположению порт используется в качестве перевалочного пункта для дальнейшей транспортировки грузов в порты Северного Китая и Дальнего Востока, а также поставок товаров из КНР в Северную и Южную Америку. Суммарный грузооборот порта в 2018 г. составлял 26.35 млн. ДФЭ, показав рост на 7.1%, по сравнению с предыдущим годом. В этом аспекте Нинбо-Чжоушань обогнал по темпам роста Шанхай (4.4% за аналогичный период), что убедило некоторых экспертов в отсутствии необходимости передачи дополнительных мощностей шанхайского терминала Яншань под управление группы Ningbo Zhoushan Port Co. LTD (далее – NZP). Опасения насчёт нанесения ущерба развитию порта Нинбо-Чжоушань вследствие «оттягивания» грузопотока глубоководным терминалом Яншань высказывались из-за утраты портом Чжоушань монополии на разгрузку крупнотоннажных контейнеровозов после

2005 г. Дискуссия по этому вопросу привела к уже упомянутому слиянию комплексов Нинбо и Чжоушань в единую портовую систему. Однако по мере завершения 2-4 очередей терминала Яншань, стало очевидно, что дальнемагистральные суда всё чаще предпочитают разгружаться в более удобном Яншане (он расположен в 104 км от международных морских трасс и в 27,5 км от Шанхая – крупного узла дорог). Данный факт подтолкнул NZP искать компромисс в виде активного включения порта в маршруты МШП. Ориентация на интермодальные перевозки во внутренние районы Китая и специализация в качестве базы для перевалки нефти, химикатов и прочих грузов промышленного назначения [25].

В настоящее время, благодаря географическому положению растут объемы грузоперевозок порта Нинбо-Чжоушань. При этом активно задействуются экологичные технологии в рамках программы «зелёного развития». Однако всё ещё стоит вопрос достижения пределов возможностей порта ввиду близости к Шанхаю. Уклон на транспортировку энергоносителей при решении данной проблемы, по нашему мнению, является правильной стратегией, ибо зависимость КНР от поставок нефти и газа в 2017 г. была равна 69% и 49% соответственно (21% - по газопроводам и 28% - поставки СПГ), а в ближайшее время, импорт нефти в Китай будет неуклонно расти и составит около 73% от всего потребления нефти КНР в 2020 г. [26]

Порт Шэньчжэнь состоит из 2 больших частей: Восточную и Западную, основными терминалами которых являются Яньтянь (盐田) и Шэкоу (蛇口) соответственно. Портовый

комплекс более подвержен сильным ветрам, нежели Шанхай, а потому имеет систему реагирования на ухудшение погодных условий, предполагающую остановку разгрузочно-погрузочных работ и отход пришвартованных кораблей в зоны, защищенные от ветра [11]. Хинтеланд порта включает в себя бассейн реки Чжуцзян (провинции Гуандун и Гуанси), провинции Хунань, Цзянси и Фуцзянь.

Годовой грузооборот порта в 2018 г. составил 27.74 млн ДВЭ, что на 10% выше показателей 2017 г. Для сравнения, грузооборот соседнего порта Гонконг в 2018 г. упал на 6.5% и составил лишь 19.6 млн ДФЭ [2].

В западной части порта расположено 50 глубоководных причалов, из которых 13 являются специализированными контейнерными. Восточная часть располагает 20 глубоководными причалами [6]. В сумме порт Шэньчжэнь имеет более 170 причалов для судов с водоизмещением более 500 тонн.

Терминал (порт) Шэкоу специализируется на перевозке сыпучих грузов, таких как зерно, удобрения, руда и т.д. Здесь происходит обработка грузов стали, дерева, камня и других видов навалочных грузов, также производится транспортировка импортной рулонной стали. Имеется пассажирский терминал. Порт ежедневно обслуживает грузы из порта Гонконга, прибывающие как по суше, так и по воде. Помимо этого, Шэкоу поддерживает водное сообщение с такими прибрежными городами, как Шанхай, Сямынь, Гуанджоу и Хайкоу. С портом сотрудничают лидирующие в отрасли судоходные компании такие, как: MAERSK, K'LINE, PIL, COSCO, CNC и другие. Всего Шэкоу связан 90 международными маршрутами с более, чем 180 портами по всему миру [22].

Терминал (порт) Яньтянь специализируется на контейнерных перевозках, перевозке химической продукции, а также на перевозке сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа, в т.ч. СПГ [27]. Как и порт Шэкоу, Яньтянь активно участвует в инициативе «Один пояс – Один путь». Через него проходит более 100 международных маршрутов 40 крупнейших мировых морских перевозчиков таких, как: COSCO, OOCL, KMTС и др. Группа УТР («Yantan Port Group») активно инвестирует в инфраструктурные проекты на территории Египта, Малайзии и Таиланда, расширяя тем самым сферу международного сотрудничества.

Стоит отметить, что на функционирование и развитие портов наибольшее влияние оказывает уже упомянутая China Merchants Group. Компании, через те или иные дочерние предприятия (прежде всего CMPort) принадлежат акции портов по всему Китаю и не только. Порты Нинбо, Даляня, Шанхая, Шэньчжэня и Циндао являются фундаментом для деятельности компании на материке. Помимо этого, во владении многопрофильного конгломерата находится контейнерный терминал в Гонконге и терминал Каомин на Тайване. Благодаря сотрудничеству рассмотренных портов Шанхай, Нинбо-Чжоушань и Шэньчжэнь с крупнейшей китайской судоходной компанией COSCO (как и CMPort, имеющей доли участия в иностранных портах), возможности дальнейшего развития портов Шанхай, Нинбо-Чжоушань и Шэньчжэнь достаточно широки. Постоянный грузопоток обеспечен им и благодаря правительственной инициативе МШП, которая гарантирует их включение в основные международные судоходные маршруты на долгие годы.

В связи с этим, можно сделать вывод, что данные портовые комплексы будут являться надёжной базой для китайской торговой экспансии в течение следующего десятилетия. Подобное положение обусловлено значительными преимуществами, как экономического, так и географического характера, выраженными удобным расположением данных портов в дельтах крупных рек и их непосредственной близости к промышленным центрам КНР, а также к основным районам потребления энергоресурсов. Именно эти факторы будут служить основным стимулом развития китайских портовых комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNCTAD – Review of Maritime Transport 2019. - [Электронный ресурс]. URL: // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf (Дата обращения: 08.06.2020).
2. World Shipping Council – Top 50 World Container Ports. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.worldshipping.org/about-the-industry/global-trade/top-50-world-container-ports> (Дата обращения: 08.06.2020).
3. 浙江海港—宁波舟山港. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.zjseaport.com/jtww/> (Дата обращения: 08.06.2020).
4. China Merchants Port Holdings Company Limited Annual Report 2019. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cmport.com.hk/UpFiles/bpic/2020-04/20200428043431195.pdf> (Дата обращения: 08.06.2020).

5. 上海国际港务（集团）股份有限公司 2019 年年度报告摘要 - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.portshanghai.com.cn/jtwbs/download/4/770027513766822.pdf> (Дата обращения: 06.08.2020).
6. 中国港口官网. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.chinaports.com/ports> (Дата обращения: 08.06.2020).
7. 上港集团官网. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.sipg.com.cn> (Дата обращения: 08.06.2020).
8. Группа компаний «Vector Trade Limited» - Порт Шанхай. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://sapsan-logistics.ru/shanghai> (Дата обращения: 08.06.2020).
9. 上海国际港务（集团）股份有限公司 — 主营业务. - [Электронный ресурс]. URL: // http://www.portshanghai.com.cn/jtwbs/webpages/about_yw.html (Дата обращения: 08.06.2020).
10. 新浪网—洋山深水港四期开港一周年 试运营成果显著. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://sh.sina.com.cn/news/m/2018-12-11/detail-ihmutuec8037024.shtml> (Дата обращения: 08.06.2020).
11. Shanghai Zhenhua Heavy Industries Company Limited. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.zpmc.com/gsjies.aspx> (Дата обращения: 08.06.2020).
12. 中国水运网—探索未知 领航未来—上海港支撑国际航运中心建设综述. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.zjseaport.com/jtww/> (Дата обращения: 08.06.2020).
13. 太平洋电脑网—上海港，世界上最繁忙的港口竟“空无一人”？ - [Электронный ресурс]. URL: // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1615292931893048970&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 08.06.2020).
14. 物流产业大数据平台. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.lcchina.org.cn/public/faci/detail/12338> (Дата обращения: 08.06.2020).
15. China Merchants Port Holdings Company Limited Official Website [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cmport.com.hk/en/> (Дата обращения: 08.06.2020).
16. 靖边县人民政府—中国“一带一路”规划正式公布(全文). - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.jingbian.gov.cn/gk/ghjg/fzgh/50230.htm> (Дата обращения: 08.06.2020).
17. Китай приобрёл порт Пирей [Электронный ресурс]. URL: // <https://chinalogist.ru/book/news/kitay-priobryol-port-pirey> (Дата обращения: 08.06.2020).
18. Комиссина И.Н. Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. №1. С. 60-81.
19. Шелухин А.А. Участие ТНК КНР в реализации стратегии «Морского Шелкового пути XXI века» // Российское предпринимательство. 2016. Т.17. № 13. С. 1549-1568.
20. 从40条航线分布中看中国9大港口的地位. - [Электронный ресурс]. URL: // https://www.sohu.com/a/289750220_468675 (Дата обращения: 08.06.2020).
21. Игнатъев С.В. Юго-Восточная Азия в про-

екте КНР «Морской Шёлковый путь XXI века»: Аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2018. Т.1. № 2. С. 40-49.

22. 通用运费网—深圳港. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.ufsoo.com/port/cn-shenzhen-ports.html> (Дата обращения: 02.06.2020).
23. 宁波舟山港股份有限公司. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.nbport.com.cn/> (Дата обращения: 08.06.2020).
24. 宁波舟山港. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%81%E6%B3%A2%E8%88%9F%E5%B1%B1%E6%B8%AF/1368442?fr=aladdin> (Дата обращения: 08.06.2020).
25. 城市把脉—为了与上海竞争合并舟山港? 宁波: 再多一个洋山港也不算事. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1667730905983203363&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 08.06.2020).
26. BP Statistical Review of World Energy. June 2018. 67th Edition [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (Дата обращения: 08.06.2020).
27. 盐田港集团官网. - [Электронный ресурс]. URL: // http://www.ytport.com/jtjk/jtjs/201810/t20181026_39.html (Дата обращения: 08.06.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. UNCTAD – Review of Maritime Transport 2019 [YUNKTAD - Obzor morskogo transporta 2019]. - [Electronic edition]. URL: // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf (Date of access: 08.06.2020).
2. World Shipping Council – Top 50 World Container Ports [Vsemirnyj sovet sudohodstva - 50 krupnejshih kontejnernih portov mira]. - [Electronic edition]. URL: // <http://www.worldshipping.org/about-the-industry/global-trade/top-50-world-container-ports> (Date of access: 08.06.2020).
3. 浙江海港—宁波舟山港 [Zhejiang Seaport – Ningbo Zhoushan Port]. - [Electronic edition]. URL: // <http://www.zjseaport.com/jtww/> (Date of access: 08.06.2020).
4. China Merchants Port Holdings Company Limited Annual Report 2019 [Godovoy otchet China Merchants Port Holdings Company Limited za 2019 god]. - [Electronic edition]. URL: // <http://www.cmport.com.hk/UpFiles/bpic/2020-04/20200428043431195.pdf> (Date of access: 08.06.2020).
5. 上海国际港务（集团）股份有限公司 2019 年年度报告摘要 [Shànghǎi guójì gǎngwù (jítuán) gǔfèn yǒuxiàn gōngsī 2019 nián niándù bàogào zhāiyào]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.portshanghai.com.cn/jtwbs/download/4/770027513766822.pdf> (Date of access: 06.08.2020).
6. 中国港口官网 [Zhōngguó gǎngkǒu guānwǎng]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.chinaports.com/ports> (Date of access: 08.06.2020).
7. 上港集团官网 [Shanghai International Port Group Official Website]. - [Electronic re-

- source]. URL: // <http://www.sipg.com.cn> (Date of access: 08.06.2020).
8. Группа компаний «Vector Trade Limited» - Порт Шанхай [Gruppa kompanij «Vector Trade Limited» - Port Shanhai]. - [Electronic resource]. URL: // <http://sapsan-logistics.ru/shanhai> (Date of access: 08.06.2020).
  9. 上海国际港务（集团）股份有限公司 — 主营业务 [Shànghǎi guójì gǎngwù (jítuán) gǔfèn yǒuxiàn gōngsī — zhǔ yíng yèwù]. - [Electronic resource]. URL: // http://www.portshanghai.com.cn/jtwbs/webpages/about_yw.html (Date of access: 08.06.2020).
  10. 新浪网—洋山深水港四期开港一周年 试运营成果显著 [Xīnlàng wǎng—yáng shān shēnshuǐ gǎng sì qī kāi gǎng yī zhōunián shì yùnyíng chéngguǒ xiǎnzhù]. - [Electronic resource]. URL: // <http://sh.sina.com.cn/news/m/2018-12-11/detail-ihmutuec8037024.shtml> (Date of access: 08.06.2020).
  11. Shanghai Zhenhua Heavy Industries Company Limited [Shanghai Zhenhua Heavy Industries Company Limited]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.zpmc.com/gsjies.aspx> (Date of access: 08.06.2020).
  12. 中国水运网—探索未知 领航未来—上海港支撑国际航运中心建设综述 [Zhōngguó shuǐyùn wǎng—tàn suǒ wèizhī lǐngháng wèilái—shànghǎi gǎng zhīchēng guójì hángyùn zhōngxīn jiànshè zòngshù]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.zjseaport.com/jtww/> (Date of access: 08.06.2020).
  13. 太平洋电脑网—上海港，世界上最繁忙的港口竟“空无一人”？ [Tàipíngyáng diànnǎo wǎng—shànghǎi gǎng, shìjiè shàng zuì fánmáng dì gǎngkǒu jìng “kōng wú yīrén”?]. - [Electronic resource]. URL: // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1615292931893048970&wfr=spider&for=pc> (Date of access: 08.06.2020).
  14. 物流产业大数据平台 [Wùliú chǎnyè dà shùjù píngtái]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.lcchina.org.cn/public/faci/detail/12338> (Date of access: 08.06.2020).
  15. China Merchants Port Holdings Company Limited Official Website [Ofitsial'nyy veb-sayt China Merchants Port Holdings Company Limited]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.cmport.com.hk/en/> (Date of access: 08.06.2020).
  16. 靖边县人民政府—中国“一带一路”规划正式公布(全文) [Jìng biān xiàn rénmín zhèngfǔ—zhōngguó“yīdài yīlù”guīhuà zhèngshì gōngbù (quánwén)]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.jingbian.gov.cn/gk/ghjg/fzgh/50230.htm> (Date of access: 08.06.2020).
  17. Kitay priobrol port Pirey [China acquired the port of Piraeus]. - [Electronic resource]. URL: // <https://chinalogist.ru/book/news/kitay-priobryol-port-pirey> (Date of access: 08.06.2020).
  18. Komissina, I.N. (2017) Morskoy Sholkovyy put' XXI v. — global'nyy geopoliticheskiy proyekt Kitaya [Maritime Silk Road of the XXI century - China's global geopolitical project] // Problemy natsional'noy strategii. №1. pp. 60-81.
  19. Shelukhin, A.A. (2016) Uchastiye TNK KNR v realizatsii strategii «Morskogo Shelkovogo puti XXI veka» [Participation of TNC of China in the implementation of the strategy of the "Maritime Silk Road of the XXI century"] //

- Rossiyskoye predprinimatel'stvo. Volume number 17. №13. pp. 1549-1568.
20. 从40条航线分布中看中国9大港口的地位 [Cóng 40 tiáo hángxiàn fēnbù zhòng kàn zhòng guó 9 dà gǎngkǒu dì dìwèi]. - [Electronic resource]. URL: // https://www.sohu.com/a/289750220_468675 (Date of access: 08.06.2020).
21. Ignat'yev, S.V. (2018) Yugo-Vostochnaya Aziya v projekte KNR «Morskoy Sholkovyy put' XXI veka»: Aspekty bezopasnosti [Southeast Asia in the PRC project "Maritime Silk Road of the XXI century": Security aspects] // Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nyye problemy razvitiya. Volume number 1. №2. pp. 40-49.
22. 通用运费网—深圳港 [Tōngyòng yùnfèi wǎng—shēnzhèn gǎng]. - [Electronic resource]. URL: // <https://www.ufsoo.com/port/cn-shenzhen-ports.html> (Date of access: 02.06.2020).
23. 宁波舟山港股份有限公司 [Níngbō zhōushān gǎng gǔfèn yǒuxiàn gōngsī]. - [Electronic resource]. URL: // <http://www.nbport.com.cn/> (Date of access: 08.06.2020).
24. 宁波舟山港 [Níngbō zhōushān gǎng]. - [Electronic resource]. URL: // <https://baike.baidu.com/item/%E5%AE%81%E6%B3%A2%E8%88%9F%E5%B1%B1%E6%B8%AF/1368442?fr=aladdin> (Date of access: 08.06.2020).
25. 城市把脉—为了与上海竞争合并舟山港? 宁波: 再多一个洋山港也不算事 [Chéngshì bǎmài—wèile yǔ shànghǎi jìngzhēng hébìng zhōushān gǎng? Níngbō: Zài duō yīgè yáng shān gǎng yě bù suàn shì]. - [Electronic resource]. URL: // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1667730905983203363&wfr=spider&for=pc> (Date of access: 08.06.2020).
26. BP Statistical Review of World Energy. June 2018 [Statisticheskiy obzor mirovoy energetiki BP. Iyun' 2018 g.]. 67th Edition. - [Electronic resource]. URL: // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (Date of access: 08.06.2020).
27. 盐田港集团官网 [Yántián gǎng jítuán guānwǎng]. - [Electronic resource]. URL: // http://www.ytport.com/jtgk/jtjs/201810/t20181026_39.html (Date of access: 08.06.2020).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

3rd year student, **Syachin Valeriy Gennad'evich**

International Relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPa, Moscow)

119571, Moscow, prospekt Vernadskogo, 82, str.1
Russia

spartak-t@mail.ru

Associate Professor, Ph.D. in Sociology,

Epshteyn Vitaly Anatolievich

International Relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow), Russian presidential

academy of national economy and public administration (RANEPa, Moscow)

119571, Moscow, prospekt Vernadskogo, 82, str.1
Russia

epshteinv@gmail.com

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ «ОДНА СЕМЬЯ-ОДИН РЕБЕНОК» В КИТАЕ

THE SOCIAL IMPACT OF CHINA'S ONE-CHILD POLICY

*Богаяевская Виктория Викторовна, бакалавриат
Казанский (Приволжский) федеральный университет
79034326190@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются социальные последствия политики «одна семья-один ребенок» в Китае и действия правительства, направленные на стабилизацию общества. Называются такие общественные последствия, как замедление роста населения, увеличение количества граждан пенсионного возраста, гендерный дисбаланс, появление «маленьких императоров». Описывается психологический портрет китайского молодого поколения. Анализируются также причины, почему молодые семьи не стремятся иметь второго ребенка. В конце статьи приводятся альтернативы политике «одна семья-один ребенок».

Ключевые слова: *Китайская Народная республика, политика «одна семья-один ребенок», население Китая, политика ограничения рождаемости в КНР, старение населения, гендерный дисбаланс.*

Для цитирования: *Богаяевская В.В. Социальные последствия политики «Одна семья – один ребёнок» в КНР. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5). 114-122*

ABSTRACT

The social impact of China's one-child policy was analyzed in the article. There are mentioned social consequences such as slowdown of growth of population, increasing of elderly population, gender imbalance, and phenomenon of "little emperors". Young generation's psychological portrait is described. There are also analyzed what the government is doing to stabilize the society. There are also analyzed why parents don't want to have the second child in their families. There are alternative variants to one-child policy in the end of the article.

Keywords and phrases: *China, one child policy, birth control policy in China, one family-two children, population of China, population ageing, gender imbalance.*

For citation: *Bogayevskaya V.V. The social impact of China's one-child policy. Modern oriental studies. 2020; 2(5). 114-122*

Политика «одна семья-один ребенок» проводилась в КНР с 1979 по 2015 год. Послабления начались с 2013 года, так как количество трудоспособных граждан стало ежегодно сокращаться с 2011 года, в 2013 году оно сократилось на 572 тысячи по сравнению с данными за 2011 год [1]. Для того, чтобы решить демографическую проблему в ноябре 2013 года КПК провозгласила политику «одна семья-два ребенка», которую стали проводить все провинции с марта следующего года [2, с.56]. Семьям, которые состояли хотя бы из одного родителя, являвшимся единственным ребенком, разрешалось иметь двоих детей. Однако, новые меры не подтолкнули граждан КНР рожать второго ребенка. Весной 2014 года документально подтвердили только 271,6 тысяч супружеских пар желание иметь второго ребенка [3]. В декабре 2015 года был принят новый закон о народонаселении и планировании рождаемости, который вступил в силу с января 2016 года. Статья 18 гласит, что «государство агитирует за рождение одной супружеской парой двух детей» [4].

Однодетный курс Китая длился несколько десятков лет. За это время страна претерпела социальные и экономические изменения, которые затронули и институт семьи и брака. Руководство осознало, что необходимо завершать старый демографический курс и провозглашать новый. Это решение население встретило оптимистично. Рассмотрим причины, почему правительство направило свою агитацию на рождение двух детей.

Замедление роста населения побудило пересмотреть отношение политического руководства к демографической программе. С 1989

года уровень рождаемости постоянно сокращался [5]. Для городского населения политика «одна семья-один ребенок» стала неотъемлемой частью жизни. В 2005 году американскими социологами был проведен опрос жителей Шанхая. Это исследование показало, что рождение одного ребенка в семье – это осознанный выбор родителей, а не государственная установка [6, р.11]. В Нанкине среднее идеальное число детей в семье это 1,2 для граждан, которым еще не исполнилось 30 лет, и 1,3 для тех, кто старше 30 лет. В крупных городах многие пары ограничивались рождением одного ребенка, так как цены на жилье, образование очень высокие. В итоге, в Пекине, Шанхае, Тяньцзине и других мегаполисах был зафиксирован низкий суммарный коэффициент рождаемости, он составил меньше 0,9 [7, р. 25-26]. В 2008 году был проведен опрос населения исследовательским центром Пью (Pew Research Center), который отметил, что 76% граждан КНР поддерживали однодетную политику [8].

Уровень рождаемости уменьшался, а темпы роста экономики и среднедушевые доходы увеличивались. В 2011 году Китай стал второй экономикой мира [9]. По данным статистики Всемирного банка, в 1990 году коэффициент бедности составлял 66,2, в 2016 году этот показатель снизился до 0,5. [10]. Экономические реформы способствовали росту доходов, они увеличились в 25 раз. В 1990 году – средний доход составлял - 200\$, в 2010 году эта величина достигла 5000\$ [11]. Замедление роста населения сократило финансовую нагрузку на правительственные расходы. К тому же, рынок труда пополнился женщинами, которые больше не были заняты рождением и воспитанием

детей. Сокращение темпов роста населения сильно повлияло на экономический подъем.

Одновременно со снижением уровня рождаемости росло количество пожилых людей. В 2013 году доля населения старше 65 лет приблизилась к 10% [12]. В 2018 году этот показатель составил 11, 9. По шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье-Э.Россета, это преддверие старости. К 2030 году по прогнозу ООН, население Китая старше 65 лет будет составлять 16,9% [13, р.33]. Если уровень рождаемости будет дальше понижаться, а количество пожилых людей увеличиваться, то согласно докладу Академии общественных наук КНР, население достигнет своего пика в 1,44 миллиарда в 2029 году, дальше оно вступит в фазу старения [14].

Старение населения является одним из самых тяжелых последствий политики «одна семья-один ребенок». Пенсионная система в Китае оформилась в 1997 году, но и она постоянно дорабатывалась. Каждый год правительство индексирует пенсионные выплаты в связи с ростом доходов и инфляцией. С 2005 по 2016 год среднемесячная пенсионная выплата выросла до 2400 юаней с 640 юаней [15]. В сельской местности размер пенсии относительно небольшой. В 2017 году ежемесячная выплата составила 125 юаней [16].

Руководству следует уделить внимание не только на пенсионные выплаты, но и на дома для престарелых. Согласно исследованию Пекинского университета, в 2017 году из 460 домов для престарелых в Пекине, две трети частных учреждений пустуют или работают в убыток, так как у пенсионеров нет достаточ-

но средств, чтобы там жить [17]. В сельской местности, где пенсионные выплаты еще меньше, заполняемость ниже. В провинции Аньхой заполняемость достигла 39%. Чтобы решить эту проблему, правительство увеличивает размер субсидий.

Помимо стареющего населения, в Китае есть еще одна социальная проблема – это гендерный дисбаланс. В 2018 году коэффициент соотношения полов новорожденных составил – 113,91 [18]. При сложившейся ситуации в стране отмечается избытие женихов на брачном рынке и недостаток невест, что также скажется на замедлении роста населения и роста численности одиноких стариков.

Регистрация браков в Китае ежегодно сокращается с 2013 года [18]. Представители молодого поколения стремятся к реализации и самосовершенствованию, для них брак не является опорой, а финансовой нагрузкой, особенно для молодого человека. Чтобы жениться на девушке, ему следует иметь свою собственную машину и квартиру и сыграть свадьбу за свой счет. Согласно саммиту свадебных агентств, в Шанхае в 2016 году средняя стоимость свадьбы составила 200000 юаней [19]. У китайских невест большой выбор женихов, они стараются найти самого подходящего избранника с хорошим финансовым положением и образованием. Согласно переписи за 2010 год большинство неженатых мужчин в возрасте от 35 до 39 лет – это мужчины без начального и среднего образования. Мужчины, окончившие старшую школу и университет, имеют больше шансов найти себе жену.

Нехватка невест толкает одиноких сельских мужчин на преступления. Все больше в информационном пространстве появляются новости о торговле невестами. Камбоджа, Индонезия, Лаос, Мьянма, Непал, Северная Корея, Вьетнам и Пакистан являются источниками этого бизнеса – торговли женщинами для продажи в Китай в качестве супруг. Организация "Human Rights Watch" провела расследование по этому делу и задокументировала торговлю невестами в Мьянме. В статье говорится о Сэн Мун, девушке, которой предложили работу в качестве повара с высокой зарплатой в провинции Юньнань. Ее обманули и принудили к насильственному браку. В 2018 году полиция Мьянмы сообщила, что за первые семь месяцев 2018 года они рассмотрели 130 дел, связанных с торговлей людьми, 96 из которых, касались торговли женщинами в Китай [20]. Эта проблема требует совместного урегулирования со стороны правительств КНР и её пограничных государств.

Замедление роста населения, увеличение количества граждан пенсионного возраста и половой дисбаланс непосредственно влияет на экономику государства. Помимо этих трех последствий, есть другие социальные явления. Это поколение «маленьких императоров», детей, которые вырастили родители, бабушки и дедушки с большой любовью и заботой. Многие работодатели, преподаватели и государственные служащие с недоверием относятся к новому поколению, считая их слабыми и эгоистичными.

На данный момент около 90% городских детей и 60% деревенских детей не имеют сестер и братьев [21, р.74]. Безусловно, они будут

отличаться характером и системой ценностей от предыдущих поколений, так как Китай за короткое время совершил экономическое «чудо». Эти благоприятные общественные условия воспитали совсем иное поколение.

Современная молодежь кажется беспомощной и эгоистичной, но в исследовании, проведенном Синьинь Чэном и его коллегами, в их характере были обнаружены положительные черты. Они отличаются большей уверенностью, эмоциональной защищенностью, коммуникабельными и лидерскими чертами. В школах эти дети отличаются хорошим уровнем успеваемости и примерным поведением [21, р.75].

Они имеют больше возможностей получить образование. С каждым годом возрастает количество студентов. С 1990 по 2018 год число молодых людей, обучающихся в университетах, увеличилось приблизительно в 8 раз [22].

Китайская молодежь уверена в завтрашнем дне, они имеют возможности получить хорошее образование и работу. Большая поддержка со стороны родителей и других родственников дает им стабильности в жизни. В 2010 году в рамках исследования Euro RSCG Millennial Survey было опрошено 2500 миллениалов в возрасте от 18 до 24 лет в Китае, Франции, Индии, Великобритании и США. Большинство посчитали, что через 20 лет мир будет более загрязненным (79%), более опасным (74%), менее мирным (63%) и менее равноправным между богатыми и бедными. Только респонденты из Китая и Индии предположили, что в мире станет еще больше богатых и равноправных людей [23, р.40]. Эта вера в беззаботную жизнь находит отражение и в покупке

дорогих вещей. По статистике, молодые люди тратят в год более 7000 \$, больше чем, их сверстники в США и Великобритании [24]. Экономика Китая непрерывно растет, поэтому представителям молодого поколения не нужно задумываться об экономии средств, в отличие от европейских ровесников, которые испытали давление от мирового финансового кризиса 2008 года.

Не только брендовые компании, но и рынки недвижимости оказались под влиянием «маленьких императоров». Все больше китайцев покупают жилье в Австралии при помощи своих родителей [25].

Родители играют большую роль в жизни своих детей. Они помогают в получении образования и покупке жилья. Все делается для того, чтобы их ребенок вступил в брак. На китайском телевидении популярны шоу знакомств, где именно родители выбирают для своих детей избранников. Такие телепередачи нравятся зрителям потому, что они отражают действительность. Родители выбирают для своих детей университеты, профессии и вторых половинок.

Отметим, что «маленькие императоры» не стремятся только к покупке роскошных вещей. Они ценят себя и свое время. Повышение уровня жизни и грамотности воспитали другое поколение. Доказательством может служить забастовки на заводах, одна из самых крупных случилась в 2014 году на заводе IBM в Шэньчжэне, в ней участвовало более 1000 сотрудников [26]. В прошлое время деревенская молодежь работала на заводских предприятиях в тяжелых условиях, чтобы отправлять деньги своим семьям. Теперь многие хотят иметь достаточно средств, чтобы переехать в город и иметь интересную и высокооплачиваемую работу.

«Маленькие императоры» живут не только в Китае, но и в других странах, так как по всему миру уровень благосостояния и качества жизни растут каждый год. Это «клубничное поколение» в Тайване, поколение Сатори в Японии, поколение N-по в Южной Корее и поколение «снежинок» на Западе. Однако, не все единственные дети несамостоятельные и эгоистичные, прежде всего их воспитание зависит от родителей и окружения.

Однодетный курс страны принес много изменений, с которыми сталкиваются молодые китайцы. Текущие условия жизни и новые призывы со стороны правительства не всегда совмещаются. С 2016 года власти поощряют население иметь в семьях больше двух детей ввиду вышеперечисленных пагубных последствий. Однако, не все женщины стремятся следовать рекомендациям правительства. Для одних вырастить одного ребенка, дать ему хорошее образование – это большая нагрузка на бюджет семьи. В стране высокая конкуренция среди молодежи на рынке труда, поэтому многие родители стараются отдать все свои силы и средства на воспитание одного успешного ребенка, который им поможет в будущем. В статье газеты “The Guardian” описывают состояние молодых родителей провинции Ляонин. В этой части Китая когда-то был промышленный подъем, который благоприятно сказался на развитии инфраструктуры, но сейчас регион стагнирует, его местные жители не решаются на рождение второго ребенка [27].

Ввиду тяжелых социальных последствий, ученые задумались, необходим ли был тотальный контроль со стороны правительства по ограничению рождаемости, так как в других

азиатских странах также замедлился рост населения страны благодаря экономическому подъёму. Например, в Таиланде общий коэффициент рождаемости в 1950-е был 6.1, в 1990-е он снизился до 2.9 [28]. Другие являются сторонниками эксперимента Лян Чжунтана, в 1980-е директора института народонаселения при Академии общественных наук провинции Шаньси. По его предложению местные власти уезда Ичэн разрешили замужним женщинам иметь второго ребенка при 2 условиях: они должны были родить первого ребенка после 24 лет, второго - после 30 лет. Меры Лян Чжунтана не получили одобрения в центральном правительстве, эксперимент остался на локальном уровне. Согласно данным переписи населения с 1982 по 2000 год, численность населения в Ичэне выросла на 20,7% по сравнению со средним показателем по стране - 25,5% и средним показателем по провинции 28,4% [29]. Такой метод периодических рождений мог бы сгладить стремления правительства сократить уровень рождаемости, предотвращая волны недовольства у населения, прежде всего деревенских жителей. Дети всегда были опорой у пожилых родителей, но в современных условиях одинокие старики ищут поддержку в лице государства. Такие семьи в Китае называют «шиду цзятин» (失独家庭). Согласно отчету Национального комитета по проблемам старения, в 2013 году существует, по меньшей мере, один миллион семей, потерявших единственного ребенка [30]. Эта статистика будет увеличиваться с каждым годом, так как сокращается количество браков и увеличивается число одиноких мужчин. Постепенно руководство страны

увеличивает размеры выплат. В 2012 году минимальное пособие на человека в месяц составляло 135\$, в 2018 году оно было повышено до 450\$ [31]. Можно сделать предположение, что мягкие правительственные меры, усиленная пропаганда в деревнях и экономический подъем не спровоцировали бы такие сильные изменения, которые мы наблюдаем в современном китайском обществе. Одинокие старики — это финансовая нагрузка на правительство и трудоспособное население.

Обсуждения правильности однодетного курса Китая продолжаются до сих пор, однако, она выполнила свою первостепенную задачу – снижение уровня рождаемости. Последствия, такие как старение населения и нежелание молодых людей иметь второго ребенка, присутствуют во многих развитых странах. Новая возрастная структура – это свидетельство достижений человечества в процессе снижения уровня смертности. Сейчас Китай, как и другие страны со стареющим населением находится в процессе нового демографического перехода, в котором установится новый тип воспроизводства. Изменится структура нагрузки: уменьшилось число иждивенцев-детей и увеличилось число иждивенцев-пожилых. Правительство КНР теперь будет вынуждено сконцентрировать свою политику на новых направлениях: поддержка граждан пенсионного возраста и молодых семей.

ЛИТЕРАТУРА/BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Статистический бюллетень по экономическому и социальному развитию (2013). 2013年国民经济和社会发展统计公报.

- (2013 Нянь Гоминь Цзинци Хэ Шэхуэй Фачжань Тунци Гунбао). [Электронный ресурс] / - Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140224_514970.html, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020)
2. Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «одна семья-один ребенок». // Демографическое обозрение. - 2017. - Т.4. - №2. - С.53-64.
  3. В Китае свое желание обзавестись вторым ребенком документально подтвердили свыше 270 супружеских пар. [Электронный ресурс]. // Жэньмин Жибао. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0711/c31516-8754391.html>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
  4. Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» (в редакции 2015 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.)
  5. China Statistical Yearbook 2018 [Электронный ресурс]. China Statistics Press, 2018. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.).
  6. Zheng Zhenzhen, Baochang Gu, Stuart Gietel-Basten. Fertility preferences in China, 1970-2010. // Family Demography in Asia: A Comparative Analysis of Fertility Preferences/ John Casterline, Minja Kim Choe, Stuart Gietel-Basten. 2018. Edward Elgar Publishing. – 416p.
  7. Basten S., Gu. Has China fallen into the “low fertility trap”? //Population: the long view. St.John`s College, Oxford, 2013. - P. 25-26
  8. The 2008 Pew Global Attitudes Survey in China: THE CHINESE CELEBRATE THEIR ROARING ECONOMY, AS THEY STRUGGLE WITH ITS COSTS Near Universal Optimism About Beijing Olympics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2008/07/22/the-chinese-celebrate-their-roaring-economy-as-they-struggle-with-its-costs/>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.)
  9. Рейтинг самых богатых стран мира по ВВП (2011). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.classora.com/reports/t24369/ranking-of-the-worlds-richest-countries-by-gdp?edition=2011>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.)
  10. Уровень нищеты граждан снизился с 88% 1981 года до 0,7% 2015 года. (Коэффициенты бедности в Китае. [Электронный ресурс]. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=CN>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
  11. Elizabeth Stuart. China has almost wiped out urban poverty. Now it must tackle inequality. [Электронный ресурс] // The Guardian. - 2015. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2015/aug/19/china-poverty-inequality-development-goals>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020)

12. China Statistical Yearbook 2018 [Электронный ресурс]. – China Statistics Press, 2018. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.).
13. World Population Ageing 2019. Highlights. United Nations New York, 2019. – 46p.
14. Зеленая книга о народонаселении и труде: 19-й доклад, посвященный проблемам демографии и занятости. 人口与劳动绿皮书: 中国人口与劳动问题报告No.19. (Жэнькоу Юй Лаодун Люпишу Чжунгожэнькоу Юй Лаодун Вэньти Баогао). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ssap.com.cn/c/2019-01-03/1074956.shtml>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
15. Yang Yi. China continues to raise pensions for retirees. [Электронный ресурс]//Xinhua. – 2019. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2019-03/21/c_137912554.htm, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
16. Yamei. China raises minimum standard of basic pensions. [Электронный ресурс]//Xinhua. – 2018. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/14/c_137178445.htm, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
17. China's private nursing homes out of reach for most of elderly. [Электронный ресурс]// Financial Times. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/6c49c46e-14bc-11ea-9ee4-11f260415385>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
18. Национальное бюро статистики Китая. Ежегодные данные. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.).
19. Karoline Kan. Chinese Dating Show Puts Veto Power in Parents' Hands. [Электронный ресурс]// The New York Times. – 2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/02/16/world/asia/china-marriage-dating-parents-television.html>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
20. Human Rights Watch. "Give Us a Baby and We'll Let You Go" Trafficking of Kachin "Brides" from Myanmar to China. [Электронный ресурс]- 2018. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2019/03/21/give-us-baby-and-well-let-you-go/trafficking-kachin-brides-myanmar-china>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
21. Chen Xuefeng. The social impact of China's one-child policy. [Электронный ресурс] // Harvard Asia Pacific Review. – 2003. P. 74-76. Режим доступа: https://web.mit.edu/lipoff/www/hapr/summer03_security/CHEN.pdf, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
22. China Statistical Yearbook 2019 [Электронный ресурс]. – China Statistics Press, 2020. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020.).
23. Kimball G. How Global Youth Values Will Change Our Future. Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 300p.

24. China's confident and carefree Generation Z spend over US\$7,000 a year on luxury goods. [Электронный ресурс]. // South China Morning Post. – 2019. Режим доступа: <https://www.scmp.com/business/money/wealth/article/2183410/chinas-confident-and-carefree-generation-z-spend-over-us7000>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
25. Narayanan Somasundaram. China's little emperors prop up Aussie housing with parents' aid. [Электронный ресурс]. // The Sydney Morning Herald. – 2016. Режим доступа: <https://www.smh.com.au/business/companies/chinas-little-emperors-prop-up-aussie-housing-with-parents-aid-20160331-gnup67.html>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
26. IBM Шэньчжэнь Гунчан Цянь Жэнь Багун Шицзянь. (IBM深圳工厂千人罢工事件). [Электронный ресурс]. <https://baike.baidu.com/item/IBM深圳工厂千人罢工事件/13211877?fr=aladdin>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
27. Lily Kuo, Xueying Wang. Can China recover from its disastrous one-child policy? [Электронный ресурс]// The Guardian. – 2019. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/02/china-population-control-two-child-policy>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
28. Уровень рождаемости в Таиланде. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=TH>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
29. Li Xueqing. Pioneer of Two-Child Policy Ignored for Three Decades. [Электронный ресурс]// Sixth Tone. – 2016. Режим доступа: <http://www.sixthtone.com/news/907/pioneer-of-two-child-policy-ignored-for-three-decades>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
30. Fan Liya. China's one-child policy has a legacy of bereaved parents facing humiliation and despair. [Электронный ресурс]// South China Morning Post. – 2017. Режим доступа: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/long-reads/article/2107155/chinas-one-child-policy-has-legacy-bereaved>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).
31. Насколько повысятся пособия для семей, потерявших единственного ребенка в 2019 году? 2019年失独补助上调多少. (2019 нянь шиду бучжу шандяо дошао. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wenda.bendibao.com/live/2019621/21663.shtm>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2020).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bogaevskaya Victoria Victorovna, bachelor

Department of Altaic and Chinese Studies,

Institute of International Relations

Kazan (Volga region) Federal University

79034326190@yandex.ru

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР И ИНТЕРЕСЫ РФ

CHINA'S ARCTIC POLICY AND INTERESTS OF RUSSIA

*Акимова Валерия Гертовна, магистр международных отношений
Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
zvg1997@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

С 1980-х годов КНР планомерно наращивает свое присутствие в Арктике. В статье актуализируются интересы страны в регионе и основные направления ее деятельности, определяются этапы становления и развития арктической стратегии Китайской Народной Республики, а также анализируется базовый правительственный документ, регулирующий арктическую политику – Белая книга «Арктическая политика Китая» 2018 года. В процессе реализации политической стратегии в Арктике Китай стремится находить баланс между собственными интересами и суверенными интересами арктических государств, создавая условия для лучшего понимания международным сообществом принципов политики страны в арктическом регионе. В исследовании также определяются направления взаимодействия России и Китая в Арктике и точки соприкосновения их интересов, делается вывод о взаимной выгодности партнерства между двумя странами. Рассматриваются проблемные области взаимодействия, включая вопрос глобального управления в Арктике, в котором российская сторона подчеркивает приоритет суверенных прав арктических государств, а китайская сторона склоняется к необходимости расширения круга государств, способных принимать решения относительно будущего Арктики. В краткосрочной и долгосрочной перспективе прогнозируется большая активизация деятельности Китая на арктическом направлении и углубление международного арктического сотрудничества между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, арктическая стратегия, Белая книга «Арктическая политика Китая», сотрудничество России и Китая в Арктике, интересы России

Для цитирования: Акимова В.Г., Мартынов Д.Е. Арктическая политика КНР и интересы РФ. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2 (5): 123-131

ABSTRACT

Since the 1980s, China has increased its presence in the Arctic. The article actualizes the country's interests in the region and the main directions of its activities, determines the stages of the formation and development of the Arctic strategy of the People's Republic of China, and analyzes the basic government document regulating the Arctic policy – the White Paper titled «China's Arctic Policy» (2018). China seeks to strike a balance between its own interests and the sovereign interests of the Arctic states, creating conditions for a better understanding the principles of country's policy in the Arctic region. The article identifies the areas of interaction between Russia and China in the Arctic and the common ground of their interests, concludes that the partnership between the two countries is mutually beneficial. In the short and long term, China is expected to intensify its activities in the Arctic and deepen international Arctic cooperation between Russia and China.

Keywords and phrases: People's Republic of China, Arctic Strategy, White Paper “China's Arctic Policy”, Russian-Chinese cooperation in the Arctic, Russian interests

For citation: Akimova V.G., Martynov D.E. China's Arctic policy and interests of Russia. Modern Oriental Studies. 2020; 2 (5): 123-131

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрастает роль арктического региона, как нового центра международно-политического сотрудничества, экономического взаимодействия, энергетического развития и научных исследований. Истощение арктического морского льда открывает доступ к природным ресурсам и новые, более короткие, маршруты судоходства, что стимулирует неарктические государства к участию в арктическом диалоге. Весомым аргументом для их проникновения в регион является проблема климатических изменений в Арктике, которая представляет риск для развития всего мирового сообщества¹.

Среди неарктических государств, оказывающих значительное влияние на развитие Арктики, Китайская Народная Республика (КНР) занимает наиболее активную позицию. Необходимость решения глобальных проблем путем мирного взаимодействия всех заинтересованных стран, а значит расширение круга неарктических акторов, влияющих на принятие решений в Арктике, отвечает идеям китайской концепции «Сообщества единой судьбы» (кит. 人类命运共同体). В то же время анализ экономических и военно-политических возможностей страны позволяет исследователям прогнозировать противостояние великих держав (КНР, США, РФ) в регионе².

Активное проникновение Китая и усиление конфликтности в Арктике затрагивает интересы России как богатейшего по территории и ресурсам арктического государства. В связи с чем существует необходимость понимания

основ арктической политики Китая, а также перспектив и рисков российско-китайского взаимодействия в регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С 1980-х годов, под действием политики реформ и открытости КНР планомерно наращивает свое присутствие в Арктике. Стойкий интерес страны к развитию региона обусловлен комплексом взаимосвязанных причин, отражающих основные направления деятельности Китая в Арктике.

Во-первых, энергетика страны не поспевает за растущими потребностями интенсивного экономического развития, в связи с чем Китай постоянно испытывает нехватку энергетических ресурсов. Стратегическим планом действий по развитию энергетики на 2014-2020 года, опубликованным Госсоветом КНР, в качестве одной из задач обеспечения энергетической безопасности принято расширение международного сотрудничества, инвестиционной и торговой деятельности с зарубежными партнерами в области энергетики. Действующими направлениями деятельности в Арктике являются изучение, геологоразведка и применение технологий промышленного освоения природных ресурсов Арктики, содержащей в своих недрах от 13 до 25% мирового запаса углеводородов и других полезных ископаемых [Погодин, 2017, С.4].

Во-вторых, арктический регион обладает значительным потенциалом для реализации транспортно-торговых проектов. Перспективы использования арктических путей (Северного морского пути (Северо-Восточного), Центральном-

¹Флагманское исследование ООН показывает ускорение изменения климата на суше, на море и в атмосфере. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/03/1059061> (дата обращения: 29.06.2020)

²America's Arctic Moment: Great Power Competition in the Arctic to 2050. URL: <https://www.csis.org/analysis/americas-arctic-moment-great-power-competition-arctic-2050> (date of the request: 29.06.2020)

го (Трансполярного) и Северо-Западного) отвечают интересам Китая, который нацелен на становление в качестве морской и сохранение статуса экономической державы. В настоящее время на КНР приходится уже более 20 % мировой торговли, свыше 70% импорта и 55% экспорта осуществляется морским транспортом. При этом Северный морской путь (СМП), контролируемый Россией, имеет особое значение для торговой деятельности, являясь более безопасным, менее протяженным и менее загруженным по сравнению с традиционными путями через Суэцкий и Панамский каналы в Европу [Погодин, 2017, С.40].

В-третьих, Китай заинтересован в изучении особенностей изменения арктического климата и его воздействия на окружающую среду, погодные условия и экономику страны. Именно в этих направлениях в основном сосредоточена научно-исследовательская деятельность страны в Арктике. С 1999 года китайскими учеными проведено 26 арктических экспедиций (таблица 1), из них не менее одного раза

в два года проводятся самостоятельные арктические научные исследования на отечественных исследовательских ледоколах «Сюэлун-1», «Сюэлун-2» и с 2004 года ежегодно работа ведется на постоянно действующей арктической станции «Хуанхэ» [Филиппова, 2019, С. 285].

Наконец, возможности углубления деятельности в трех указанных направлениях значительно сужаются без политической активности в международных организациях и правовых режимах, регулирующих взаимодействие в Арктике. Китай является участником Конвенции по морскому праву 1982 года и ряда других многосторонних договоров, с 1996 состоит в Международном арктическом научном комитете, с 2013 года на правах наблюдателя участвует в работе Арктического совета, регулярно отправляет свои делегации на такие международные арктические форумы, как «Арктика: Территория диалога» (Россия), «Арктические рубежи» (англ. «Arctic Frontiers», Норвегия), «Северный полярный круг» (англ. «Arctic Circle», Исландия).

Таблица 1 Основные направления деятельности Китая в Арктике (1981-2019)³

Год	Событие
1981	Начало формирования программы полярных исследований с созданием Национального комитета КНР по экспедициям в Антарктику (с 1996 года – Администрация Арктики и Антарктики КНР, с 2018 года подчиняется Министерству природных ресурсов КНР)
1989	Создан первый исследовательский институт, специализирующийся на изучении арктического региона – Институт полярных исследований КНР (Шанхай)
1993	Приобретен и опробован украинский ледокол, переоборудован под исследовательский и назван «Сюэлун-1» («Снежный дракон-1»)
1996	Китай присоединился к Международному арктическому научному комитету
1999 - 2019	Проведено 10 самостоятельных арктических научных исследований (1999, 2003, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2017, 2018, 2019) и 16 ежегодных экспедиций китайской арктической станции «Хуанхэ» (с 2004 года)

³ Таблица составлена на основе энциклопедии китайских полярных экспедиций [2], работы Л.В. Филипповой [8] и монографии С.П. Погодина и Ван Цзюньтао [9]

Таблица 1 Основные направления деятельности Китая в Арктике (1981-2019). Продолжение

Год	Событие
2007	Представители из Китая впервые приняли участие в работе Арктического совета
2004	Открыта первая китайская арктическая станция «Хуанхэ» («Желтая река») на Шпицбергене (Норвегия), проведена первая экспедиция исследователями станции
2013	Получен статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете , «НОВАТЭК» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) в рамках ПМЭФ подписали соглашение о сотрудничестве по проекту «Ямал СПГ»; в августе Китайская компания океанских перевозок (COSCO) впервые отправила коммерческий груз на контейнеровозе Юншэн (YongSheng) по СМП
2016	Открыта северная полярная наземная станция дистанционного зондирования в Киркенесе (Норвегия), проведена первая российско-китайская научная экспедиция
2018	На воду спущен второй китайский ледокол «Сюэлун-2» («Снежный дракон-2»), построенный на китайских верфях по финскому проекту; открыта китайско-исландская арктическая научная обсерватория; опубликована Белая книга КНР по арктической политике

Анализ динамики арктической деятельности Китая по указанным направлениям и материалам таблицы 1 позволяет выделить два исторических этапа ее развития:

- 1980-1990-е года, когда Китай начал формировать свою программу полярных исследований, учредил орган, ответственный за ее реализацию (Национальный комитет по экспедициям в Антарктику) и участвовал в исследовательских экспедициях арктических стран;

- с 2000-х годов деятельность Китая в Арктике получает импульс, начинают активно реализовываться самостоятельные исследования и проекты (их количество в последние годы стабильно возрастает), среди них создание станции «Хуанхэ» и строительство «Сюэлун-2»; активизируется участие КНР в многосторонних арктических организациях (Арктический совет) создаются китайские научно-исследовательские центры по изучению Арктики [Забелла, 2019, С.173].

Таким образом, усиление присутствия Китая в арктическом регионе вызвано наличием взаимообусловленных энергетических, экономических, исследовательских, политических интересов (расположенных в вероятном порядке убывания их приоритетности). Можно утверждать, что необходимость арктических научных исследований представляется самой обоснованной формой участия КНР в развитии Арктики, обеспечивая легитимизацию амбиций страны в разработке энергетических ресурсов и коммерческого использования арктических путей [Махмутов, 2016, С. 17].

Политические устремления КНР в Арктике трактуются неоднозначно. С одной стороны, китайскими исследователями и даже официальными лицами высказывается мнение о том, что истинной целью политики Китая в регионе является «интернационализация» Арктики путем заключения глобального соглашения или создания глобального института, в котором

арктические и неарктические заинтересованные государства будут на равных условиях принимать решения относительно развития региона [Загорский, 2019, С. 78]. Эта идея нашла отражение в политике сближения Китая с другими сильными неарктическими государствами и малыми арктическими странами. Например, Китай, Южная Корея и Япония с 2016 г. проводят трехсторонние встречи на высшем уровне по арктической повестке⁴. Несмотря на сложные отношения между странами, в перспективе они способны выступать единым фронтом в деле интернационализации арктического региона. Одновременно Китай стремится заручиться поддержкой малых арктических стран, среди которых наиболее успешно отношения развиваются с Исландией и Данией [Журавель, 2018, С. 182]. Между Исландией и Китаем с 2013 года действует соглашение о свободной торговле.

С другой стороны, Китай участвует в работе Арктического совета в качестве наблюдателя, а значит им приняты условия, выдвинутые арктическими странами. Среди них критерий уважения суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике. В январе 2018 года с целью конкретизации своей арктической стратегии КНР опубликовала Белую книгу «Арктическая политика Китая»⁵. Провозглашая в качестве одной из целей «участие в управлении Арктикой», Китай не отрицает необходимость создания всеобъемлющего документа по арктическим вопросам и подтверждает приоритет национальной юрисдикции и суверенитета арктических государств. Однако в стратегии подчеркивается важность решения всех возникающих вопросов на основе ба-

ланса интересов заинтересованных государств согласно существующим нормам международного права (базовым документом выступает Конвенция по морскому праву 1982 года).

В стратегии отмечается, что Китай является «околоарктическим» (приарктическим) государством, то есть одним из неарктических государств, наиболее приближенных к Полярному кругу и экологически, климатически, экономически зависящих от состояния арктической экосистемы. Кроме того, в документе упоминается концепция «Полярный Шелковый путь» и подчеркивается его тесная связь с инициативой «Пояса и пути». При этом продвижение экономических интересов Китая строится на таких базовых принципах, как «уважение, сотрудничество, взаимная выгода и устойчивое развитие» (3 глава). В последней главе («Основные политические предложения Китая для участия в арктических делах») определены направления деятельности КНР в Арктике, сформулированные в виде пяти политических позиций:

- непрерывное исследование и познание Арктики;
- охрана окружающей среды, в частности своевременное реагирование на климатические изменения в регионе;
- рациональное использования ресурсов Арктики в рамках норм международного права;
- международное сотрудничество и активное участие в управлении Арктикой;
- содействие миру и стабильности в регионе [Куан, 2019, С. 87].

⁴ 4th ROK-Japan-China Trilateral High-Level Dialogue on Arctic to Take Place. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=320573 (date of the request: 29.06.2020)

⁵ Арктическая политика Китая (=中国的北极政策) [Электронный ресурс]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm (дата обращения: 29.06.2020)

Таким образом, в процессе реализации политической стратегии в Арктике Китаю приходится балансировать между собственными интересами по расширению присутствия в регионе и суверенными интересами арктических государств, создавая условия для лучшего понимания международным сообществом политики и позиций страны в арктическом регионе.

Особое место в арктической политике КНР занимает сотрудничество с Россией, располагающей 40 % территории Арктики (9 млн кв. км). Интересы двух стран в развитии арктического региона имеют точки соприкосновения, а сотрудничество в настоящее время и в перспективе способствует получению взаимной выгоды, особенно в энергетической и транспортной сферах.

Сотрудничество в сфере энергетики способно решить вопрос энергозависимости КНР, способствуя покрытию импортных потребностей в энергоресурсах на 50 % и более, а также может дать импульс экономическому развитию российских арктических регионов. На данной направлении две страны уже добились результатов. Действует проект «Ямал СПГ» – крупнейшее предприятие по производству сжиженного природного газа в РФ с совокупной долей мирового рынка данного вида углеводородов около 5%. Китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC и Фонд шёлкового пути владеют 20% и 9,9% акций проекта соответственно [Петровский, 2018, С. 176].

Другим эффективным направлением взаимодействия является освоение СМП, контролируемого РФ. Белой книгой 2018 года подчеркивается стремление Китая по договоренности

с арктическими государствами создавать морские торговые пути в Арктическом регионе в рамках инициативы «Полярный Шелковый путь», в том числе развивать СМП. В августе 2013 года Китайская компания океанских перевозок (COSCO) впервые отправила коммерческий груз на контейнеровозе Юншэн (YongSheng) по СМП. В Белой книге также обозначена необходимость и способность Китая оказывать помощь в развитии инфраструктуры арктических стран для ее дальнейшей эксплуатации в экономических целях. Это отвечает и интересам России, находящейся в поисках источников финансирования экономического развития северных территорий. Однако китайская сторона выражает недовольство тарифной политикой России по использованию СМП и фрахту ледоколов. Такая позиция имеет свои основания, потому что высокая стоимость услуг транспортировки способна снизить коммерческую рентабельность и конкурентоспособность маршрута [Петровский, 2018, С. 174].

Необходимо отметить, что в отношениях с Россией Китай действует в духе прагматизма, активно инвестируя и взаимодействуя в тех областях, где риск неудачи наиболее низок [Петровский, 2018, С. 174]. Так, перспективный проект по строительству глубоководного района морского порта Архангельск должен был выйти на этап реализации в 2020 году: строительные-монтажные работы, закуп технологического оборудования, пуско-наладочные работы и запуск в эксплуатацию согласно плану приходится на 2020–2023 года. Однако в июле 2019 года проект отправили на доработку и в качестве наиболее оптимистичных сроков запуска в эксплуатацию указали 5 лет. Также

остаётся нереализованным проект по строительству Белкомура с китайским участием, который в настоящее время только на этапе разработки финансовой и организационной схемы реализации.

Исследовательская сфера взаимодействия двух стран в Арктике представляется наименее конфликтной. Сотрудничая с Китаем в данной области, Россия способна увеличить количество фундаментальных арктических изысканий с меньшими затратами, предоставляя взамен китайским ученым доступ к исследуемым зонам в рамках двусторонних и многосторонних исследований. Примером совместной научной активности является проведенная с 19 августа по 20 сентября 2016 года первая российско-китайская научная экспедиция.

Несмотря на существенное совпадение интересов и перспективы российско-китайского взаимодействия в Арктике, в политическом поле видение арктического будущего воспринимается двумя странами по-разному. Россия настаивает на приоритете прав арктических государств в регионе и соответственно ограничении круга стран, способных принимать реальные политические решения. Китай же, не имея подобных привилегий, стремится открыть Арктику для таких как сама КНР заинтересованных в развитии региона акторов с целью защиты собственных экономических интересов и продвижения своих глобальных инициатив [Цинь, 2018, С. 162].

ВЫВОДЫ

Политика Китая по продвижению интересов в Арктике обосновывается возможностью

доступа к обширной ресурсной углеводородной базе региона, экономическими перспективами использования арктических транспортных путей, необходимостью проведения экологического, климатического мониторинга и др. Активизация деятельности КНР в Арктике по указанным направлениям в последние годы привела к ситуации, когда перед страной встает задача нахождения равновесия между собственными интересами по расширению присутствия в регионе и суверенными интересами арктических государств. Важной задачей китайского руководства становится создание условий для лучшего понимания международным сообществом политики и позиций страны в арктическом регионе. Данную задачу выполняет Белая книга «Арктическая политика Китая», изданная в январе 2018 года и разъясняющая основы арктической стратегии страны. Арктическая политика КНР осуществляется сбалансированно и осторожно, на основе соблюдения норм международного права и приверженности принципам «уважения, сотрудничества, взаимной выгоды и устойчивого развития».

Особое значение в арктической стратегии Китая уделяется международному сотрудничеству с арктическими странами, среди которых важную роль играет Россия. Страны рассматривают друг друга как ключевых партнеров по развитию Арктики. Взаимная выгода сотрудничества заключается в возможности для РФ распределить финансовую нагрузку по освоению российской арктической зоны, модернизации существующих и строительству новых инфраструктурных объектов на всем протяжении СМП. КНР способна получать значительную

прибыль от торговой, транспортной и энергетической деятельности вдоль СМП. В краткосрочной и долгосрочной перспективе следует ожидать большей активизации работы Китая на арктическом направлении и расширение сфер международного сотрудничества. Оптимальным подходом в выстраивании двусторонних отношений в Арктике представляется гарантирование экономических преференций и стабильности сотрудничества для китайских партнеров в обмен на политическую поддержку Китаем суверенных прав России на арктические территории, в частности в отстаивании позиции РФ по вопросу расширения границ ее континентального шельфа в Арктике.

ИСТОЧНИКИ

1. Арктическая политика Китая (=中国的北极政策) [Электронный ресурс]. URL: // http://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm (дата обращения: 29.06.2020)
2. Энциклопедия Китайских Полярных Экспедиций (=Chinese Polar Expedition Encyclopedia) [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.polar.org.cn/en/expeditionList/> (дата обращения: 29.06.2020)

ЛИТЕРАТУРА

3. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016 / [Т.А. Махмутов и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 56 с.
4. Журавель В.П. Россия и азиатские страны

Арктического совета: проблемы взаимодействия // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 194-200.

5. Забелла А.А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. С. 166-175.
6. Загорский А.В. Китай принимает условия в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. т. 63, № 7. С. 76-83.
7. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2018. т. 23, № 23. С. 171-182.
8. Погодин С. Н. Международная деятельность Китая в Арктике / С. Н. Погодин, Ван Цзюньтао. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 156 с.
9. Филиппова Л.В. Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. т. 24, № 24. С. 279-295.
10. Цзэнцзюнь К., Кайфэй О. Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. т. 63, № 7. С. 84-91.
11. Цинь Дун, Лукин А.Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 158-167.

RESOURCES AND BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. China's Arctic Policy (=中国的北极政策). URL: // http://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm
2. Chinese Polar Expedition Encyclopedia. URL: // <http://www.polar.org.cn/en/expeditionList/>
3. Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects (2016), Report No. 26/2016 / [T.A. Makhmutov and others]; [Ch. Ed. IS Ivanov]; The Russian Council for International Affairs (INF). - Moscow: NP RNMD, 2016. 56 p.
4. Zhuravel, A.P. (2018) Rossiya i aziatskie strany Arkticheskogo soveta: problemy vzaimodeystviya [Russia and Asian states of the Arctic Council: problems of interaction]. Scientific and Analytical Herald of IE RAS. no. 2. pp. 194-200.
5. Zabella, A.A. (2019) Celi i interesy Kitaya v Arktike [China's goals and interests in the Arctic]. Bulletin of Moscow State Regional University. no. 4. pp. 166-175.
6. Zagorskii A.V. (2019) Kitaj prinimaet usloviya v Arktike [China accepts rules in the Arctic]. World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 7, pp. 76-83.
7. Petrovskii V.E., Filippova L.V. (2018) Strategiya Kitaya po osvoeniyu Arktiki i perspektivy rossiiskokitaiskogo sotrudnichestva v regione [China's strategy for the development of the Arctic and prospects for Russo-Chinese cooperation in the region]. Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. vol. 23, no. 23, pp. 171-182.
8. Pogodin S.N., Van Juntao (2017) Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Kitaya v Arktike [China's international activities in the Arctic]. Saint-Petersburg: SPbPUPublishing. 157 p.
9. Filippova L.V. (2018) Nauchnyj potencial Kitaya v Arktike [China's scientific potential in the Arctic]. Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. vol. 24, no. 24, pp. 279-295.
10. Zengjun Kuang, Kaifei Ou (2019) Novaya politika Kitaya po Arktike [China's new Arctic policy]. World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 7, pp. 84-91.
11. Tsin Dun, Lukin A.L. (2018) Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Arktike i rossijskij Dal'nij Vostok [The prospects for Russia-China collaboration in the Arctic and the Russian Far East]. Ojkumena. Regional researches. no. 4. pp. 158-167.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

MIA, Akimova Valeriya

Associate Professor, PhD in History,

Martynov Dmitry

Department of International Relations, World Politics and Diplomacy

Kazan Federal University

420008, Kazan, Pushkin str. 1/55

Russia

zvg1997@mail.ru

*Принята к публикации: 09.09.2020**Submission Date: 09.09.2020*

РЕЦЕНЗИЯ/REVIEW¹: MAISSEN T. AND MITTLER B. WHY CHINA DID NOT HAVE A RENAISSANCE – AND WHY THAT MATTERS: AN INTERDISCIPLINARY DIALOGUE. – BERLIN; BOSTON : WALTER DE GRUYTER, 2018. XVII, 240 PP. (CRITICAL READINGS IN GLOBAL INTELLECTUAL HISTORY; VOLUME 1)

ISBN 9783110573961

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент

Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

dmitrymartynov80@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: Maissen T., Mittler B. Why China did not have a renaissance – and what that matters: an interdisciplinary dialogue. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(5). 132-137

FOR CITATION:

Martynov D., Martynova Y. Review: Maissen T., Mittler B. Why China did not have a renaissance – and what that matters: an interdisciplinary dialogue. Modern oriental studies. 2020; 2(5). 132-137

Так сложилось, что авторы этих строк настороженно относятся к любым попыткам широких обобщений в области интеллектуальной истории. В наших рецензиях и обзорных статьях, увидевших свет на страницах «Современных востоковедческих исследований» и сборника конференции «Россия – Китай», неоднократно подчёркивалось, что смелые сопоставления между веками и континентами являются либо следствием «моды» на транскультурализм, либо потворством политическому давлению в западной университетской среде, либо попросту следствием недостаточного профессионализма авторов. Не скроем, мы

испытали приступ когнитивного диссонанса, когда взяли в руки книгу с модно-хлёстким названием «Почему в Китае не было Ренессанса и почему это имеет значение?», изданную по-английски известным академическим издательством Вальтера Де Грютера, да ещё и обозначенную как «междисциплинарный диалог». По мере продвижения по тексту недоверие рассеивалось, и в конце концов было решено, что российские специалисты заслуживают знакомства с новейшими достижениями немецкой синологии, которые подтверждают традиционно высокий статус немецкой востоковедческой и культурологической гуманитарии.

¹ Статья опубликована в рамках проекта, поддержанного РФФИ, № 20-09-00385: «Российское востоковедение и вклад ученых-ориенталистов немецкого происхождения: Казань – Санкт-Петербург (XVIII – XIX вв.)»

Авторами рецензируемой работы являются высокопрофессиональные исследователи. Синолог Барбара Миттлер (род. 1968), получила образование в Германии, Великобритании и на Тайване, является одним из руководителей проекта «Азия и Европа в глобальном контексте», который стартовал в 2007 г. на базе Гейдельбергского ун-та. Она является действительным членом германской академии наук «Леопольдина»; удостоена награды Американского философского общества за своё исследование популярности Мао Цзэдуна в современном Китае. Томас Майсен (род. 1963) – профессор Гейдельбергского университета, родился и получил образование в Швейцарии, длительное время работал в университете Люцерна. Является действительным членом Гейдельбергской академии наук, с 2013 г. возглавляет Немецкий исследовательский институт в Париже. Являясь по специальности классическим филологом, он преимущественно занимается проблемами истории идей и историографии в Европе после эпохи Просвещения.

Структурно книга построена именно как диалог двух исследователей, который компози-

ционно должен завершиться, но не завершается, синтезом. Общий текст составляет чуть более 160 страниц, и чрезвычайно информативен и семантически насыщен. «Пролог», посвященный периодизации в глобальном контексте, написан обоими авторами, как и «Эпилог», название которого совпадает с общим заглавием книги. Введение, две части и заключение монографии каждое состоит из двух эссе, написанных соавторами – специалистами по Европе и Китаю, составляя заявленный диалог. Книга оснащена объёмной библиографией, а также указателями. Существенный объём (р. 165 – 219) занимают приложения – переводы на английский язык первоисточников, в которых современники происходящих событий давали дефиницию Ренессанса; цитаты даны в хронологическом порядке. Их простое перечисление позволит перейти к содержательным особенностям монографии.

Первое приложение – «Источники по европейскому Ренессансу», включают следующий ряд авторов: Франческо Петрарка² («Письма»), Леонардо Бруни³ («Жизнь Петрарки»); Поджо Браччолини⁴ («Письмо Гуарино да Верона»),

² Выдающийся итальянский поэт, теолог (ученик Варлаама Калабрийского), глава старшего поколения гуманистов (годы жизни 1304–1374). Получил образование в Южной Франции, длительное время жил и служил при папском дворе в Авиньоне. Его коронование лавровым венцом на Римском Капитолии в 1341 г. (за поэму «Африка») иногда считается датой начала итальянского Ренессанса.

³ Годы жизни: 1370 (или 1374) – 1444. Итальянский гуманист, ученик греческого учёного Мануила Хрисолора. С 1405 г. служил папским секретарём, после низложения Иоанна XXIII работал во Флоренции, в которой написал историю этой республики. Дослужился до звания государственного секретаря. Переводил на латинский язык сочинения Аристотеля, Демосфена, Плутарха. На итальянском языке написал биографии Данте и Петрарки и на латинском «Повесть о двух возлюбленных». Проповедовал идею всестороннего развития личности и осуждал аскетизм.

⁴ Годы жизни 1380 – 1459. Видный итальянский гуманист, собиратель античных рукописей, его почерк лёг в основу раннего печатного шрифта антиква. Браччолини побывал во Франции, Германии, Швейцарии и Англии, где в библиотеках монастырей отыскал рукописи Вегеция, Марка Манилия, Аммиана Марцеллина, Витрувия, Петрония, а также «Воспитание оратора» Квинтилиана, «Сильвы» Стация и др. В 1417 г. обнаружил полную рукопись Лукреция «О природе вещей», считавшуюся утраченной ещё в древности. Упомянутый в заглавии послания Гуарино да Верона (1370? – 1460) – выдающийся учёный-филолог, чьи программы изучения латинского и греческого языков были востребованы более 400 лет.

Маттео Пальмиери⁵ («О гражданской жизни»), Никколо Макиавелли⁶ («Письмо Франческо Веттори», «Комментарий к Титу Ливию»), Эразм Роттердамский⁷ («Письмо Йоханну фон Флаттену»). Далее следует раздел «Источники о китайском Ренессансе». Ряд открывается «Ренессансом» Эдит Зихель⁸ (1914 года) и продолжается «Несколькими ничтожными предложениями о литературной реформе» Ху Ши⁹ (1917) и его же «Китайским Ренессансом» (1926); «Китайским Ренессансом» некоего Чжу Цзиньпая (1930) – малограмотной англоязычной статье из школьного журнала. Ряд за-

вершается предисловиями 1934 и 1963 гг. к Гаскелловской лекции Ху Ши 1933 г., написанными, соответственно, Юстасом Хейдоном¹⁰ и Хайманом Кублином¹¹.

В «Прологе» обозначена главная исследовательская задача авторов: критика периодизации. Тезис об этом вводится ссылками на знаменитых интеллектуальных историков – Йохана Хейзингу¹², Жака Ле Гоффа¹³ и Рейнхарта Козеллека¹⁴. Авторы вынуждены констатировать, что хотя европоцентризм побеждён, но попытки структурирования глобальной истории (в категориях линейности и телеологизма)

⁵ Годы жизни 1406 – 1475. Наиболее известен как политический деятель, дважды избиравшийся на пост главы Флорентийской республики.

⁶ Годы жизни 1469 – 1527. Наиболее известен как политический мыслитель, хотя в «Государе» и «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» рассматриваются противоположные общественные идеалы.

⁷ Настоящее имя Герхард Герхардс (1469 – 1536). Крупнейший гуманист Северного Возрождения, сыгравший существенную роль в Реформации, хотя и отвергший лютеранство. Его критическое издание Нового Завета положило начало научной светской библеистике.

⁸ Edith Sichel (1862 – 1914) – английская писательница. Происходила из немецко-еврейских переселенцев в Великобританию. Известна художественно-публицистическими трудами о Екатерине Медичи и Монтене. «Ренессанс» был её последней книгой.

⁹ 胡適 (1891 – 1962). Выдающийся китайский мыслитель, стоявший у начала «Литературной революции», один из создателей современного китайского языка путунхуа (на Тайване – гоюй).

¹⁰ Eustace Haydon (1880 – 1975) – канадский религиозный публицист и историк религии. С 1903 г. служил баптистским священником в Онтарио, далее представлял унитарную церковь. В 1919 – 1945 гг. возглавлял кафедру религиоведения Чикагского ун-та. Один из авторов и поставивших подпись под Первым гуманистическим манифестом 1933 г.

¹¹ HUMAN KUBLIN (род. 1919) – американский историк, преимущественно, специализирующийся на странах Дальнего Востока в новое время. Автор первой англоязычной биографии Сэн Катаяма – основателя Коммунистической партии Японии (1964). Активно изучал историю евреев в Китае и в Японии, выпустил в 1971 г. соответствующую монографию; состоял в редколлегии «Еврейской энциклопедии».

¹² Johan Huizinga (1872 – 1944) – выдающийся нидерландский философ культуры, филолог-индолог по образованию. Автор «Осени Средневековья» (1919) и «Человека играющего» (1938). Он утверждал, что каждая культура имеет своё собственное прошлое. Каждая культура будет иметь свой взгляд на прошлое и будет «писать историю» по-своему. Более того, в пределах одной культуры разные субкультуры будут иметь разную историю (в значении «разный образ истории»). Это относится не только к культурам Запада и Востока: разной будет история Нидерландов у протестантов и социалистов.

¹³ Jacques Le Goff (1924 – 2014) – французский историк-медиевист, представитель концепции «тотальной истории». Первый директор Высшей школы социальных наук (1975 – 1977), составитель книжной серии «Становление Европы». Сторонник концепции Средневековья как особой цивилизации, отличной и от античной, и от новоевропейской.

¹⁴ Reinhart Koselleck (1923 – 2006) – выдающийся немецкий историк и методолог истории, ученик М. Хайдеггера и Г. Гадамера. Главный редактор и активный автор энциклопедии «Основные понятия исторической науки. Историческая энциклопедия социально-политического языка в Германии» (1972 – 1997).

были осуществлены в Европе и оказались чрезвычайно эффективными моделями для любых цивилизаций и культур. То же касается и периодизационных моделей. Ни одна из них не может считаться транснациональной или универсальной, но они демонстрировать «четкие культурные, социальные и национальные склонности и предрасположенности» (р. 3 – 4). Иными словами, задачей авторов было использование тех или иных символических рамок как полезных прагматически инструментов. Выбор Ренессанса для «обкатки» нам представляется исключительно удачными, поскольку авторы воспользовались постулатами Дж. Бентли¹⁵: «Насколько вообще возможно выделить периоды, которые будут одинаково применимыми по обе стороны границы, разделяющие политические и культурные регионы? Какой критерий или принцип может помочь историкам разобраться в закономерностях преемства и изменений, и различать их?» (р. 4 – 5).

Задача нелёгкая. Собственно, сами авторы ссылаются на А. Тойнби (кажется, не нуждающегося в представлении), который ещё в девятом томе своего «Исследования истории» (вышедшего в 1954 г.) утверждал, что итальянский Ренессанс был одним локальным проявлением некоего универсально повторяющегося явления. К сожалению, наши авторы не имеют понятия о концепции китайского (и шире – восточного) Ренессанса, сформулированного в 1930 – 1960-е гг. японским синологом

Найто Торадзиро и советским синологом и японистом Н.И. Конрадом. При этом Конрад переписывался с Тойнби, и данные вопросы рассматривались ими обоими.

Итак, соавторы пришли к противоположным выводам. Специалист по европейскому Ренессансу Т. Майсен на материале итальянского Ренессанса пришёл к выводу, что подобного ему культурно-исторического феномена не существовало в Китае. Б. Миттлер, напротив, полагает, что в структурно-функциональном смысле можно поставить уникальность европейского Ренессанса¹⁶ под сомнение.

Т. Майсен, в первую очередь, основывался на том, что Ренессанс был осмыслен самими его творцами – гуманистами, а затем представителями позитивистской историографии XIX в. Никаких других «ренессансов» не существовало даже в европейской истории, не говоря о Китае. Ренессанс, понимаемый как отдельная эпоха, существовал в XIV – XVI вв., и маркирован, прежде всего, особым отношением к античности и классическим языкам (древнегреческому и латинскому), которое породило особые формы интеллектуально-критического диалога своего времени.

Б. Миттлер соглашается с тем, что подобной коллизии в Китае не было, но считает, что «Китайский Ренессанс» состоялся на начале XX в., когда китайские интеллектуалы, в кратчайший срок осваивая западное культурное

¹⁵ Jerry Harrell Bentley (1949 – 2012) – американский историк. Один из основателей и редакторов Journal of World History. Работал в Гавайском ун-те, основной круг интересов касался ренессансного гуманизма. Описанная далее исследовательская программа была представлена в его статье 1996 г. «Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History».

¹⁶ Авторы неоднократно ссылаются на разных специалистов, предлагавших концепции множественных «возрождений» в западной культуре. Во всяком случае, в культурологии понятия «Каролингского возрождения» (VIII – IX вв.) и «Возрождения XII века» воспринимаются как данность.

наследие, черпали вдохновение из итальянского Возрождения, которое определяется как «хронотипическая модель» (*chronotypical model*). На языке оригинала, таким образом, они проводят разницу между «*the Renaissance*» и «*a Renaissance*» (р. 161). В Китае начала XX в., когда происходила «литературная революция», молодое поколение интеллектуалов выражало презрение к древнекитайскому литературному языку, именуя прошлое «темницей», откуда их выведет адекватное описание современности на народном, разговорном языке. Поэтому в своих эссе Б. Миттлер старалась провести параллели между гуманистическими вдохновителями Ху Ши, Лу Синя и их менее известных современников.

Переходя к выражению своего мнения, начнём с мажорной ноты. Рецензируемая монография не случайно была избрана как стартовая в новой серии «Критических чтений в глобальной интеллектуальной истории». Собственно, судя по предисловию, даже диалогическая форма выражения была избрана издателями и редакторами, исходя из её роли в античном мире, средневековых монастырях, но особенно – в среде ренессансных гуманистов. Учёный диалог гуманистов – диалог равных (учёных или придворных), исполненный духом дружественности и терпимости, в котором происходит свободный обмен позициями и аргументами. В этом плане Милинда Банерджи, Себастьян Мерер и Сюзан Рихтер обозначили европейское Возрождение как «Эру культурного диалога» (р. XI). Высокий интеллектуальный дух, уважение к собеседнику и рассматриваемому предмету, глубокая эрудиция, словом – всё, что было в германской гуманитарной тради-

ции, столь глубоко впитанной российской университетской и академической средой, – всё это в рецензируемой монографии представлено в избытке. Нет главного, и к чести для авторов, они прямо в этом сознались.

Задача, за которую авторы взялись, была двуединой. Оставаясь на позициях сократического диалога, авторы а-приори желали сопоставить «антагонистические идеи на общей матрице», что, собственно, и заложено в любую форму интеллектуального критического диалога. В диалоге не существует заранее распределённых ролей антагонистов и ведущего. Мы можем обратиться к эталонному для русской культуры XX в. диалогу в «Переписке из двух углов» М. Гершензона и Вяч. Иванова, во время которого оба собеседника кардинально переменили свою позицию, уяснив для себя нечто глубокое и новое, как в окружающей действительности, так и в себе самих. Результаты диалога Б. Миттлер и Т. Майсена, по-видимому, обескуражили самих авторов.

Авторы не переменили позиций и не пришли к согласию. Они не договорились ни по вопросу, имелся ли в истории Китая собственный Ренессанс, ни по фундаментальному вопросу, как вообще следует писать глобальную историю. При этом мы очень хорошо понимаем обусловленность позиции синолога – Б. Миттлер, что глобальная история возможна в виде размышлений разных культур мира друг о друге, взаимно обогащающих способы восприятия действительности в зеркале Иного. Сравнение всегда происходит на контрасте и это пойдёт на пользу чёткости определений (р. 162). Т. Майсен с позиции специалиста по Европе,

напротив, указывает, что стремление привести позиции к общему знаменателю приведёт только к нечеткости и размытости определений и терминов, и в итоге – к созданию очередного идеалистического и универсального «типа» – *ренессансов* (“*renascences*”). Если мы будем его использовать в качестве аналитической категории (самое простое определение её «повторное открытие прошлого»), выяснится, что с помощью данной категории выявлять конкретные закономерности или различия, будет очень сложно или невозможно. Своё бессилие авторы переадресовали известному американскому синологу Юй Инши¹⁷, приведя объёмную цитату из его статьи «Не Ренессанс, не Просвещение»:

«...Придётся отказаться от аналогий при рассмотрении истории Китая как целого: если мы не в состоянии признать существования единых законов истории и отказываем уникальной модели европейского исторического опыта в применимости для незападных обществ, почему мы должны вообще задаваться вопросом о существовании Ренессанса и Просвещения в истории Китая? Замечательно было бы увидеть “Движение 4 мая”¹⁸ таким, каким оно было на самом деле¹⁹. Это было, ...прежде всего, культурное движение, ответ на стимулирующее воздействие западных идей. Интеллектуалы

“4 мая” сознательно заимствовали идеи эпох Возрождения и Просвещения... Но Движение 4 мая не было ни китайским Ренессансом, ни китайским Просвещением по той простой причине, что в этот период в Китае были интродуцировано величайшее множество западных идейных и ценностных систем помимо Ренессанса и Просвещения. И если мы доведем аналогию до логического завершения, то придётся спрессовать множество веков европейской истории в пространство одного или двух десятилетий китайского XX в., что, естественно, невероятно абсурдно» (цит. р. 162 – 163).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Professor, Dr. Sc. **Dmitry Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Associated Professor, PhD. **Yulia Martynova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

Принята к публикации: 09.09.2020

Submission Date: 09.09.2020

¹⁷ 余英時 (род. 1930) – единственный китайский учёный, который работал во всех трёх ведущих университетах США (Гарвард, Принстон, Йель). Его отец – учёный-историк, также получил образование в Гарварде. В 1950 г. выехал из КНР, первоначально учился в Гонконге у выдающегося постконфуцианца Цянь Му (錢穆, 1895 – 1990). Известен исследованиями цинской исторической мысли и романа «Сон в красном тереме».

¹⁸ 五四运动 – массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае – июне 1919 года, возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Началось 4 мая 1919 г. в Пекине студенческой демонстрацией протеста против этого решения, а также против предательства национальных интересов Китая одиозными деятелями Пекинского милитаристского правительства.

¹⁹ Скрытая отсылка на ключевую формулу позитивистской историографии, выдвинутую Л. фон Ранке в 1824 г.: «показать, как все происходило на самом деле» (wie es eigentlich gewesen).

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
**«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещение основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ

НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2 и т.д.

Место работы1, Место работы2 и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: *слово(5-7)*

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Keywords and phrases: *word (5-7), на языке написания статьи*

Для цитирования: *ФИО. Название статьи (курсивом). Современные востоковедческие исследования. Год публикации; Том (Номер выпуска):*

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина А.А. *Динамика экономических отношений между Россией и Японией: основные мотивы.* Современные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. *Dynamics of economic relations between Japan and Russia: basic motives.* Modern oriental studies. 2020; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Рис. 2: Название диаграммы

ВЫВОДЫ

Текст

ЛИТЕРАТУРА

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белашапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.

2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Be-

loshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.

4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD **Alfiya Alikberova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

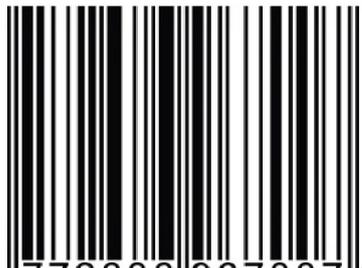
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >